

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 13 (1) • 2020

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work of MGIMO University, Doctor of Historical Sciences, Professor. Deputy Editor-in-Chief.

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of Center for Central Asian and Afghan Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Head of Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 19,54 усл. п.л. Заказ № 261.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

История международных отношений

- 7 Кудрявцев О.Ф. – Неведомой страны чертёж: первые европейские карты Московии (1525 г.)
- 23 Зонова Т.В., Джаннотти А. – Россия и Запад: противоречивый диалог
- 39 Энтина Е.Г. – Сотрудничество Югославии и Европейского экономического сообщества в контексте современных интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе
- 56 Зорин А.В. – Дилеммы финансовой политики США в Восточной Европе, 1945–1948 гг.: опыт ЧСР
- 82 Estachy L. – Power Struggle between China and the United States: Lessons of History

Новые технологии и невоенные ресурсы политического влияния

- 100 Данилин И.В. – Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам?

- 117 Podberezkin A.I., Podberezkina O.A. – Leadership Social Networks as a Tool of Coercion in World Politics
- 129 Мамедов Р.Ш., Морозов В.А. – Влияние санкций ООН и США на политическую элиту Ирака
- 147 Пугачева О.С. – Роль социально-гуманитарного фактора во внешней деятельности Южной Кореи в контексте корейского урегулирования

РЕЦЕНЗИИ

- 169 Казаринова Д.Б. – Политическая наука в эпоху ресентимента
- 184 Скиженок А.В. – Культурно-религиозное измерение истории России и православного мира в XVII веке в осмыслении славянофилов

Table of Contents • 13(1) • 2020

RESEARCH ARTICLES

History of International Relations

- 7 Kudryavtsev O.F. – The First European Maps of Muscovy (1525).
23 Zonova T.V., Giannotti A. – Russia and the West: Contradictory Dialogue.
39 Entina E.G. – EEC and Yugoslav cooperation in the frames of modern international relations in Europe.
56 Zorin A.V. – The problem of American loans and credits for Czechoslovakia in 1945–1948.
82 Estachy L. – Power Struggle between China and the United States: Lessons of History.

New Technologies and Nonviolent Means of Influence in International Relations

- 100 Danilin I.V. – The Impact of Digital Technologies on Leadership in Global Processes: from Platforms to Markets?

- 117 Podberezkin A.I., Podberezkina O.A. – Leadership Social Networks as a Tool of Coercion in World Politics.
129 Mamedov R.Sh., Morozov V.A. – The Impact of U.S. and UN Sanctions on Iraqi Political Elite.
147 Pugacheva O.S. – Social and Humanitarian Factor in South Korea's External Relations and The Korean Question.

BOOK REVIEWS

- 169 Kazarinova D.B. – Political Science in The Age of Resentment.
184 Skizhenok A.V. – The Cultural and Religious Dimension of Russia and the Orthodox World in the 17th Century in the Interpretation of Slavophiles.

Неведомой страны чертёж: первые европейские карты Московии (1525 г.)

О.Ф. Кудрявцев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Первые карты с изображением Московии появились в Европе как следствие огромного интереса к ней в середине 20-х гг. XVI в. Как раз в то время в «Книге о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII» её автор, известный итальянский гуманист Павел Йовий, заявил о намерении «воспроизвести местоположение сего региона (Московии – *Авт.*) на печатном чертеже». Тем не менее, ни к первому изданию его книги, ни ко всем последующим никакая карта Московских земель приложена не была. Но карта была обнаружена, причём в двух вариантах. Первый найден в Венеции, в рукописном атласе Баттисты Аньезе. Второй представляет собой печатное издание, подготовленное, возможно, Павлом Йовием и предназначенное, по-видимому, для его книги. Карты похожи одна на другую, их поясняет сходная надпись: «Карта Московии, составленная на основе рассказов посланца Дмитрия так, как он сам узнал от многих, поскольку, по его собственному признанию, всю страну он объехал далеко не полностью, год 1525, октябрь».

Сопоставление двух самых ранних карт Московии позволяет согласиться с уже высказанным наблюдением о том, что они «настолько близки между собой, что могут рассматриваться как варианты единого сюжета». И всё же считать вслед за этим, будто напечатанная карта, автором которой мог быть Павел Йовий, стала примером для карты Аньезе, неправильно, ибо при таком допущении невозможно объяснить очевидные и существенные расхождения в географических объектах и их названиях на этих двух картах.

Изготовление двух карт Московии осенью 1525 г., почти в одно время с книгами об этой стране Павла Йовия, Альберта Кампенского и Иоганна Фабри, – свидетельство большого и напряжённого внимания Европы к появившемуся на её восточных границах мало известному государству. Эти карты должны были дополнительно к описаниям Московии упомянутых выше авторов дать её детальное и наглядное изображение как сложного географического объекта. И, надо признать, их составителям это удалось.

Ключевые слова: карты Московии, космография, география, образ другого, гуманизм Возрождения, Баттиста Аньезе, Павел Йовий.

УДК: 321

Поступила в редакцию: 07.11.2019 г.

Принята к публикации: 02.02.2020 г.

Самые ранние карты с изображением Московии появились в Европе, как и следовало ожидать, на волне возникшего по разным причинам огромного интереса к ней в середине 20-х гг. XVI в. (Кудрявцев 1997: 7–12). Именно тогда были созданы первые значительные сочинения, специально посвящённые ей, и в одном из них, «Книге о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII», его автор, известный итальянский гуманист Павел Йовий, обещал «воспроизвести местоположение сего региона (Московии – *Авт.*) на печатном чертеже»¹. Однако ни первое издание этой книги, ни все последующие никакая карта Московских земель не сопровождала. Полагали даже, что она так и не вышла в свет (Багров 2005: 3).

Однако карта нашлась. И в двух вариантах. Первый был обнаружен в рукописном атласе, созданном в первой половине XVI в. в Венеции генуэзским картографом Баттистой Аньезе. Второй представляет собой печатное издание, подготовленное, возможно, Павлом Йовием и предназначенное, по-видимому, для его книги², но по какой-то причине не присоединённое к ней. Обе карты имеют много общего, пояснением к ним служит почти одинаковая надпись: «Карта Московии, составленная на основе рассказов посланца Дмитрия так, как он сам узнал от многих, поскольку, по его собственному признанию, всю страну он объехал далеко не полностью, год 1525, октябрь»³.

Карты Баттисты Аньезе

В 34-листном сборнике карт Баттисты Аньезе, хранящемся в Венеции в Библиотеке Св. Марка, целиком Московии посвящена рисованная карта под № XXIII⁴ (см. рис. 1).

Изготовлена она, как полагают, в 1525 г. и около 1550 г. перерисована Баттистой Аньезе для его рукописного сборника карт (Багров 2005: 91). Можно сказать, что это – вместе с печатной картой – первое изображение собственно Московской Руси, или Московии, как называли её на Западе, и сопредельных ей земель. Публикации карты Московии, начертанной Аньезе, состоялись ближе к концу XIX в.⁵; часто воспроизводилась она и в XX в. Однако все репродукции

¹ «Regionis primo situs... in tabula typis excusa figurabitur» (*Iovius P. Libellus de legatione Basillii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificem Maximum*; Йовий П. 1997. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII. Перевод А.И. Малеина и О.Ф. Кудрявцева. *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы*. Составитель О.Ф. Кудрявцев. Москва. С. 230, 258).

² В пользу этого предположения говорит и отсутствие на карте имени её составителя: она должна была быть частью книги того же автора (Старков 1994: 14).

³ «*Moscoviae tabula relatione Dimetrij legati descripta sicuti ipse a pluribus accepit, cum totam prouinciam minime peragrasset fateatur anno M.D.XXV. octobris*», – так читается надпись в атласе Аньезе. В печатной карте есть отличия от него в написании отдельных слов и в том, что перед глаголом «peragrasset» вставлено местоимение «se».

⁴ Atlas Battista Agnese. Carte XXIII. Biblioteca di San Marco.

⁵ Карта эта впервые опубликована была в 1881 г.: Facsimile delle Carte nautiche di Battista Agnese, illustrate da Teobaldo Fischer. Ed. F. Ongania. Venezia, 1881. Вторым изданием карта вышла в свет в приложении № III к книге Михова (Michow 1884: 22–24).

этой карты, предназначенные для передачи контуров основных изображённых на ней географических объектов, чёрно-белые⁶, тогда как созданный Аньезе оригинал цветной.

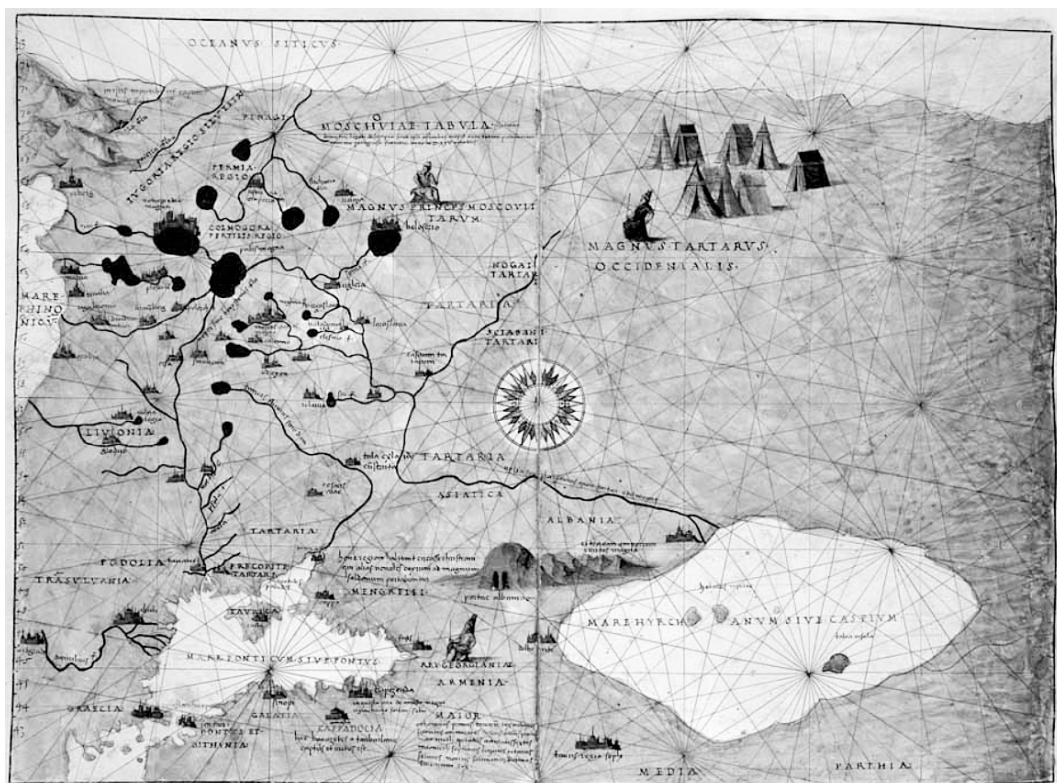

Рис. 1. Баттиста Аньезе. Карта Московии. 1525. Рукопись. Библиотека Сан Марко, Венеция.

Pic. 1. Battista Agnese. Map of Muscovy. 1525. Manuscript. Library of San Marco, Venice.

На карте указаны время её создания (октябрь 1525 г.) и источник сведений об изображённых на ней географических реалиях – русский посланец в Рим Дмитрий Герасимов. Мысль о том, что Герасимов мог передать некий чертёж Российского государства, лёгший в основу «Карты Московии», справедливо отвергнута на том основании, что пользовавшийся доверием русского правителя дипломат не мог сообщить иностранцам секретные материалы, а карта, в представлении русских властей, относилась к таковым (Багров 2005: 94). Таким образом, Дмитрий Герасимов не принимал участия, по крайней мере, прямого, в создании карты. Она была вычерчена по мотивам книги Павла Йовия о Московии (Багров 2005: 91), действительно опиравшегося во многом на расска-

⁶ В их основе чертёж карты Аньезе, сделанный Миховым с её фотографии и опубликованный им в его монографии (Кордт 1889: 3).

зы Дмитрия Герасимова. Не исключено, что сам Павел Йовий создал её первоначальный образец, впоследствии использованный Аньезе, и в напечатанной карте. Однако даже если Аньезе опирался на какой-то прототип карты, подготовленный Йовием, или просто на его книгу, то, без сомнений, он внёс в свой вариант карты новую информацию. Ибо на его карте есть детали, отсутствующие в повествовании Йовия, и названий на его карте больше, чем в книге гуманиста (Багров 2005: 95). Похоже, у Аньезе был дополнительный источник (или ряд источников) сведений о Московской Руси, отразившихся в содержании его карты (Багров 2005: 95).

Под названием карты ближе к северу Аньезе поместил фигуру человека, сидящего в контрапостном положении на троне, в шапке с меховой оторочкой и с мечом в левой руке; надпись под ним гласит: «Великий князь московитов» (*Magnus princeps moscovitarum*). Две другие похожие друг на друга фигуры в профиль на троне в высоких шапках с жезлами в правой руке расположены: одна строго на восток от московита и представлена на фоне шатров и палаток как «Великий западный татарин» (*Magnus tartarus occidentalis*), другая – на юге, между Чёрным и Каспийским морями, и обозначена как «Король грузинский» (*Rex georgianiae*). В верхней части карты изображён Скифский (Северный Ледовитый) океан (*Oceanus Siticus*) с условной волнистой границей воды и суши; на юго-востоке – «Гирканское, или Каспийское, море» (*Mare Hyrchanum sive Caspium*), вытянутое больше с запада на восток, чем с севера на юг; на юго-западе даны близкие к реальным очертания «Понтийского моря, или Понта» (*Mare Ponticum sive Pontus*), то есть Чёрного моря, а также «Меотийских болот» (*Meotides paludes*), или Азовского моря; на северо-западе показаны весьма далёкие от подлинных очертания берега Балтийского моря, обозначенного как «Финское море» (*Mare Phinnicum*). Соседями московитов на востоке представлены ногайские и шибанские татары (*Nogai tartari, Sciabani tartari*), а при впадении Камы (не надписана) в Волгу обозначен татарский город Казань (*Casanum tatarum*), и на юге – прекопитские, то есть крымские, татары (*Precopite tartari*). Далеко на юго-западе обозначены Подолия и Трансильвания, а на западе – Ливония, к владениям которой отнесены Гродно, Вильна и, по-видимому, Орша и Смоленск (*Grodno, Uilna regia, Orsa, Smolecum*). Все эти города на самом деле входили в состав Великого Княжества Литовского, или Литвы, которую Аньезе, по-видимому, ложно отождествил из-за созвучия названий с Ливонией (Michow 1884: 26); не случайно Литва, как и Польша – главные соседи России с запада – даже не указаны.

Орша и Смоленск стоят в верхнем течении реки «Днепр, или Борисфен» (*nepr siue borystenes flu[men]*), как сказано в легенде карты. Берёт он начало, подобно Волге, Западной Двине и Мсте (?), в большом водоёме, имеющем название «Великое болото» (*palus magna*), течёт почти всегда строго на юг и впадает в Чёрное море. В среднем течении с запада почти перпендикулярно соединяется с ним некий приток (Припять?), поблизости от места его впадения находится

город без названия, но, судя по расположению, это Киев (Michow 1884: 33). Далее по течению с востока в Днепр впадают пять притоков, три из них названы – *uoscha ffluuius*] (Ворскла?), *psela ffluuius*] (Псёл?), *arela ffluuius*] (Орель?) (Michow 1884: 33). Если верны идентификации названий первых двух рек с Ворсклой и Псёлом, то на карте они указаны не в должном порядке, ибо Ворскла впадает в Днепр ниже по течению, чем Псёл. При устье Днепра с обеих сторон обозначены два города, расположенный с запада имеет название Танане (*Tanane*).

К востоку от Днепра из небольшого водоёма берёт начало «река Танаис, или Дон» (*Tanais fluuius siue don*). Как и в случае с Днепром, приведены два названия Дона – античное и современное⁷. Течёт Дон вначале на юго-восток, потом резко поворачивает на юго-запад и впадает в Азовское море. Почти у излучины на восточном берегу нанесён неправдоподобно далеко к югу от Москвы город, надпись по соседству гласит: «Тула сооружена из камня» (*tula ex lapid[e] constructa*). В излучине Дона на правобережье обозначено поселение, а рядом с ним надпись «Цезаревы алтари» (*Cesaris arae*)⁸.

Между Днепром и Доном у центра северного берега Чёрного моря начинается Таврида (*Tavrica*), то есть Крымский полуостров. На юго-восточном берегу его обозначен город Каффа (*caffa*) (Феодосия)⁹.

К востоку от Азовского моря ближе к Каспийскому нанесены горы. Между ними и устьем Дона надпись гласит: «этот регион населяют черкасы-христиане, некогда они поставляли рабов в Каир великому султану» (*hanc regionem habitant circassi christiani qui alias uenales cayrum ad magnum soldanum portabantur*). Скорее всего, речь идёт о христианском населении северного Кавказа и близлежащих степей (аланах?). Ниже расположенная надпись прописными буквами указывает страну, занятую народом менгрелов (*mengrelli*).

С востока близко от излучины Дона протекает самая мощная водная артерия региона «река Волга, или Ра, которую татары именуют Эдиль» (*uolga siue rha fluuius quam tartari edil uocant*). Любопытно, что Аньезе приводит целых три названия этой реки: одно – древнее, два новых – принятое у русских и употребляемое татарами¹⁰. Подобно Днепру и другим рекам, Волга берёт начало из «Великого болота»¹¹ и, как показано, течёт в юго-восточном направлении, пока не впадает двумя протоками в Каспийское море. В устье её стоит «большой торговый город Цитрахань [Астрахань] (*citracan emporium ciuitas magna*)». На верхней Волге недалеко от впадения в неё с северо-востока некой реки Сама (*sama*

⁷ Ср.: Iovius P. Op. cit. Pp. 243, 273.

⁸ «Цезаревы алтари» ниже поворота реки Танаиса упоминал Клавдий Птолемей, см.: Географическое руководство. III.V.26. 2009. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I. Античные источники. Составитель А.В. Подосинов. Москва. С. 187.

⁹ Ср.: Iovius P. Op. cit. Pp. 236, 266.

¹⁰ Ibid. Pp. 241, 243, 272, 273.

¹¹ Ср. у Павла Йовия: Волга «берёт начало из великих и обширных болот» (e magnis uastisque paludibus) См.: Iovius P. Op. cit. C. 241, 272.

ff[lumen], может быть, Шексна?) обозначен город Углич (*uglora*) (Michow 1884: 31); река эта начинается в Белом озере, судя по названию города, который стоит на его берегах – Белозеро (*beloserio*). Немного ниже по течению значится Переславль (*pereslauia*), расположенный на некотором удалении от реки. Ещё ниже – Ярославль (*iaroslauia*) и рядом на притоке Волги Клязьме, (*clesma ff[lumen]*), на самом деле впадающей в Оку, – Владимир (*uolodemaria*). Далее по течению в Волгу с запада впадает довольно большая неназванная река – как очевидно, Ока. В неё, в свою очередь, впадает с севера другая безымянная река поменьше – конечно же, Москва. В верхнем её течении находится одноименный «большой город Москва» (*moscha ciuitas magna*), а ниже, в месте её соединения с Окой, город Коломна (*columna*). Где-то в середине Москвы-реки в неё впадает с севера река Неглиная (*neglina ff[lumen]*). В верхнем течении Оки немного южнее её обозначен город Одоев (*odoeff*). Ниже по течению Волги в неё впадает с запада река, судя по названию Сура (*sur ff[lumen]*); у её истоков на каком-то водоёме стоит город, написание его имени отдалённо напоминает Рязань (*relania*) (Michow 1884: 31), хотя на самом деле Рязань стоит на Оке; ближе к месту соединения Суры с Волгой нанесён город без названия, возможно, имелся в виду Васильсурск¹². Все вышеописанные реки, как показано на карте, имеют истоки в каких-то водоёмах – озёрах или болотах¹³.

К северу от верхней Волги, опять же в озёрах или болотах, берут начало несколько рек, сливающихся в одну, которая не названа, но может быть только Северной Двиной. Впадает она в Скифский, то есть Северный Ледовитый, океан, а один её приток, крайний с востока, подписан: Сухона (*suchona flu[men]*). Недалеко от истоков этой реки нанесён город Вологда (*uologa – sic!*). Две другие реки показаны западнее, в месте их слияния обозначен «торговый город Устюг (*ustiuga emporium*)». Аньезе допустил ошибку: Устюг действительно расположен около слияния двух рек, и одна из них Сухона, другая – Юг, причём Сухона течёт не к востоку, а к западу от Юга. Надпись на карте на пространстве между двумя неназванными реками, сливающимися друг с другом, а ниже по течению и с Сухоной – «Плодородная область Холмогоры (*colmogora fertilis regio*)» – доказывает, что Аньезе опирался на книгу Павла Йовия, картой как бы иллюстрируя её. У Павла Йовия сказано, что Холмогорская область «изобилует хлебом» и что «по ней протекает самая обширная из всех рек севера Двина (*diuidna*)». Почему же эта область плодородна? А потому, что, подобно Нилу, эта река своими разливами «утучняет окрестные поля» и «оказывает удивительное сопротивление суровости холодного климата»; «посеянный в землю хлеб родится без всякого содействия плуга» и за короткое время успевает вызреть¹⁴. Далее добавлено, что «в Двину впадает река Юг, и в самом месте их слияния находится знаменитый

¹² У Павла Йовия он назван «Сурцик» (*Surcicum oppidum*). См.: *Iovius P. Op. cit.* С. 243, 273.

¹³ Ср.: *Iovius P. Op. cit.* С. 241, 243, 272, 273.

¹⁴ *Iovius P. Op. cit.* С. 238, 239, 269.

торговый город Устюг (*Vstiuga*)»¹⁵. Именно так показано его местоположение и на карте Аньезе¹⁶, на которой, надо заметить, названий Двина и Юг нет, но есть название реки Сухоны, о которой не упоминает Павел Йовий. Выходит, его данные Аньезе учитывал, впрочем, не всегда поясняя в легендах, и дополнял сведениями из каких-то других источников.

К западному берегу Северной Двины примыкает «область Пермь (*Permia regio*)», хотя на самом деле пермяки расселены юго-восточнее верховьев этой реки. В её нижнем течении и тоже в западной части почти на берегу океана находятся пинежане (*penagi*), вероятно, обитатели земель у реки Пинеги; по-видимому, эта река впадает в Северную Двину с запада, беря начало в каком-то водоёме, но на карте названия у неё нет; в действительности же Пинега – восточный приток Северной Двины. У Павла Йовия упомянуты «пермяки, печора, югры, вогулы, пинежане» как «более отдалённые народы», привозящие в Устюг «драгоценные меха»¹⁷.

Локацию этих других поименованных народов установить легко. На западе от Северной Двины – в действительности восточнее – параллельно ей течёт, впадая в океан, река Печора (*pecera flu[men]*), около которой должно быть расположено население с соответствующим названием. Между Двиной и Печорой обозначена «Лесная Югорская область (*Ivgoria regio silvestr[is]*)» как место обитания югры. За Печорой ещё далее на запад показана некая река Югра (*iugra flu[men]?*), вытекающая из расположенных на перешейке между Балтийским морем и океаном островных гор; надпись гласит: «На сих горах ловят благородных соколов (*in istis montibus capiunt nobiles falcones*)»; у Павла Йовия тоже речь идёт о «крутых горах, которые в древности, вероятно, слыли Гиперборейскими». И далее: «На их вершинах ловят самых превосходных соколов (*nobilissimi Falcones capiuntur*)»¹⁸. На карте Аньезе все перечисленные географические объекты – и реки Сухона и Пинега, и области Перми и Югры, и горы, в которых легко угадываются Уральские, – изображены словно в зеркальном отражении; поэтому довольно далёкие объекты северо-востока Европы оказались на его северо-западе, в частности Уральские горы – на перешейке Скандинавского полуострова, хотя им место далеко на востоке. Похоже, Аньезе повторил ошибку Мартина Вальдземюллера, который на своей «Морской карте» 1516 г. разместил земли перми и югры не к северо-востоку от Москвы, как полагалось бы, а к северо-западу (Старков 1994: 13).

На балтийском берегу перешейка обозначен город Выборг (*uiborg*). Южнее в море впадает река Нева (*nev[a] fflumen*), которая течёт с востока из некоего большого озера, на котором стоит Великий Новгород (*nouigrodia magna*). Ко-

¹⁵ Ibid. С. 239, 269.

¹⁶ Когда Павел Йовий писал свой трактат, город Устюг Великий находился на реке Сухоне на расстоянии полумили от места слияния с ней реки Юг, после которого и начинается собственно Северная Двина.

¹⁷ *Iovius P.* Op. cit. С. 239, 269.

¹⁸ Ibid. С. 239, 270.

нечно, озеро – Ильмень. В него с востока впадает некая река, берущая начало в Великом болоте – скорее всего, этой рекой должна быть Мста. Далее к югу на карте показан на берегу моря при устье реки город Нарва (*narua*). Река должна иметь то же название и вытекает она из озера, которое может быть только Чудским; в него втекает с востока небольшая без названия река, берущая начало в каком-то другом водоёме, и это река Великая, ибо на ней стоит город Псков (*plesco*). Ещё южнее – а на самом деле западнее – на побережье Балтийского моря располагается город Ревель (*riualia*). А далее на юг показана Рига Ливонская (*riga liuonie*), расположенная в устье реки Малая (=Западная) Двина (*diuidna minor*). Название реки подсказано – и это очевидно – Павлом Йовием, у которого говорится, что Двина северная «дала имя другой меньшей реке (*alteri fluuiio minori*), впадающей в Балтийское море»¹⁹. Итак, Малая Двина на карте Аньезе указана, а названия большей, или Северной, Двины нет. Малая Двина берёт начало в водоёме Великое болото так же, как Днепр, Волга, Мста (?). Недалеко от истоков этой реки показан город Полоцк (*polotcho*), а ниже его по течению – Люненбург (*lunenbourg*), именем которого мог быть обозначен только Дюнабург. Рига Ливонская значительно удалена от надписи Ливония, расположенной поблизости от городов Вильно и Гродно, относящихся, как было уже замечено, к совсем другой стране – Литве.

Подводя итог рассмотрению того, как представлено Российское государство, или Московия, на карте Аньезе, следует отметить, что его границы никоим образом не отмечены. Их можно проследить по окраинным русским городам: Смоленску, расположенному на западе, на среднем Днепре, напротив Орши, Пскову и Новгороду Великому – на северо-западе, Устюгу, Вологде и Белозеру – на севере, на востоке – Васильграду (впоследствии – Васильсурску), основанному в 1523 г. при впадении реки Суры в Волгу недалеко от Казани, Туле, сдвинутой слишком далеко на юг, на среднее течение Дона. Однако европейцам, современникам Аньезе, в подавляющем большинстве не знавшим об этих городах даже понаслышке, было бы трудно прочертить прослеженные выше границы тогдашней России.

Несомненным достоинством карты Аньезе было отражение в ней новейших для того времени географических сведений. В 1517 г. польский космограф Матвей Меховский опроверг утверждения своих античных и средневековых предшественников о наличии на востоке Европы Рифейских и Гиперборейских гор, в которых будто бы берут начало Днепр, Волга, Дон и другие крупные реки, протекающие по территории Московии; по словам Меховского, их истоки находятся в местах равнинных, болотистых, лесистых²⁰. Хотя против него в книге, посвящённой описанию собственной миссии к Великому князю Московскому (1518 г.),

¹⁹ Iovius P. Op. cit. C. 238, 269.

²⁰ Меховский М. 1936. Трактат о двух Сарматиях. Перевод С.А. Аннинского. Москва; Ленинград. Посвятительное письмо; I. II. 5. С. 46, 84, 128, 163.

тут же выступил императорский посол Франческо да Колло²¹, польского космографа поддержали в своих сочинениях о Московии Альберт Кампенский²² и Павел Йовий. «Волга, в древности называвшаяся Ра, – сказано у Павла Йовия, – берёт начало из великих и обширных болот, именуемых Белыми озёрами. Они находятся выше Москвы между направлениями ветров Аквилона и Кора и выпускают почти все реки, которые протекают по различным странам... Таким образом, эти болота имеют в достаточной степени неиссякаемый источник влаги взамен гор, которых, по уверению путешественников, вовсе нет в этой стране; поэтому большинство из занимающихся древней космографией признаёт совершенно баснословными Рифейские и Гиперборейские горы, столько раз прославляемые древними. Итак, из этих болот берут начало Двина, Ока, Москва, Волга, Танаис и Борисфен»²³. Сходным образом у Аньезе к юго-востоку от Новгорода Великого изображён большой водоём, обозначенный как «Великое болото» (*Palus magna*), из которого вытекают Волга, а также Днепр, Западная Двина и, по-видимому, Мста; большинство других рек берёт начало каждая из своего собственного водоёма. И никаких гор поблизости от их истоков нет.

Но в карте Аньезе можно найти существенное расхождение с информацией Матвея Меховского. Польский космограф трижды повторяет, что Волга впадает в Чёрное море²⁴. Аньезе, так же как Альберт Кампенский и Павел Йовий²⁵, показывает, что Волга, которая изображена как крупнейшая водная артерия на востоке известного тогда мира, несёт свои воды в Каспийское море. Вместе с тем эта карта Аньезе, как и другая, печатная карта Московии, имеет одну важную особенность в изображении речных путей сообщения, которая могла бы стать огромным соблазном для торгового люда Европы, если бы карты получили известность: вопреки действительности на них показано, что речными путями можно из Каспийского моря через Волгу и далее, за Великим болотом, по Малой (Западной) Двине или по Мсте и Неве добраться до Финского (Балтийского) моря, а по Днепру – до Понта (Чёрного моря). Ибо даже Паоло Чентурионе, мечтавший использовать реки, чтобы из Европы достичь Персии, а за ней Индии, согласно Павлу Йовию, полагал, что от Москвы до Сарматского (=Балтийского) моря надо двигаться сухим путём (*terrestri itinere*), не речным²⁶. Не случайно карта Аньезе (как и её печатный аналог), содержащая такую «ценную», хотя и ложную, информацию, была потаена и не имела широкого распространения.

Ещё одно свидетельство о Руси имеется на девятой карте Европы атласа Аньезе²⁷ (см. рис. 2). Карта эта включает в себя большую часть Западной и всю

²¹ Колло Фр. да. 1996. *Доншение о Московии*. Перевод О. Симчич. Москва. С. 50-52, 62-65.

²² Campensis A. De Moscovia; Кампенский А. О Московии. Перевод О.Ф. Кудрявцева и С.Г. Яковенко. *Россия в первой половине XVI в.* С. 83, 104, 105. Подробнее ссылки на авторов, писавших о Рифейских и Гиперборейских горах, и о полемике по их поводу в географической литературе см. мои комментарии в том же изд.: С. 127, 128. Примечание N 71.

²³ Iovius P. *Op. cit.* С. 241-243, 272, 273.

²⁴ Меховский М. *Указ. соч.* I. I. 7; II. I. 3; II. II. 1. С. 61, 110, 115, 142, 187, 192. См. в этой связи также: (7, pp. 299-300).

²⁵ Campensis A. *Op. cit.* С. 83, 105; Iovius P. *Op. cit.* С. 243, 273.

²⁶ Iovius P. *Op. cit.* С. 231, 259.

²⁷ *Atlas Battista Agnese*. Carte IX. Biblioteca di San Marco.

Центральную Европу, а на востоке линия обреза не доходит до Крымского полуострова. На пространстве от Готского (=Балтийского) моря (*gotticum mare*) до Понтийского (=Чёрного) (*mare ponticum*) нанесено мало географических объектов и надписей. С запада в Чёрное море, как показано, впадает Дунай. От верхнего течения его левого притока начинается Герцинский лес, вытянутый в северо-восточном направлении. Между этим лесом и нижним Дунаем указаны две страны: герцогство Мазовия (*masovia dvcatus*) и немного южнее его Красная Русь (*Rvbea Rvssia*). Надпись «Красная Русь» находится там, где обычно – и справедливо – обозначали Подолию. Но в любом случае Мазовия должна была бы находиться не севернее, а западнее Руси.

Гораздо севернее, за оконечностью Герцинского леса, большое пространство покрывает надпись «Великое Герцогство [=Княжество] Литовское (*Litvaniae magnus duc[atus]*)».

Как видим, карта небогата данными о восточной части Европы. На ней нет никакого указания на земли Московии, которые автору уже были неплохо известны, не обозначены два северных русских города – Великий Новгород и Псков, – упоминаемые всеми европейскими космографами и картографами, нет и намёка на великие реки Восточной Европы, которым на картах региона обычно уделяли пристальное внимание.

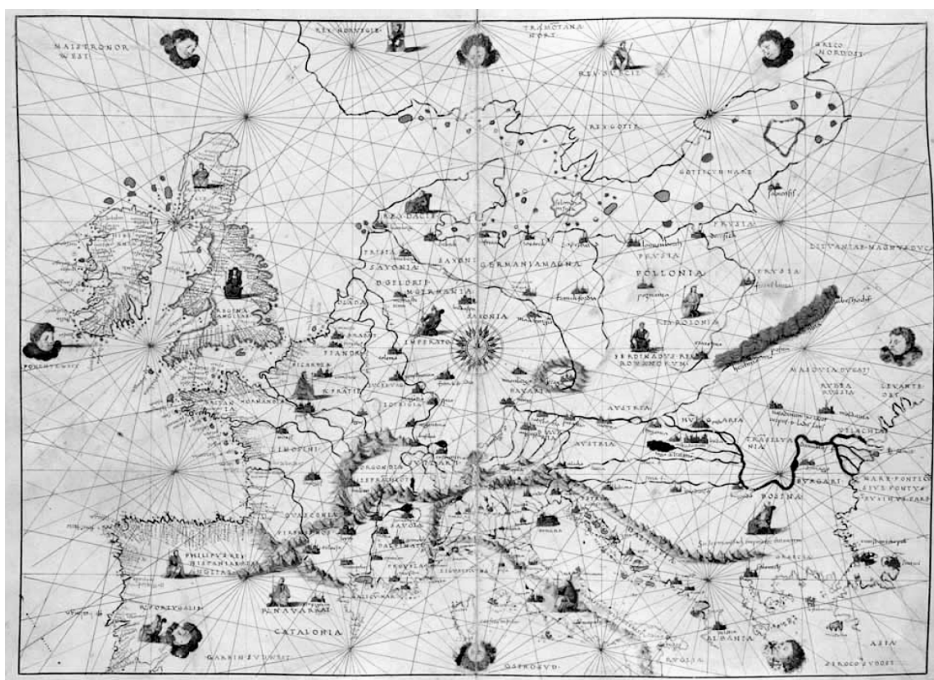

Рис. 2. Баттиста Аньезе. Карта Европы. 1525. Рукопись. Библиотека Сан Марко, Венеция.

Picture 2. Battista Agnese. A map of Europe. 1525. Manuscript. Library of San Marco, Venice.

Печатная карта Московии

Печатная карта Московии (см. рис. 3) была обнаружена сравнительно недавно и в 1993 г. приобретена Российским государственным архивом древних актов²⁸. По содержанию она очень близка карте Московии Баттисты Аньезе. Б.А. Рыбаков считает эту опубликованную карту «первичным, черновым наброском, сделанным после отъезда Дмитрия Герасимова из Италии между июлем и октябрём 1525 г.» (Рыбаков 1994: 8). Однако едва ли уместно называть её «черновым наброском»; она вполне закончена и подготовлена к печати. И она не может считаться первичной в отношении карты Аньезе, ибо в таком случае в этой последней географическая информация печатной карты отразилась бы полнее.

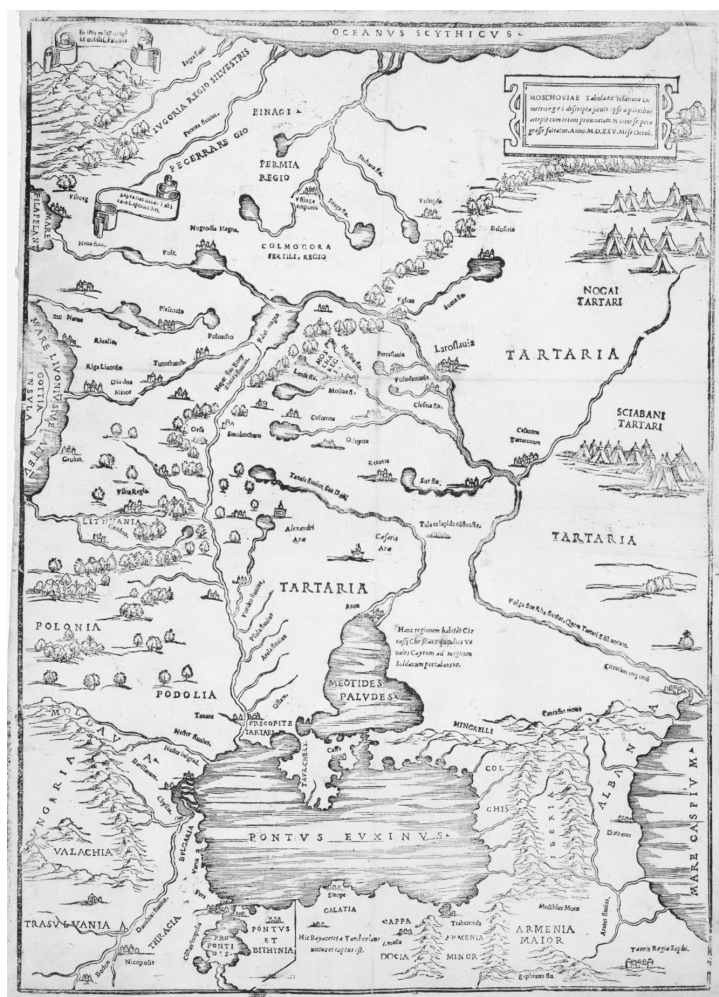

Рис. 3. Карта Московии, напечатанная в 1525
Pic. 3. Map of Muscovy, printed in 1525

²⁸ РГАДА. Фонд 192. Опись 6. № 963. Tabula Moscouiae.

Создатель карты не известен. По формату карта вертикальная, что отличает её от других карт с изображением Восточной Европы, её размеры 36,5х32,5 см.

Как и на карте Аньезе, с севера московитские пределы омывает Скифский (Северный Ледовитый) океан; его название по-латыни указано точнее – *oceanus scythicus*. На западе показаны два моря: Лапландское (*mare Filapelanum*) и Ливонское, или Балтийское (*mare Livonivm sive Baltevm*), отделяемые друг от друга неким выступом суши. На юге также два моря – Меотийские болота (*meotides palvdes*) (Азовское море) и Понт Евксинский (*pontus evxinus*) (Чёрное море). На юго-востоке частично представлено Каспийское море (*mare caspivm*).

Речная сеть печатной карты изображена почти так же, как у Аньезе. И точно так же она демонстрирует, что по рекам Московии, Волге и другим, можно доплыть из Каспийского моря в Ливонское, Лапландское (Балтийское) и в Чёрное моря. Волга, а равно Днепр, Западная Двина и Мста (?) берут начало в некоем водоёме, обозначенном как Великое болото (*palus magna*). Волга на печатной карте имеет тот же ряд названий, который приведён у Аньезе, и точно такие же притоки и города, стоящие на них. Особенно выделен надписью прописными буквами «Царственный город Москва (*moscha regia*)», расположенный на Москве-реке (*Moscus flu[men]*) в междуречье Яузы и Неглинной (*Iensa flu[men]*, *Neglina flu[men]*) (названий рек Москва и Яуза на карте Аньезе нет). То же самое с Доном и Днепром. Правда, между ними находятся не только «Цезаревы алтари», но и «Александровы алтари» (*Caesaris Arae*; *Alexandri Arae*), упомянутые ещё Птолемеем²⁹. Сходным образом представлены реки Севера на обеих картах. Перечисленные выше и другие географические объекты региона на печатной карте, подобно картам Вальдземюллера и Аньезе, даны в зеркальном отражении, как бы развёрнутые вокруг оси, в качестве которой выступает Северная Двина (Старков 1994: 12-13). Названия этой реки на печатной карте тоже нет. Вытекает она, как показано, из некоего водоёма, справа в неё впадает вначале река Юг (*Iuuga flu[men]*), а ниже по течению – Сухона (*Suchana flu[men]*), хотя на самом деле Северная Двина образуется из слияния этих двух рек. «Торговый город Устюг (*Vstiuga emporium*)» изображён в месте впадения Юга в соответствии с тем, что сказано в книге Павла Йовия³⁰, хотя в действительности он находится на реке Сухоне поблизости от её соединения с Югом. Двина вливается в Скифский океан, образуя большую дельту, которой нет на карте Аньезе. К западу от Северной Двины нанесены реки и страны, которые, как и на карте Аньезе, в действительности располагались к востоку от неё. Поэтому на крайнем северо-западе опять появляются горы в сопровождении уже знакомой по предыдущей карте надписи: «На сих горах ловят благородных соколов». Это ещё одно свидетельство большой близости двух карт. Впрочем, надпись у южной границы этих гор, у подножия которых находятся леса, на своего рода пере-

²⁹ Птолемей Кл. Указ. соч. III.5.26. С. 187.

³⁰ Iovius P. Op. cit. С. 239, 269.

шейке между Лапландским морем и Скифским океаном, не имеет аналогии на карте Аньезе и гласит, что «за этими лесами обитают дикие лапландцы» (*Supra has siluas habitant Lapones feri*). Но она вполне соответствует тому, что сказано в книге Павла Йовия: на отдалённом берегу Северного океана, «где обширнейшие королевства Норвегия и Швеция соединяются с материком как бы наподобие перешейка, живут лапландцы (*Lapones existunt*)»³¹. Сходным образом и на морской карте Вальдземюллера 1516 г. помещена страна Лапландия – к северо-западу от Москвы.

Западные реки и территории изображены на напечатанной карте сходно с картой Аньезе, но есть немаловажные отличия и уточнения. Так, появляется, пусть сокращённое, название реки, вытекающей в западном направлении из неназванного озера (Ильмень), на котором стоит Великий Новгород (*Nogrodia Magna*), – *Volc[hov]*, то есть Волхов; он впадает в какой-то маленький водоём (а им может быть только Ладожское озеро), из которого, в свою очередь, течёт река Нева (*Neva fluu[ius]*) до Лапландского моря. Далее на юг показана впадающей уже в Балтийское море с востока река Нарва, которая вытекает из неназванного водоёма (Чудское озеро), в которое с востока же впадает другая река (Великая) и на ней стоит Псков (*Plescouia*). Ещё дальше на побережье моря – город Ревель (*Riualia*). За ним гораздо южнее в то же море впадает Малая (Западная) Двина. Недалеко от её устья расположен город Рига Ливонская (*Riga Liuonia*), затем вверх по течению – Дюнабург (в иной, чем у Аньезе, транскрипции – *Tunneburch*), а ещё выше – Полоцк (*Polozcho*). По берегу моря на юге значится Гробин (*Grobin*; совр. Гробиня). Далее на юг нанесена река без названия (должен быть Неман), на которой обозначен город Гродно (*Grodno*). С севера в неё впадает приток, на нём стоит «Царственная Вильна (*Vilna Regia*)». Между этими реками и городами дано название страны – Литва (*Lithvania*), а не Ливония, как ошибочно указано на карте Аньезе.

Далее к югу дано прописными буквами отсутствующее у Аньезе название ещё одной пограничной с Русью страны – Польша (*Polonia*). Южнее, недалеко от правого берега нижнего Днепра, теми же литерами, что и Польша, указано название западнорусской земли Подолия (*Podolia*). С юго-запада эта земля ограничена рекой Днестр (*Nester fluuius*), недалеко от её устья расположен на берегу Чёрного моря Белгород-Днестровский (*Nester belgrad*).

Что касается территорий восточнее и южнее московитских, то на них и течение рек, и местонахождение городов, и расположение татарских орд и поселений представлено сходно с картой Аньезе.

На печатной карте, как и на карте Аньезе, нет Рифейских или Гиперборейских гор, с которых бы брали истоки великие реки Восточной Европы. То есть её автор (или составитель) разделяет представления о географии этого региона, высказанные Матвеем Меховским в 1517 г. и поддержанные в числе прочих кос-

³¹ Ibid. С. 237, 267.

мографов Павлом Йовием. Но на напечатанной карте – и в этом её самое значительное отличие от труда Аньезе – нанесён Герцинский лес, причём так, как он описан у Павла Йовия. «Непрерывной полосой тянется [он], – сказано в книге итальянского гуманиста, – по Московии в северо-восточном направлении до Скифского океана, так что беспредельная величина его всегда обманывала ожидания людей, старавшихся найти его конец»³². То же видим и на карте: огромная лесная полоса, правда, никак не названная, продолжается от верхнего Днепра в направлении верхней Волги и затем далеко на северо-восток почти до Скифского, или Северного Ледовитого, океана.

* * *

Внимательное рассмотрение двух самых ранних карт Московии – и изготовленной Баттистой Аньезе для его рукописного атласа, и напечатанной в одно время с ней – позволяет согласиться с уже высказанным в историографии мнением о том, что они «настолько близки между собой, что могут рассматриваться как варианты единого сюжета» (Старков 1994: 9). Однако полагать вслед за этим, что напечатанная карта, автором которой мог быть Павел Йовий, была положена в основу карты Аньезе (Старков 1994: 14), неправильно, ибо при таком допущении невозможно объяснить очевидные и существенные расхождения в географических объектах и написании их названий на этих двух картах. Скорее следует предположить наличие какого-то общего прототипа в виде чернового чертежа, на который составители обеих карт ориентировались, дополняя или даже поправляя его данными других источников.

Появление двух карт Московии осенью 1525 г., почти в одно время с книгами об этой стране Павла Йовия, Альберта Кампенского и Иоганна Фабри, – свидетельство большого и напряжённого внимания Европы к недавно заявившему о себе на её восточных границах мало известному государству. Рассмотренные карты призваны были дать дополнительно к описаниям Московии упомянутых выше авторов её детальное и наглядное изображение как сложного географического объекта. И, надо признать, их составителям – несмотря на немалое число допущенных неточностей – это удалось.

Об авторе:

Олег Фёдорович Кудрявцев – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: demetr22@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

³² Iovius P. *Op. cit.* С. 235, 264.

Received: November 07, 2019

Accepted: February 02, 2020

The First European Maps of Muscovy (1525)

O.F. Kudryavtsev

DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-7-22

Moscow State Institute of International Relations (university)

Abstract: The earliest maps entirely or at least partially dedicated to Muscovy appeared in Europe in 1520s as a result of an increasing interest in this land. Around this time a famous Italian humanist Paolo Giovio promised in his book «Libellus de legatione Basilii magni Principis Moscouiae ad Clementem. VII. Pont. Max.» to reproduce a map of Muscovy in print (in tabula typis excusa). But the map didn't appear either in the first nor in succeeding editions of the Giovio's book.

Nevertheless, the map was discovered even in two versions. The first was found in manuscript atlas made in the first half of the 16th century in Venice by cartographer from Genoa Battista Agnese. The second one is a printed map prepared, as it seems, by Paolo Giovio for his book but for some reasons not added to it. Both maps have much in common, as a kind of introduction to them serves almost the same inscription: «Moscoviae tabula relatione Dimetrii legati descripta sicuti ipse a pluribus accepit, cum totam prouinciam minime peragrasset anno M.D.XXV. octobris».

After examining the two earliest maps of Muscovy I can support the opinion already expressed in historiography that for their resemblance they might be the variants of the same map. Nevertheless, there are some important and obvious differences in location of geographical objects and their names, which are difficult to account for in case the one map is a reproduction of the other.

The fact that the first two European maps of Muscovy appeared in autumn 1525 coinciding with publication of three books about this country written by Paolo Giovio, Albertus Campensis and Johann Fabri is indicative of a great and intense attention which Europe paid to Muscovy in its oriental boundaries around this time. These maps complement the descriptions of Muscovy in above mentioned books by giving detailed and visual representation of Muscovy land as a complicated geographical object. We must acknowledge their authors – in spite of a great number of mistakes – were able to cope with this task.

Key words: maps of Muscovy, cosmography, geography, image de l'autre, Renaissance humanism, Battista Agnese, Paolo Giovio.

About the author:

Oleg F. Kudryavtsev – Prof. Dr., Department of World and Russian History, Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: demetr22@mail.ru.

Conflict of Interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Michow H. 1884. *Die ältesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geographie*. Hamburg: Geographische und nautische Verlagshandlung. 91 s.

Mund St. 2002. The emergence of knowledge about the Volga in the writings of Western travelers and intellectuals (XIIIth–XVIth centuries). *Velikiy Volzskiy put': istoriya formirovaniya i rasvitiya*. [The Great Volgian Route: History of Formation and Development]. Kasan'. Pt. II. P. 298–308.

Литература на русском языке:

Багров Л. 2005. *История русской картографии*. Москва: Центрполиграф. (1 изд. на английском яз. – 1975). 522 с.

Кордт В. 1899. *Материалы по истории русской картографии*. Киев: Типография С.В. Кульженко. I(I). 15 с.

Кудрявцев О.Ф. 1997. Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы*. Составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей О.Ф. Кудрявцев. Москва. С. 6–34.

Рыбаков Б.А. 1994. Новооткрытая карта Московии 1525 г. *Отечественные архивы*. № 4. С. 3–8.

Старков В.Ф. 1994. Описание карты 1525 г. *Отечественные архивы*. №4. С. 8–15.

Bagrow L. 2005. *Istoriya russkoy kartographii* [History of Russian Cartography]. Moscow: Centrpoligraf. 522 p. (In Russian)

Kordt V. 1899. *Materiali po istorii russkoy kartographii* [Materials for the Russian Cartography]. Kiev: Tipografia S.V. Kulzenko. I(I). (In Russian). 15 p.

Kudryavtsev O.F. 1997. *Ziśn' sa tsarya: russkiye v vospriyatii evropeytssev pervoy polovini XVI v.* [A Life for Tsar: An European Perception of Russians in the First Half of the XVIth century]. *Rossaya v pervoy polovine XVI v.: vsglyad is Evropi*. Moscow: Russkiy mir. P. 6–34. (In Russian).

Rybakov B.A. 1994. Novootkrytaya karta Moskovii 1525 g. [The New Discovered Map of Muscovy 1525 year]. *Otechestvennie arhivi*. N 4. P. 3–8. (In Russian).

Starkov V.F. 1994. Opisanie karti 1525 g. [Description of Map 1525 year]. *Otechestvennie arhivi*. N 4. P. 8–15. (In Russian).

Список иллюстраций:

1. Баттиста Аньезе. Карта Московии. 1525. Рукопись. Библиотека Сан Марко, Венеция.
2. Баттиста Аньезе. Карта Европы. 1525. Рукопись. Библиотека Сан Марко, Венеция.
3. Карта Московии, напечатанная в 1525

Россия и Запад: противоречивый диалог

Т.В. Зонова, А. Джаннотти

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД

Авторы статьи стремятся проследить историческую эволюцию отношений России с Западом и предлагают своё видение будущего этих отношений. История отношений между Россией и Западом насчитывает много веков. Временами эти отношения были вполне мирными, временами «русофобия», с одной стороны, и антизападные чувства, с другой, служили фоном военных действий. Как российские, так и зарубежные исследователи неоднократно предпринимали попытки всесторонне изучить внешне- и внутривнутриполитический контекст этих отношений, их цивилизационные особенности. Выводы, к которым они приходят, порой служат сближению позиций, порой их взгляды на развитие событий были диаметрально противоположны. В настоящее время, в условиях милитаризации и секьюритизации международных отношений, стратегическая стабильность, во многом зависящая от отношений между Россией и Западом, поставлена под вопрос. После того, как Крым присоединился к Российской Федерации и начались военные действия в Донбассе, Россия стала объектом санкций и, в свою очередь, приняла закон о контрсанкциях. Отношения России с США резко ухудшились, всесторонние связи с Европейским союзом были заморожены. На Западе, главным образом в Соединённых Штатах и Великобритании, были инициированы антироссийские кампании. Российские СМИ также пестрели рассуждениями о «загнивании и закате Запада». Россия заявила о «повороте на Восток», в то время как на международной арене между Россией и Западом развернулась настоящая психологическая война, причём обе стороны в своей пропаганде прибегали к новейшим технологиям. Появившиеся на Западе движения и партии правого спектра, провозгласившие курс на выход своих стран из международных договоров и союзов, стали пользоваться симпатией целого ряда российских политиков. Именно поэтому победа Дональда Трампа, ультраправого кандидата от Республиканской партии на выборах 2016 г., демонстрировавшего намерение улучшить отношения с Россией, была встречена с небывалым энтузиазмом. Сегодня вселяют надежду на улучшение отношений с Западом итоги недавних конструктивных российско-американских встреч и позитивное развитие диалога в «нормандском формате», открывающего возможность разрешения конфликта на юго-востоке Украины и «разморозки» отношений с Европейским союзом. К актуальной повестке дня относятся не только практические вопросы, но и сама философия выстраивания российских отношений с Западом на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: Россия, Запад, отношения, история, идеология, русофобия, совранисты, милитаризация.

УДК: 327

Поступила в редакцию: 07.08.2018 г.

Принята к публикации: 09.01.2020 г.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать бесперспективность конфронтации между Россией и Западом и настоятельную необходимость отказаться от «игровых» вариантов внешнеполитического курса и бесконечной борьбы за передел сфер влияния. На международной арене главная задача политики и дипломатии заключается в достижении надёжных гарантий мира и безопасности. Реализация этой задачи предполагает конструктивный диалог, условием успешного развития которого, на наш взгляд, является отказ каждой из сторон от упора на свою исключительность и идейное превосходство. Представляется, что отголоски споров между «западниками» и сторонниками уникального пути России и сегодня препятствуют осознанию реальных вызовов и опасностей современного мира. Отношениям России с Западом посвящены многочисленные исследования. Из недавних трудов достаточно напомнить о работах Андрея Цыганкова (Tsygankov 2012), делающего упор на характерное для российской внешней политики понятие чести, зачастую идущее вразрез с рациональностью выбора; Александра Никитина, ратующего за поиск инновационных решений и форматов для достижения компромиссов между державами (Никитин 2016); о развернувшейся на страницах журнала «Россия в глобальной политике» заочной полемике между Стивеном Коткиным (2016), утверждающим, что главная опасность для «играющей мускулами» России исходит от её режима, не способного на внутреннюю реструктуризацию, и министром Сергеем Лавровым (2017), уверенным в относительном сокращении влияния так называемого «исторического Запада» и в по праву принадлежащей нашей стране роли одного из ведущих центров современного мира, «поставщика ценностей развития, безопасности и стабильности».

Русофобия на Западе и славянофильство в России

Понятие «Запад» может интерпретироваться как в географическом, так и в геополитическом смыслах. В возникающих на протяжении истории международных коллизиях Россия сталкивалась то с противодействием её курсу некоторых стран Запада и созданных ими коалиций, то с их поддержкой. Не была однозначной и оценка внутренней и внешней политики России западными странами. Политические разногласия, опасения конкуренции и дальнейшего расширения территории России не раз приводили к всплескам того, что получило название «русофобия». В исторической ретроспективе достаточно вспомнить популярное на Западе произведение британского генерала Роберта Вильсона, обвинявшего Россию в претензии на гегемонию (Wilson 2009: 116-119). Ему вторил маркиз Астольф Де Кюстин, француз, в 1843 г. посетивший «самодержавную, отрицающую свободу» Россию и также уверенный в «неподавляемом стремлении русских к глобальному доминированию» (Custine 1843: 187). Интерес к России проявил современник де Кюстина немецкий философ Георг Гегель, утверждавший, что Россия тесно связана с Азией и что «социально-эко-

номическое развитие славянских народов, плода смешения европейских и азиатских элементов, обусловило их отставание по сравнению с другими в выработке сознания универсальности и утверждения свободы» (Hegel 1966: 150).

В XIX в. в Европе доминировало настороженное отношение к политике Санкт-Петербурга. Великобритания опасалась русской экспансии в Средней Азии и стремления Романовых, возможно, мнимого, завоевать Индию (Ewans 2004; Ingram 1984). Франция после подавления царскими войсками польских восстаний видела в царизме угрожающий сплав реакционного самодержавия и претензий на гегемонию (Ingram 1984). Созданная в 1871 г. Германская империя смотрела на западные славянские земли как на объект колонизации путём *Drang nach Osten* (Wipperman 1981). В Италии всплеск русофобии отмечался, если Россия обращала свои взоры на Запад в сторону Балкан, тогда как продвижение России в сторону Средней Азии рассматривалось как её «цивилизаторская миссия» (Зонова 1998).

В России славянофилы подчёркивали исключительность ценностей русской цивилизации. Н.Я. Данилевский, один из наиболее известных мыслителей этого направления, признавал, что «мысль, высказанная славянофилами о гниении Запада, кажется мне совершенно верною» (Данилевский 1869). Славянофилам противостояли либералы, утверждавшие, что национальная идея не должна быть превращена в проповедь национального эгоизма и шовинизма, поскольку любая нация составляет часть человечества и примат общечеловеческих ценностей очевиден. Сила государства, подчёркивали они, зависит не от территории и численности войск, а от уровня развития страны, от её «живой общественной энергии и самостоятельности, от целесообразной системы управления» (Данилевский 1869).

Идеологическое противостояние

Октябрьская революция 1917 г. положила начало идеологическому противостоянию России с Западом. Выход из Первой мировой войны, создание в Москве Третьего коммунистического интернационала и рост коммунистического движения на Западе порождали у испытывавших тяготы военной разрухи широких слоёв населения европейских стран надежду на лучшее будущее и стремление последовать примеру России. В этих условиях правые консервативные силы на Западе положительно отнеслись к провозглашённой фашистами в Италии, а затем нацистами в Германии цели покончить с распространением коммунизма.

Победа союзников по антигитлеровской коалиции, в которую Советский Союз внёс огромный вклад, породила надежды на послевоенное сотрудничество (Райнхардт 2017). Президент США Ф. Рузвельт строил проекты совместной ответственности «четырёх полицейских» (США, Великобритании, СССР и гоминьдановского Китая) за судьбы мировой политики. Однако превращение СССР и США в соперничающие ядерные державы, усилившееся влияние во-

енно-промышленного комплекса и раскол мира на противостоящие военные блоки (НАТО и Варшавский договор) способствовали возрастанию взаимного недоверия. Политика Запада в отношении СССР зачастую исходила из ошибочного отождествления идеологии тоталитарного режима нацистской Германии и идеологических основ тоталитарного строя Советского Союза. На этом ложном основании Запад сделал вывод об агрессивности внешней политики СССР и необходимости его «сдерживания». Противостояние двух блоков получило название «холодная война», которая, несмотря на периоды «оттепели», продолжалась в течение десятилетий. Даже «перестройка» была неоднозначно воспринята на Западе. Консервативные круги, заинтересованные в образе «врага», стремились урезонить тех, кто симпатизировал Горбачёву.

Новая Россия и Запад

С крахом Советского Союза его правопреемницей считается Российская Федерация. Перед её лидерами встал вопрос о роли и месте России в системе международных отношений. Наличие у страны сопоставимого с США ядерного потенциала с самого начала признавалось достаточным для позиционирования России в качестве «великой державы» (Zonova, Reinhardt 2014).

В этих условиях западная «русофобия» проявилась в рассуждениях о том, что Москва никогда не согласится с распадом СССР и возвращением к границам допетровских времён и будет претендовать на восстановление имперского статуса (Trenin 2004). Подобные позиции подпитывались националистами, не раз делавшими заявления явно реваншистского характера¹.

Провозглашённые в 1992 г. во внешнеполитической программе России цели мало отличались от курса перестройки: окончательное завершение холодной войны, открытость Западу, развитие отношений с НАТО и Европейским союзом, вступление в Международный валютный фонд и Всемирный банк. Однако в условиях глубокого экономического кризиса и значительного сокращения территории Запад поставил под вопрос восприятие России как великой державы.

Для достижения заявленных целей российская дипломатия пыталась синхронизировать свои действия с курсом, проводимым Западом, прежде всего, с США. Уже в январе 1992 г. Ельцин заявил, что рассматривает Соединённые Штаты и другие страны Запада «не только как партнёров, но и как союзников» (Zonova, Reinhardt 2014). Подтверждалась приверженность России «общим демократическим ценностям» и выдвинутому ещё в «новом мышлении» Горбачёва положению о неделимости безопасности². В развитии отношений с США

¹ Жириновский предлагает вернуть России границы образца 1 января 1917 года. URL: <https://topwar.ru/83975-zhirinovskiy-predlagaet-vernut-rossii-granicy-obrazca-1-yanvarya-1917-goda.html> (дата обращения 06.10.2019).

² См.: Горбачёв М.С. 1988. *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*. Раздел 2, гл. 3. Москва: Издательство политической литературы. URL: <http://newchronology.ru/prcv/Publ/Gorbachev/perestroika.htm> (дата обращения 06.10.2019).

большую роль сыграла «Комиссия Гор – Черномырдин», занимавшаяся социальными и экономическими аспектами сотрудничества. За несколько последующих лет американские инвестиции в российскую экономику составили около 77% общего притока прямых иностранных инвестиций (Астахов, Райнхардт 2015). В июле 1994 г. российский президент принял неформальное участие во встрече Группы семи в Неаполе, что вскоре позволило превратить «семёрку» в «восьмёрку»³.

Между тем на фоне роста недовольства тяжёлыми последствиями либерализации экономики в российской правящей элите нарастали разногласия между «государственниками», «силовиками» и «либералами». Уже в «Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» 1993 г. перспективы расширения НАТО рассматривались как источник военной опасности для России (Zonova, Reinhardt 2014). Правда, лидеры Альянса пытались заверить мировую общественность в необходимости этого шага для укрепления демократических институтов в странах Восточной Европы, особенно учитывая нестабильность внутривнутриполитической ситуации в России после расстрела парламента в октябре 1993 г. Накануне президентских выборов 1996 г. терявший популярность Ельцин срочно произвёл замену «прозападного» Козырева на «государственника» Примакова, делавшего в своих выступлениях акцент на защиту национальных интересов России и стремившегося добиться от Запада обязательного согласования с Москвой решений, затрагивающих её интересы⁴. В то же время Россия не могла позволить себе ухудшения отношений с Западом. В 1997 г. в Париже Ельцин подписал «Основополагающий акт Россия – НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности»⁵.

На фоне вооружённого вмешательства НАТО в косовский конфликт в марте 1999 г. российская позиция в отношении Запада ужесточилась. Как отмечали эксперты, «лозунг ‘перестройки’ об открытии границ и разрушении барьеров между людьми в конце 1990-х гг. заменён тезисом о необходимости укрепления погранслужбы и превращения границы в непроницаемую для нарушителей и врагов, восстанавливается уважение и к спецслужбам» (Trenin 2004). Приход к власти В.В. Путина ознаменовался новой Концепцией внешней политики России (2000), авторы которой откровенно заявляли, что надежды на равноправные, взаимовыгодные, партнёрские отношения с Западом, концептуально сформулированные в 1993 г., «не оправдались»⁶. Впервые была

³ Впервые во встрече с лидерами «семёрки», которая проходила в июле 1991 г. в Лондоне, принимал участие М.С. Горбачёв.

⁴ Богатуров А.Д. *Три поколения внешнеполитических доктрин России*. Available at: <http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm> (дата обращения 06.10.2019).

⁵ *Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора*. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_25468.htm (дата обращения 06.10.2019).

⁶ *Концепция внешней политики Российской Федерации 2000*. URL: <http://www.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DC61BEFED61134325699C003B5FA3> (дата обращения 06.10.2019).

упомянута цель «добиваться формирования многополярной системы международных отношений»⁷.

Новый президент, однако, не отказался от курса на преодоление сложностей в отношениях с Западом на основе «прагматического и деидеологизированного» подхода. В ноябре 2001 г. Путин принял генсека НАТО Джорджа Робертсона. Речь шла о восстановлении в полном объёме контактов между «стратегическими партнёрами». В интервью «Би-Би-Си» Путин не исключил вступления России как равноправного партнёра в Альянс⁸. Продолжились регулярные саммиты президентов России и США и встречи Совета Североатлантического альянса в формате «19+1».

В октябре 2001 г. (спустя месяц после трагических событий 11 сентября) президенты Путин и Буш выступили с «Совместным заявлением», отметив, что российско-американское сотрудничество является «ключевым элементом» в борьбе с терроризмом. Россия согласилась предоставить воздушное пространство самолётам антитеррористической коалиции. На совещании в Министерстве обороны Путин информировал, что Россия оставляет свои последние военные базы в дальнем зарубежье: в Камрани (Вьетнам) и Лурдесе (Куба), и не возражает против размещения американских военных баз в центрально-азиатских республиках. Российские радиолокационные станции в Красноярске и Скрунде (Латвия) были также демонтированы. В ноябре того же года на встрече в Вашингтоне президенты Путин и Буш констатировали «преодоление наследия холодной войны», подтвердили приверженность курсу на сокращение стратегических наступательных вооружений и строительство «единого, свободного и мирного евроатлантического сообщества». Год спустя оба президента подписали «Московскую декларацию», в которой речь шла о «новом уровне стратегических отношений», развивающихся на основе «общих ценностей, дружбы, сотрудничества, доверия, открытости и предсказуемости». В том же 2002 г. в Пратика-ди-Маре (Италия) на саммите глав государств и правительства стран НАТО и России Совет, действовавший по формуле «19+1», был заменён в «логике взаимного интереса» Советом сотрудничества, где Россия выступала в равноправном качестве одного из двадцати членов⁹. Саммит многие рассматривали как пролог к включению России в Альянс в качестве полноправного члена. В том же году был подписан Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов.

Укрепление экономического положения России позволило элите говорить о том, что «Россия встаёт с колен». В широких кругах российской общественности русский национализм набирал очки. Потакая этим настроениям, Путин

⁷ Там же.

⁸ *BBC Breakfast with Frost*. Interview: Vladimir Putin, 5 March 2000. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/english/static/audio_video/programmes/breakfast_with_frost/transcripts/putin5.mar.txt (accessed 06.10.2019).

⁹ *NATO – Russia Council*. Rome 2002. URL: <http://www.nato.int/docu/comm/2002/0205-rome/rome-eng.pdf> (accessed 06.20.2019).

стремился привлечь националистически настроенные сегменты элиты и избирателей на свою сторону. В своём выступлении на совещании с послами и постоянными представителями РФ в 2006 г. президент впервые заговорил о возвращении России роли глобального игрока.

Агрессия США против Ирака, расширение НАТО, цветные революции в Грузии и на Украине насторожили российское руководство. В феврале 2007 г. резонанс получила т.н. «мюнхенская речь» Путина – выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Отказавшись от «излишнего политеса», российский президент обвинил Соединённые Штаты в навязывании своей системы права другим государствам. Он также выразил несогласие с политикой ОБСЕ, которую пытаются превратить в «инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран», в том числе «целенаправленно финансируя, а, следовательно, и контролируя «так называемые неправительственные организации». Путин критиковал политику Европейского союза, в частности, за отказ открыть для российского бизнеса рынок ядерных материалов. Выступив против вмешательства извне во внутренние дела суверенных государств, Путин заявил, что Россия «практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику». В Послании президента Федеральному собранию 2007 г. звучала обеспокоенность планируемым размещением элементов ПРО в Чехии и Польше. Россия объявила мораторий на осуществление Договора об обычных вооружённых силах в Европе. В ряде отечественных и зарубежных СМИ и экспертных комментариях появились спекуляции насчёт возвращения атмосферы холодной войны.

Однако дверь для дальнейшего развития отношений с Западом оставалась открытой. В том же году российским внешнеполитическим ведомством был опубликован первый в своём роде официальный Обзор внешней политики РФ. Несмотря на обозначившиеся противоречия, намерение развивать отношения с США и странами Европейского союза оставалось в центре внимания, констатировалась необходимость налаживания многопланового обоюдовыгодного практического сотрудничества с Североатлантическим альянсом. Обзор отличался весьма либеральными пассажами. В частности, в нём прозвучала необходимость «диверсификации» внешнеполитического инструментария, подчёркивалась возрастающая роль «мягкой силы» и институтов гражданского общества. Вовлечение во внешнеполитический процесс неправительственных организаций рассматривалось как «веление времени». Рекомендовалось в перспективе рассмотреть возможность «перехода к общепринятой международной практике кадрового “перелива” между дипломатической службой, с одной стороны, и различными элементами гражданского общества, с другой», в частности, для «отражения всего спектра мнений и интересов, существующих в российском обществе».

Всего месяц спустя после выступления в Мюнхене Путин внёс в парламент законопроект, предусматривающий дальнейшее развитие военного сотрудни-

чества с НАТО на основе предлагаемого в проекте Соглашения. Впервые речь шла о возможном военном присутствии НАТО и на территории Российской Федерации. Дума указанное Соглашение одобрила¹⁰. Выступая на саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г., Путин сделал упор на успешном развитии сотрудничества с Западом на афганском направлении. Россия, подчеркнул он, подписала соглашение с НАТО о транзите военных грузов по российской территории. В то же время, предупредил президент, стремление Грузии и Украины стать членами НАТО могут изменить ситуацию.

В мае 2008 г. проявились грозные признаки финансово-экономического кризиса, и Путин заявил, что доверие к Соединённым Штатам как к лидеру свободного мира и свободной экономики подорвано навсегда, и «возврата к прежней ситуации уже не будет»¹¹. В России в связи с финансовым кризисом, падением цен на нефть и значительной внешней задолженностью российских компаний экономическое положение ухудшилось (Райнхардт 2016). Одновременно возросла потребность в западных иностранных инвестициях и высоких технологиях.

Дмитрий Медведев, сменивший в 2008 г. Путина на посту президента России, предложил Западу подписать новый Договор, закрепляющий в международном праве принцип неделимости безопасности, в соответствии с которым ни одно государство и ни одна международная организация в Евро-Атлантике не могут укреплять свою безопасность за счёт безопасности других стран и организаций.

Вооружённый конфликт с Грузией 2008 г. повлёк за собой ухудшение отношений с США. Занявший премьерское кресло Путин заявил в интервью телеканалу CNN, что «республиканцы в Белом доме, дабы поднять рейтинг кандидату от Республиканской партии Джону Маккейну, способствовали нападению Грузии на Южную Осетию»¹². В августе того же года были подписаны указы о признании Россией суверенных республик Абхазии и Южной Осетии. Аналитики Всероссийского центра изучения общественного мнения отметили: «Российское общество, в массе своей поддержавшее войну с Грузией, стало бастионом жёсткой политики».

Приход в Белый дом президента Барака Обамы, заявившего о намерении осуществить «перезагрузку» двусторонних отношений, встретил положительный отклик у российских лидеров. Конгресс США отменил поправку Джексона-Вэника, на протяжении десятилетий препятствовавшую развитию двусторонних связей. Россия продолжила успешно сотрудничать с США в рамках

¹⁰ СМИ отмечали, что этот документ стоял последним в повестке дня Думы и был одобрен, когда значительная часть депутатов уже покинула зал.

¹¹ Путин: доверие к США как лидеру свободной экономики подорвано навсегда. URL: <https://www.interfax.ru/russia/38239>

¹² Путин связал войну в Южной Осетии с выборами в США. URL: <http://lenta.ru/news/2008/08/28/putin/> (accessed 06.10.2019)

«шестёрки» по проблемам ядерного вооружения Северной Кореи, в «шестёрке», ведущей переговоры о недопущении ядерного вооружения Ирана, а также по проблемам Афганистана. Конкретным подтверждением улучшения отношений стало создание Российско-американской двусторонней Президентской комиссии. В 2010 г. Медведев, ссылаясь на итоги саммита НАТО в Лиссабоне, заявил, что «полоса сложных отношений между НАТО и РФ преодолена», а в 2011 г. он отметил, что за последние годы «достигнут прогресс по таким вопросам, по которым его не наблюдалось в течение десятилетий». Он также поблагодарил американского президента за «активную, заинтересованную поддержку усилий Российской Федерации по вступлению в ВТО»¹³.

Россия и ЕС

Наряду с российско-американскими отношениями развитие отношений с Евросоюзом рассматривалось в числе внешнеполитических приоритетов России. Ещё в советский период в 1989 г. было подписано Соглашение о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве между СССР и Европейскими сообществами. В июне 1994 г. Ельцин и главы государств и правительств ЕС подписали на о. Корфу (Греция) Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве. Соглашение, помимо экономических, предусматривало развитие отношений в политической, правовой и гуманитарных сферах. В Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010) подчёркивалась задача придания партнёрству Россия – ЕС «стратегического характера».

Этапным событием в отношениях с Евросоюзом стало принятие на саммите в Санкт-Петербурге в 2005 г. концепции формирования четырёх общих пространств взаимодействия России и ЕС: экономического; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; и общего пространства науки и образования, включая культурные аспекты. С течением времени Россия превратилась в третьего, после США и Китая, торгового партнёра ЕС. На долю Евросоюза, главного импортёра российских энергоресурсов, приходилось более половины внешнеторгового оборота России и более двух третей накопленных иностранных инвестиций в российскую экономику. Была создана солидная институциональная архитектура, ежегодно проходило более 20 раундов экспертных консультаций по отдельным внешнеполитическим вопросам.

В ходе очередного саммита Россия – ЕС в 2010 г. был дан старт реализации Плана действий в рамках Партнёрства для модернизации, призванного служить

¹³ *Remarks by President Obama and President Medvedev of Russia After Bilateral Meeting*. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/12/remarks-president-obama-and-president-medvedev-russia-after-bilateral-me> (accessed 06.10.2019).

продвижению реформ, укреплению экономического роста и повышению конкурентоспособности России и стран Евросоюза. В то же время проблемы безвизового режима и энергетической политики сохраняли почву для конфронтации. Особую озабоченность России вызвал т.н. Третий энергетический пакет (принятый в 2009 г.), нацеленный на ослабление контроля над трубопроводами и распределительными сетями со стороны поставщиков энергоресурсов. Россия расценила это как «дискриминационную меру», направленную, прежде всего, против Газпрома как главного поставщика газа в Европу.

Одним из существенных препятствий на пути улучшения отношений России с Западом оставалась позиция стран т.н. «новой Европы». Негативный потенциал, связанный с историей взаимоотношений с Российской империей и затем с СССР, давал повод консервативным силам, прежде всего, в Польше, требовать полного прекращения связей Украины и Беларуси с «варварской» Москвой и стремиться к их активному вовлечению в НАТО. В странах «старой» Европы тоже было немало сторонников этой доктрины. Правда, в 2010 г. министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский заявил, что «Политики, которые оскорбляют Россию, независимо от того, есть ли тому причины, также наносят ущерб росту нашего успеха и силы... Россия – это наш второй торговый партнёр. Десятки тысяч рабочих мест в Польше зависят от этой торговли, а она зависит от политического климата»¹⁴.

Переломные 2010-е

Начальный этап третьего срока президентства Путина, пришедшийся на 2012 г., проходил на фоне высокой активности российской дипломатии. На американском направлении по-прежнему успешно функционировала российско-американская Президентская комиссия, вошёл в силу договор СНВ III, был ратифицирован Договор о сотрудничестве в научных исследованиях и разработках в ядерной и энергетической сферах, вступило в силу соглашение об упрощении визовых формальностей. Благополучно развивались двусторонние, прежде всего, экономические отношения с рядом европейских государств. Однако переговоры с Европейским союзом о заключении нового базового соглашения шли трудно. Ещё более сложным оказался диалог с Советом Европы, членом которого Россия стала в 1996 г. и который теперь критиковал Россию, обвиняя её в нарушении прав человека и использовании поставок энергоресурсов в качестве инструмента политического давления.

«Арабская весна» насторожила Кремль. Намерение США, Великобритании и Франции поддержать оппозицию, выступающую против режима президента Сирии Башара Асада, было встречено в Москве решением направить военную

¹⁴ Sikorski: Jest normalnie, bo prezydent współpracuje. Fotyga? Byłby wstydz. 2010. Gazeta Wyborcza. URL: <https://www.tokfm.pl/Tokfm/1,103087,8520985,sikorski-jest-normalnie-bo-prezydent-wspolpracuje-fotyga.html> (accessed 06.10.2019)

эскадру в Восточное Средиземноморье и наладить российско-египетское сотрудничество как в промышленном, так и в военном плане¹⁵.

События 2014 г., связанные со сменой режима на Украине, вхождением Крыма в состав РФ, военными действиями на юго-востоке Украины и непризнанием большинством мирового сообщества Крыма частью России в очередной раз изменили ситуацию на международной арене. Российские «силовики», поддерживаемые агрессивной кампанией в российских СМИ, требовали немедленного применения силы против военных операций украинских властей в районе самопровозглашенных республик Донбасса. Непосредственно связанные с бизнесом представители элиты опасались, однако, что наложенные на Россию санкции в итоге приведут к изоляции и ухудшат экономическое положение страны. Путин, пытаясь балансировать между оппонентами и опираясь на подтверждённую опросами поддержку подавляющего большинства населения, демонстративно развернул внешнеполитический курс «на Восток». В рамках нового курса акцент смещался на расширение сотрудничества с КНР, странами-членами ШОС, ЕАЭС и БРИКС, активизацию участия в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах¹⁶.

Рост международной напряжённости сопровождался ощутимой милитаризацией политических курсов. К этому, в частности, можно отнести приближение военной инфраструктуры стран-членов НАТО к границам Российской Федерации, развёртывание воинских контингентов на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и её союзниками, а также в прилегающих акваториях, создание и развёртывание систем стратегической противоракетной обороны. В Военной доктрине 2014 г. говорилось об «усилении военных опасностей для России» и о том, что Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие, если под угрозу будет поставлено существование государства¹⁷. Всё большую озабоченность стало вызывать использование странами информационных и коммуникационных технологий и приёмов психологической войны в военно-политических целях.

На этом фоне происходило стремительное ухудшение отношений с Западом, виновником чего российские политики считали, прежде всего, администрацию Барака Обамы. В российских СМИ набирали популярность предсказания о «закате» США и о скором «крахе» Евросоюза, основанного на «неприемлемых для России атлантической политике и системе ценностей»¹⁸. Попытки улучшить

¹⁵ Yashar A. *Russia Sends Most Powerful Ships to Mediterranean*. URL: http://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/173578#.VXBFoc_tmko (accessed 06.10.2019).

¹⁶ Официальный визит в Китай. Саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. URL: <http://www.kremlin.ru/visits/21062> (accessed 06.10.2019).

¹⁷ *Военная доктрина Российской Федерации*. URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения 06.10.2019)

¹⁸ См., например, интервью с А. Дугиным. URL: <http://katehon.com/ru/article/evropa-letit-v-bezdnu-iz-za-svoey-ultraliberalnoy-ideologii> (дата обращения 06.10.2019).

отношения с Россией со стороны западных политиков часто наталкивались на агрессивное сопротивление политиков-русофобов. В России на политическом уровне всё чаще звучала поддержка т.н. «совранистов-популистов», в основном крайних правых политиков, выступавших в США за протекционизм, а в Европе – за выход своих стран из Евросоюза. Идейные платформы западных правых партий нашли поддержку и у значительного числа россиян, ещё в 1991 г. отринувших социалистическую идеологию и обратившихся к наследию правых русских философов и к консервативным идеалам русской эмиграции.

Понимание в российской элите нашла основанная на прагматике бизнес-интереса политика президента Трампа «Предприниматели лучше знают, как выстраивать взаимовыгодную кооперацию», – заметил президент Путин¹⁹. Заявления популистов о намерении немедленно улучшить отношения с Россией порождали необоснованные надежды²⁰.

Концепция внешней политики 2016 г., совпавшая с четвёртым сроком президентства Путина, не исключала, однако, возможности установления «взаимовыгодных отношений» с США и содержала призыв «не допустить появления разделительных линий на европейском континенте»²¹. В том же году на встрече патриарха Кирилла и президента Италии Серджо Маттареллы Кирилл заявил, что убеждён в необходимости понизить уровень противостояния между Востоком и Западом, а также в том, чтобы Россия почувствовала себя принадлежащей к единому культурному пространству – Европе²². Естественно, возможность не перейти черту, отделяющую мир от «новой холодной войны», виделась в России, прежде всего, в смене негативных трендов в российско-американских отношениях²³. Пожалуй, было бы целесообразно создать экспертный совет из влиятельных политологов, учёных, бывших видных дипломатов и военных России, США и ЕС, который бы занялся поиском точек соприкосновения и осмыслением того, как вывести двустороннее сотрудничество на устойчивую позитивную траекторию.

Наметившееся после встречи Путина и Трампа в Хельсинки в июле 2018 г. возобновление российско-американского диалога чрезвычайно важно. Конструктивной стала и последовавшая 10 декабря 2019 г. встреча министра иностранных дел России Сергея Лаврова с президентом Трампом, в ходе которой американский президент заявил о намерении в несколько раз увеличить това-

¹⁹ Пресс-конференция по итогам переговоров президентов России и США. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58017> (дата обращения 06.10.2019).

²⁰ Итальянские популисты-евроскептики, пришедшие к власти в 2018 г., поспешили, однако, сделать заявления о невозможности быстрого снятия санкций.

²¹ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. Параграф 72. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения 06.10.2019).

²² Святейший Патриарх Кирилл встретился с Президентом Итальянской Республики Серджо Маттареллой. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4860043.html> (дата обращения 06.10.2019).

²³ См., например: Бобров А.К. Сравнительный анализ внешнеполитических стратегий России и США (2016–2019 гг.) в контексте дискуссии о «новой холодной войне». *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2019. №9. (49).

рооборот с Россией и способствовать запуску предложенного Путиным ещё в 2018 г. двустороннего Консультативного делового совета, состоящего из лидеров частного бизнеса. В ходе обсуждения двусторонних отношений с госсекретарём М. Помпео было отмечено и возобновление налаженного при президенте Б. Обаме контртеррористического сотрудничества. Внимание было уделено стратегической стабильности, глобальной безопасности, положению дел в сфере контроля над вооружениями, диалогам, которые продолжаются, и механизмам, которые работают по Сирии, Афганистану, ядерной проблеме Корейского полуострова. США и Россия подтвердили также отсутствие военного решения положения в Сирии. При этом каналом диалога по Сирии выступают, прежде всего, военные ведомства России и США. Как подчеркнул Лавров, встреча прошла в атмосфере взаимопонимания, прежде всего, в том, что касается ответственности России и США за положение дел в мире²⁴. Однако, оптимистические ожидания должны корректироваться далеко не однозначной внутривнутриполитической ситуацией в Соединённых Штатах, серьёзными ограничениями, налагаемыми на действия президента системой сдержек и противовесов, резкой критикой в адрес Трампа причём со стороны не только демократов, но и ряда республиканцев.

Пожалуй, в этой ситуации особенно насущным для России видится улучшение отношений с Европейским союзом. Ведь не так много, по историческим меркам, времени прошло с 2007 г., когда Путин утверждал: «По духу, культуре наша страна является неотъемлемой частью европейской цивилизации... Сегодня, выстраивая суверенное демократическое государство, мы в полной мере разделяем те базовые ценности и принципы, которые составляют мироощущение большинства европейцев... Мы рассматриваем европейскую интеграцию как объективный процесс, являющийся составной частью нарождающегося миропорядка... Развитие многоплановых связей с ЕС – это принципиальный выбор России»²⁵. Продолжая расширять успешные отношения с Китаем, а также надеясь на продолжение диалога с США, не стоит ли сторонам вернуться и к этому суждению? Новые возможности открываются и в связи с неоднократными заявлениями президента Франции Эмманюэля Макрона о необходимости улучшения отношений с Россией. Этому способствует также состоявшаяся в Париже 9 декабря 2019 г. встреча лидеров России, Франции, Германии и Украины в формате Нормандской четвёрки. По итогам встречи был принят совместный документ, подтверждающий безальтернативность выполнения Минских соглашений от февраля 2015 г. Договорённость даёт надежду на дальнейшую

²⁴ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам визита в США, Вашингтон, 10 декабря 2019 года. URL: https://www.mid.ru/ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/3945562 (дата обращения 13.12.2019).

²⁵ В.В. Путин. Полвека европейской интеграции и Россия. Статья опубликована в ряде европейских СМИ. 25 марта 2007 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24094> (дата обращения 06.10.2019).

деэскалацию ситуации на юго-востоке Украины и обеспечение всеобъемлющего прекращения огня²⁶.

В целом хотелось бы надеяться, что свет в конце туннеля, в котором оказались отношения России и Запада, забрезжил.

Об авторах:

Татьяна Владимировна Зонова – доктор политических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: zonova-tatiana@mail.ru.

Андреа Джаннотти – директор Института евразийских исследований, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: andreagiannotti@gmail.com.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: August 07, 2018
Accepted: January 09, 2020

Russia and the West: Contradictory Dialogue

T.V. Zonova, A. Giannotti
DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-23-38

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The authors focus on the historical evolution of the relations between Russia and the West and attempt to suggest their own vision on the future prospects. The aforementioned relationship span centuries of history. At times, these relations were peaceful, while at times, "Russophobia," on the one hand, and anti-Western feelings, on the other, served as a backdrop to military clashes. The authors pay special attention to the events of recent decades that have posed new threats and challenges. Given the current militarization and securitization of world politics, strategic stability, which is highly dependent on relations between Russia and the West, is being called into question. After Crimea became part of the Russian Federation and hostilities began in the Donbass region, anti-Russian sanctions were imposed, and Russia, in turn, passed counter-sanctions legislation. Therefore, Russia's relations with the United States have sharply deteriorated. Likewise, comprehensive ties with the European Union have been frozen. The West, mainly the United States and UK, has launched anti-Russian campaign. As a mirror response Russian media also dazzles with speculations about "the decay and decline of the West". Consequently, Russia has declared

²⁶ Совместная пресс-конференция В.Путина, Э.Макрона, А.Меркель и В.Зеленского по итогам встречи в «нормандском формате». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62277> (дата обращения 14.12.2019).

its “shift to the East”. A real psychological war is being waged between Russia and the West, with both sides resorting to the latest advanced technology in their propaganda. A number of Russian politicians grew supportive of some Western movements and parties of the right spectrum, the so called “sovracists” who aimed at withdrawing their countries from international treaties and unions. Meanwhile, Donald Trump's victory in the 2016 elections as the Republican right-wing candidate, who pledged to improve US-Russia relations, was much praised in Moscow. The authors conclude that recent constructive Russian-American meetings and the 2019 meeting in the Normandy Format which contributes to conflict resolution in the South-East of Ukraine can facilitate positive developments of Russia's relations with the West.

Key words: Russia, the West, relations, history, ideology, Russophobia, sovracists, militarization.

About the authors:

Tatiana V. Zonova – Doctor in Political Science, Professor at the Department for Diplomatic Studies, MGIMO-University. Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: zonova-tatiana@mail.ru.

Andrea Giannotti Director of the Institute of Eurasian studies, associated professor at the Department for World Political Processes, MGIMO-University. Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia. E-mail: andreagiannotti@gmail.com.

Conflict of interests:

Authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Custine de A.L.L. 1843. *La Russie en 1839*. Bruxelles: Wouters et Co. Imprimeurs – Libraires. 222 p.
- Evans M. 2004. *The Great Game: On the Practicability of an Invasion of British India*. London: Routledge. 552 p. (reprint of the original 1829)
- Hegel G.W.F. 1966. *Die Vernunft in der Geschichte*. Berlin: Akademie Verlag. 233 p.
- Ingram E. 1984. *In Defense of British India: Great Britain in the Middle East 1775-1842*. London: Frank Cass & Co. 254 p.
- Trenin D. 2004. *Russia and Global Security Norms*. Washington Quarterly. 27(2). P. 63-77.
- Tsygankov A. 2012. *Russia and the West from Alexander to Putin Honor in International Relations*. Cambridge University Press.
- Wilson R.T. 2009. *A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the Year 1817*. Charlston: BiblioBazaar. 226 p.
- Wipperman W. 1981. *Der deutsche Drang nach Osten. Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 153 p.
- Zonova T., Reinhardt R. 2014. *Main vectors of Russia's foreign policy (1991-2014)*. Rivista di studi politici internazionali. 87(4). P. 501-516.
- Astakhov E.M., Raynkhardt R.O. 2015. *Gosudarstvennaya podderzhka nacional'nogo biznesa na vneshnih rynkakh* [State Support of National Business on Foreign Markets]. Moscow: MGIMO-University. 268 p. (In Russian)
- Bobrov A.K. 2019. *Sravnitelni analiz vneshnepoliticheskikh strategii Rossii i SSHA (2016-2019 gg.) v kontexte discussii o "novoi holodnoi vojne"*. “SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura”. №9. (49). (In Russian)

- Kotkin S. 2016. *Vechnaja geopolitika Rossii*. «Rossia v globalnoi politike». №4. (In Russian).
- Lavrov S. *Istoricheskaja perspektiva vneshnei politiki Rossii*. «Rossia v globalnoi politike». 2017 № 6. (In Russian).
- Nikitin A. *Novaja sistema otnosheni velikih derzhav XXI veka: "koncert" ili konfrontazia?* «Polis.Political Studies». 2016. No.1.P.44-59. (In Russian).
- Raynkhardt R.O. 2016. *Finansirovanie nauchnogo soobshchestva v vedushchih ekonomikah mira: sravnitel'nyj analiz [The Financing of the Scientific Community in the World's Leading Economies: a Comparative Analysis]*. Insurance Business. № 11. P. 3-14. (In Russian)
- Raynkhardt R.O. 2017. *SShA i Rossiya: 210 let diplomaticheskikh otnoshenij i mezhdunarodnoj kommunikacii [USA and Russia: 210 Years of Diplomatic Relations and International Communication]*. Research and Development. Modern Communication Science.6(3). P. 8-14. URL: <https://vestnikspbmvdr.ru/ru/storage/view/2867> (дата обращения 06.10.2019) DOI: 10.12737/article_58fda885671132.2322362 (In Russian)
- Zonova T.V. 1998. *Rossiya i Italiya: istoriya diplomaticheskikh otnoshenij* [Russia and Italy: History of Diplomatic Relations]. Moscow: MGIMO-University. 64 p. (In Russian)

Литература на русском языке:

- Астахов Е.М., Райнхардт Р.О. 2015. *Государственная поддержка национального бизнеса на внешних рынках*. Москва: МГИМО-Университет. 268 с.
- Бобров А.К. Сравнительный анализ внешнеполитических стратегий России и США (2016-2019 гг.) в контексте дискуссии о «новой холодной войне». «США и Канада»: экономика, политика, культура. 2019 №9 (49). С. 37-52.
- Данилевский Н.Я. 1869. Россия и Европа. Гл. VII. Гниет ли Запад? URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/07.html> (дата обращения 06.10.2019)
- Зонова Т.В. 1998. *Россия и Италия: история дипломатических отношений*. Москва: МГИМО-Университет. 64 с.
- Коткин С. Вечная геополитика России. *Россия в глобальной политике*. 2016 №4. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Vechnaya-geopolitika-Rossii-18270>
- Лавров С.В. *Историческая перспектива внешней политики России*. «Россия в глобальной политике» 2017 № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-19208> (дата обращения 14.12.2019).
- Никитин Александр. Новая система отношений великих держав XXI века: “концерт” или конфронтация? *Polis.Political Studies*. 2016. No.1. P.44-59.
- Райнхардт Р.О. 2016. Финансирование научного сообщества в ведущих экономиках мира: сравнительный анализ. *Страховое дело*. № 11. С. 3-14.
- Райнхардт Р.О. 2017. США и Россия: 210 лет дипломатических отношений и международной коммуникации. Научные исследования и разработки. *Современная коммуникативистика*. 6(3). С. 8-14. URL: <https://vestnikspbmvdr.ru/ru/storage/view/2867> (дата обращения 06.10.2019) DOI: 10.12737/article_58fda885671132.2322362

Сотрудничество Югославии и Европейского экономического сообщества в контексте современных интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе

Е.Г. Энтина

Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики»

Феномен европейской интеграции в отношении региона Юго-Восточной Европы традиционно рассматривают, начиная с 2000-х гг., когда острая фаза конфликтов на территории бывшей Югославии подошла к концу, а Европейский союз выработал комплексную стратегию модернизации в их отношении. Отправной точкой большинства исследований, посвящённых европейской интеграции стран бывшей Югославии, считается 2003 г., когда на саммите в Салониках странам региона была официально предложена перспектива членства в Европейском союзе. Отношениям же ЕЭС с Югославией как первой социалистической страной, институционализировавшей свои торгово-экономические связи с Брюсселем, в отечественной и зарубежной научной литературе несправедливо не уделяется практически никакого внимания. В лучшем случае этот период обрисовывается хронологически и рассматривается исключительно в категориях торговых отношений. Тем не менее данный эпизод имеет принципиальное значение для понимания той политики, которую сегодня Европейский союз осуществляет в пространстве своего соседства. Основной тезис, который доказывает автор данной статьи, – как и сегодня, в 1960–1980-е гг. основной детерминантой политики Брюсселя по отношению к Балканам было недопущение наращивания влияния со стороны внешних акторов. В период холодной войны это относилось главным образом к Москве. Привело к складыванию очень специфического формата отношений с Белградом и стало одной из причин сползания экономического кризиса в Югославии в острую фазу, а её экономики – в нереформируемое состояние. На более позднем и структурно значительно более сложном этапе взаимоотношений стран бывшей Югославии с Европейским союзом специфика и основные составляющие отношений периода холодной войны серьёзно не изменились. К факторам внешнего порядка, усиления которых в представлении ЕС нельзя допускать, помимо Москвы добавилась КНР. Это позволяет рассматривать политику ЕС в отношении стран бывшей Югославии в парадигме неоклассического реализма, а не традиционных для европейской интеграции либеральных подходов, который позволяет объединить ключевые постулаты неореалистских теорий, не исключая фактора внутренних процессов, выраженных в состоянии институтов и их развитии, взаимоотношений общества и государства, типов политического лидерства.

УДК: 327

Поступила в редакцию: 07.01.2020 г.

Принята к публикации: 10.02.2020 г.

Ключевые слова: Югославия, Балканы, ЕЭС, Европейский союз.

Европейская интеграция представляет собой феномен международных отношений и является предметом множества научных дискуссий. В свете того, что наибольшую интенсивность развитие интеграционных процессов получило в европейской части евразийского континента, а после краха социалистической идеи лежащая в её основе марксистская парадигма перестала быть одним из основных альтернативных подходов в научном осмыслении происходящих в мире процессов, теоретические аспекты интеграции рассматриваются отечественным научным сообществом в русле западных концепций и методологических подходов. Это закономерно привело к «вестернизации» подходов национальных школ общественных наук, занимающихся европейской интеграцией, а, кроме того, породило аксиоматичное восприятие самого процесса европейской интеграции как всегда и всюду идущего в рамках универсальной либеральной парадигмы.

Интеграционные процессы на европейском континенте рассматривались преимущественно с точки зрения классических теорий международных отношений – главным образом либерализма и впоследствии конструктивизма, а также сами стали источником новых подходов в международных отношениях (функционалистского, интерговернменталистского, подхода многоуровневого управления). Кроме того, европейская интеграция исследовалась с точки зрения критических теорий, теории коммуникации, институционализма. Данные теории в целом адекватно отражали общие идеи интеграции в период холодной войны в силу автономного друг от друга существования блоковых систем и встроенности всех значимых международных акторов в одну из них. Кроме того, они и сегодня актуальны для изучения обществ и государств с существующими и функционирующими институтами, а также региональных процессов в условиях поступательного, бесконфликтного развития международных отношений. Однако применительно к Балканскому региону рассмотрение интеграционных процессов в традиционных либеральных парадигмах недостаточно: это пространство исторически было и остаётся местом, где различные международные силы проявляют свою акторность. Период, когда Европейский союз в действительности представлял собой доминирующего актора в регионе, покрывается 2000 – 2010 гг., а вовсе не всем временем постбиполярности, как это зачастую представляют западные и ориентированные на них политические элиты и экспертное сообщество. Его краткосрочность дополнительно подтверждает тезис о полиакторности балканского пространства.

Кроме того, в изучение региона Юго-Восточной Европы и его взаимоотношений с Европейским союзом крайне сложно встроить интерговернменталист-

ский, функциональный подход или концепцию многоуровневого управления в силу крайней слабости локальных институтов. Именно поэтому в данной статье на примере исторического отрезка взаимоотношений социалистической Югославии и Европейского экономического сообщества показывается, что политика Брюсселя в отношении стран региона в большей степени отвечала сути реалистских теорий международных отношений, а наиболее релевантной теорией, на основе которой можно рассматривать интеграционные процессы на пространстве бывшей Югославии, является неоклассический реализм. Неоклассический реализм, как и неореализм, рассматривает государства в рамках международной системы, однако принимает в расчёт внутренние факторы, оказывающие влияние на внешнюю политику государств, такие как представления лидеров и стратегическую культуру, государственные институты, отношения власти с обществом (Lobell, Ripsman, Taliaferro 2009). В определённом смысле это сближает неоклассический реализм с либеральной и конструктивистской школой. Кроме того, в отличие от неореализма, неоклассический реализм рассматривает ЕС как полноценный элемент международной системы (Venesson 2011.). Не будучи государством в настоящем смысле этого слова, ЕС, тем не менее, способен реагировать на системные вызовы и проводить свою внешнюю политику, в особенности, в непосредственной близости от своих границ, где угрозы безопасности Союза наиболее высоки. В научной литературе уже предпринимались попытки проанализировать внешнюю политику ЕС с точки зрения неоклассического реализма. Так, в работе А. Хайд-Прайса представлен общий обзор политики соседства ЕС с точки зрения НКР (Hyde-Price 2017). Н.Р. Смит смотрит на конкретный кейс Украины в контексте политики соседства ЕС с позиций неоклассического реализма (Smith 2015). Политике ЕС в Африке и Евро-Средиземноморском регионе посвящены работы Г.Р. Олсена (Olsen 2014) и С. Костелли (Costalli 2009). В данных работах ЕС предстаёт как либеральный актор, вынужденный действовать в реалистском ключе на своей периферии. Страны Юго-Восточной Европы, в особенности – страны бывшей Югославии, являются периферией для Европейского союза. Распад биполярной системы международных отношений, крушение Югославии и современный процесс конструирования новой архитектуры мира существенным образом не изменил политики ЕС в отношении Балканского региона как, в первую очередь, направленной на обеспечение собственной безопасности.

Исследовательским вопросом, который поставила перед собой автор данной статьи, был вопрос следующего характера: являлось ли взаимодействие СФРЮ и ЕЭС в период 1960-1980-х гг. этапом, работавшим на сближение двух акторов и последующую интеграцию Югославии в Союз, которой помешал лишь распад государства, или их взаимодействие было продуктом холодной войны и ей же и ограничивалось. И, соответственно, насколько интересы в области безопасности на пограничном с ЕС пространстве являются основополагающими императивами современной интеграционной политики ЕС в Юго-Восточной Европе?

Поскольку основным содержательным ядром настоящей статьи является слабо исследованный период взаимодействия СФРЮ и ЕЭС, то необходимо осветить историографию именно данной части исследовательского проекта. Вопреки тому, что сотрудничество социалистического государства с капиталистическими Сообществами в период холодной войны является историческим феноменом, его исследованием на уровне мирового научного сообщества практически не занимались. И зарубежные, и отечественные исследователи традиционно относили его к второстепенным вопросам в сравнении с масштабностью научных задач, рассматривающих специфику советско-югославских, американо-югославских отношений или роли СФРЮ в «движении неприсоединения». Однако спустя полвека Балканский регион стал наиболее сложным звеном в процессе европейской интеграции. При этом корни современной европейской политики (и источники её проблем) относят исключительно к историческим особенностям региона, а также сложнейшему периоду распада югославского государства в конце XX в. Период холодной войны рассматривался преимущественно в категориях «первого опыта» сотрудничества региона с ЕЭС, не имевшего особой важности. Нам же представляется, что истоки современной европейской политики в Юго-Восточной Европе, а также структурные проблемы сотрудничества интеграционной группировки (т.е. ЕС как актора международных отношений) и балканского пространства очень хорошо отражает именно период полувековой давности. Специфику современной политики Брюсселя по отношению к странам Юго-Восточной Европы необходимо рассматривать, включая и отталкиваясь от него.

Среди научных трудов, опубликованных недавно, особого внимания заслуживают работы Бенедетто Заккарии (Zaccaria 2016; 2017). Фактически единственным фундаментальным исследованием является его монография «Политика ЕЭС в отношении Югославии в период холодной войны, 1968-1980». Его последующие работы главным образом рассматривают отдельные аспекты, представленные в монографии, и повторяют ее выводы. Красной нитью через монографию автора проходит мысль о том, что основной целью Брюсселя во взаимоотношениях с Белградом было сдерживание Москвы, тогда как югославы, в первую очередь, пытались решить свои экономические проблемы. Соглашаясь с оценками задач ЕЭС, автору настоящей статьи кажется недостаточным сводить задачи югославской дипломатии к обеспечению финансово-экономического состояния СФРЮ, т.е. к тактическим элементам. Представляется, что не менее важной составляющей была традиционная для Балкан попытка балансировать между мировыми центрами силы в целях обеспечения своего выживания и максимизации выгод от своего положения в биполярной системе. В этой связи ЕЭС рассматривался не только как финансовый донор, но и как один из полюсов, чьё существование Белград обязан учитывать.

Другим заметным трудом, охватывающим взаимоотношения СФРЮ и ЕЭС в качестве отдельной главы исследования, стала монография Бранислава Раде-

лича (Radelić 2012) «Европа и распад Югославии: роль негосударственных акторов и европейской дипломатии». Тем не менее, гораздо больший упор в ней делается на роль медиа, диаспоры, проживающей на территории ЕС, и католической церкви в распаде Югославии, чем, собственно, на эволюцию взаимодействия ЕЭС и СФРЮ. Однако Раделич, в отличие от Заккарии, гораздо большее внимание уделяет сотрудничеству ЕЭС и СФРЮ как геополитическому.

Несомненный интерес для понимания югославско-еэсовских отношений периода 1970-х гг. дают статьи Патрика Артизье (Artisien, Buckley 1980), опубликованные в соавторстве с другими исследователями в начале 1980-х гг., а также работы видного югославского экономиста Оскара Ковача (Kovač 1990), опубликованные на изломе 1980-1990-х гг. Несмотря на то, что они рассматривают частные и зачастую тактические аспекты взаимодействия, их необходимо учитывать при рассмотрении общих контекстов восприятия двусторонних отношений и в Брюсселе, и в Белграде.

Однако основное значение для исследования вопроса взаимоотношений Югославии и ЕЭС имеют неопубликованные документы, изученные автором в Архиве Югославии и Дипломатическом архиве Министерства иностранных дел Республики Сербия, а также документы Архива внешней политики Российской Федерации. Именно они и позволили восстановить эмоциональный фон переговоров между Брюсселем и Белградом, основные опасения Белграда и отдельных стран-членов ЕЭС, задачи, которые на разных этапах на протяжении 1960 – 1980 х гг. ставили перед собой стороны.

Общий контекст взаимодействия СФРЮ и ЕЭС

Созданная по окончании Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамская система отношений, последовавшая за ней холодная война и советско-югославский конфликт предопределили характер социалистической Югославии. Оставшаяся зажатой между двумя противостоящими блоками, СФРЮ оказалась в наиболее уязвимом положении в рамках существовавшей международной системы, будучи объектом интереса как капиталистического, так и социалистического блоков. Подобное положение страны и особенности её отношений с ключевыми международными акторами во многом повлияли на происходившие в ней политические, экономические и социальные процессы.

Создание региональных экономических объединений в Европе, таких как ЕЭС, ЕАСТ и СЭВ привело к формированию нового, крайне важного направления югославской внешней политики (Obradic 2014). В подобных экономических и интеграционных объединениях югославское руководство видело непосредственную угрозу для государства: экономические группировки создавали дополнительные экономические, административные и иные преграды для доступа югославских товаров на рынок, что крайне негативно могло сказаться на югославской экономике. В случае СФРЮ экономика была напрямую связана с

выживанием государства, зависевшего от экспорта своей продукции. Кроме того, эти объединения изменяли политический расклад сил в Европе, угрожая внеблоковому статусу СФРЮ.

Идеологические императивы ограничивали югославскую политическую элиту в выборе внешнеполитического курса, не допуская его сильных изменений. Советско-югославский разрыв сделал СФРЮ в глазах западных держав ключевым звеном европейской безопасности – после присоединения Греции и Турецкой республики к Североатлантическому альянсу в 1951 г., Югославия стала буферной зоной между ними и Западной Европой. Западные страны подчёркивали необходимость кооперации между СФРЮ и странами южного крыла НАТО. Однако, когда европейские страны начали делать конкретные шаги в сторону сближения с Югославией, Белград предпочёл отказаться, притормозить сотрудничество с Западной Европой и начал развивать связи с другими внеблоковыми государствами. За счёт этого, как казалось союзному руководству, Югославия могла глобально продвигать свою социально-экономическую систему и при этом снизить зависимость от Западной Европы (Radjelic 2012), т.е. сохранить подразумевавшийся её внешнеполитическими задачами международный баланс на пространстве Юго-Восточной Европы.

Однако на практике сохранить баланс самой Югославии и субрегиона было значительно более сложной задачей. Дальнейшему блоковому разделению способствовало развитие региональных интеграционных объединений. Образование в 1951 г. Европейского объединения угля и стали усложняло геополитическую ситуацию вокруг Югославии. С запуском интеграции западноевропейский регион начинает воспроизводить конфронтацию по линии Восток – Запад не только в идеологической, но и в экономической плоскости, что естественным образом усложняло положение Югославии, находившейся на перекрестье не только торговых путей, но и двух взаимоисключающих с точки зрения внутренних механизмов регулирования огромных рынков.

Белград пристально рассматривал СЭВ и ЕЭС с точки зрения потенциальных угроз югославской экономике, указывая на ключевые различия двух видов экономической интеграции. Первоначальная позиция, обосновывавшая выгоды внеблокового статуса Югославии, была довольно оптимистичной. «В то время как в ЕЭС пошли по пути интеграции рынка, в результате чего в перспективе случится и интеграция производства, на пространстве СЭВ, через кооперацию и специализацию, идёт интеграция производства, которая должна привести позднее к интеграции рынка» (Savezni sekretarijat... 1968)¹. Исходя из этого, в Белграде делали вывод, что в обозримой перспективе европейская интеграция не будет угрожать третьим странам. При этом югославское руководство видело для себя возможности в европейской интеграции: «в ЕЭС входят страны,

¹ Evropske ekonomsko-političke integracije i jugoslovenski izvoz nekih važnih proizvoda. Beograd, jula 1968. Savezni sekretarijat za spoljnu trgovinu. AJ SIV 130 656 J 1086

важным направлением внешней политики которых является торговля. Соответственно, в условиях интеграции необходимо понимать, что она будет усиливаться в тех сферах, которые отвечают экономической структуре и высокой степени промышленного развития данных стран, и одновременно, будет наблюдаться стагнация, а, может, и уход из некоторых средств производства, особенно тех, где задействуется большое количество рабочей силы, как, например, в текстильной промышленности» (Savezni sekretarijat... 1968)². Интеграция СЭВ в обозримом будущем также не представляла угрозы югославскому экспорту в силу отсутствия общей таможенной политики, однако в дальнейшем производственная интеграция будет сокращать потребности стран СЭВ в импорте (Savezni sekretarijat... 1968)³.

В отличие от СССР, в силу экономической зависимости от Европы, СФРЮ не могла игнорировать общий рынок ЕЭС. Двусторонние переговоры с ЕЭС и ЕАСТ с целью устранения дискриминационных барьеров для югославских товаров успехом не увенчались⁴. Принятая Союзной Скупщиной в 1967 г. резолюция «Об основах экономической политики на 1968 год» ставила одной из главных задач экономической политики углубление внешнеэкономических связей западноевропейскими странами. Разработка новой экономической политики базировалась на понимании, что югославские хозяйства заинтересованы в углублении деловых отношений с Западом. «В 1967 году 58% всего внешнеторгового оборота Югославии приходилось на страны конвертируемой валюты, причём рост товарооборота с капиталистическими странами Запада шёл в основном за счёт импорта... Всё это объясняется тем, что условия экспорта югославских товаров на рынки западных стран являются самыми тяжёлыми, а условия импорта – наиболее благоприятными... Западные страны в условиях кризисной конъюнктуры предоставляют более благоприятные, чем социалистические, условия поставки товаров. Они более охотно предоставляют не только государственные, но и частные, фирменные коммерческие кредиты на покупку их товаров»⁵. Принимая во внимание экономическую нестабильность и открытость югославской экономической системы, Белград был вынужден придавать развивающимся экономическим отношениям с Западом институциональную оболочку. Углубление отношений Югославии и ЕЭС оказало значительное влияние на внутренние процессы в стране, послужив одной из причин экономической нестабильности в 1980-е гг., которая впоследствии приведет к распаду СФРЮ.

ЕЭС рассматривал Югославию отдельно, однако не считал её не входящей в Восточный блок. Это объясняется как недоверием к самой Югославии, так и к советской политике в отношении Югославии, начавшейся при Н.С. Хрущё-

² Evropske ekonomsko-političke integracije i jugoslovenski izvoz nekih važnih proizvoda. Beograd, jula 1968. Savezni sekretarijat za spoljnu trgovinu. AJ SIV 130 656 J 1086

³ Ibid

⁴ Югославия и «общий рынок». *Посольство СССР в СФРЮ*. 21 мая 1968 года. № 239. АВП РФ. Ф. 144. ОП.29 П.68. Д.10. Л.30.

⁵ Там же

ве, который говорил о том, что торговые отношения между Югославией и Советским Союзом должны быть основаны на принципах равенства и взаимного интереса. Потепление советско-югославских отношений было встречено молчанием со стороны Европейского сообщества. Исследователь европейско-югославских отношений Раделич выделяет два потенциальных мотива: во-первых, ЕЭС был в стадии формирования и предпочитал не вмешиваться в дела третьих государств; во-вторых, ЕЭС не имел установленных отношений с СФРЮ в отличие от его стран-участников, что делало вопрос взаимодействия ЕЭС и Югославии вопросом политической воли сторон (Radjelic 2012). Однако перспектива развития отношений со странами непосредственного соседства и, в первую очередь, желание ЕЭС укрепиться в регионе большого Средиземноморья диктовали необходимость сближения с Белградом, исключить который из транспортных потоков и вопросов общей безопасности в Средиземноморье не представлялось возможным даже в силу его географического положения.

Специфика переговоров об институционализации отношений между СФРЮ и ЕЭС

Экономическая реформа, запущенная югославским правительством в начале 1960-х гг., была направлена на уменьшение партийного контроля, частичное прекращение субсидирования, повышение продуктивности и минимизацию неэкономических факторов. Основной целью реформы были стабилизация экономики и повышение уровня жизни через децентрализацию принятия экономических решений и укрепление системы самоуправленческого социализма. Предполагалось, что это возможно только через открытие югославской экономики мировым рынкам. В первую очередь, Западной Европе.

Инновационный и условно либеральный характер запущенных реформ, позволявший Югославии присоединиться к нормам ГАТТ/ВТО уже в 1965 г., придал стимул и отношениям страны с ЕЭС, поскольку открывал экономику для экспорта западных промышленных товаров. К слову, все югославские экономические маневры после 1965 г. были посвящены поддержке импорта западноевропейских технологий и ноу-хау, а также стимулированию туристского потока из стран ЕЭС. Однако, рост импорта товаров из Западной Европы дался ценой экономического отката, вызванного существенным ростом торгового дефицита, который в 1965 г. составлял 196 млн долл. США, в 1966 – 355 млн долл., в 1967 – 455 млн. долл. Дефицит торгового баланса в 1970 г. составлял около 600 млн долл. Из общего долга в конце 1970 г. по долгосрочным и среднесрочным кредитам объём задолженности СФРЮ перед ФРГ составлял 361, Италией – 229 и Францией – 123 млн долл.⁶

⁶ Informacija o odnosima SFRJ – Evropske ekonomske zajednice. 25 jun 1971 godine. AJ KPR I – 3 b/38 komisija EEZ, 25. jun 1971.

Для того чтобы побороть эту тенденцию, Югославия просила у «шестёрки» специальные коммерческие уступки в промышленной и сельскохозяйственной областях. Тем не менее, как указывали сами югославские представители, будущее соглашение с ЕЭС не могло быть преференциальным. Это означало, что Югославия не хотела получать от ЕЭС уступок, которые не распространялись бы на других партнёров Сообществ в рамках режима наибольшего благоприятствования.

Эта, казалось бы, техническая деталь, ограничила манёвр ЕЭС. При этом она была политически мотивирована: в соответствии с позицией югославского МИД, «любые преференциальные решения шли вразрез с ролью Югославии в рамках движения неприсоединения и свидетельствовали бы о чётком намерении институционализировать свои отношения с Сообществами и интегрироваться в общий рынок» (Zaccaria 2016). Более того, предоставление Югославии преференциального статуса могло ухудшить отношения Москвы и Белграда, поскольку было бы воспринято как дрейф СФРЮ на Запад. В процессе переговоров с ЕЭС вплоть до середины 1980-х гг. вопрос преференциальности стал узловым и во многом воспрепятствовал как углублению интеграции, так и намерениям и возможностям ЕЭС обстоятельно вникнуть в суть внутриюгославских проблем.

Переговоры между сторонами начались в 1970 г. Учитывая политическую значимость переговоров ЕЭС и СФРЮ, европейские комиссары осознавали необходимость пойти навстречу экономическим интересам СФРЮ, в частности, в области сельского хозяйства, однако в рамках существовавших правил ЕЭС. Значительное влияние на решение ЕЭС начать переговорный процесс оказали события Пражской весны 1968 г.

В свете наметившегося сближения СФРЮ с ЕЭС ввод войск ОВД в Чехословакию вызывал закономерные опасения югославов. Белград всё больше рассматривал ЕЭС и как гарантию собственной безопасности, и как мост в развитии рабочих отношений с другими европейскими странами: «для Югославии развитые экономические отношения с Сообществами представляют... важную часть её международного положения и безопасности. Экономическое сотрудничество обусловило установление добрососедских отношений между СФРЮ и Италией, стимулирует расширение и интенсификацию сотрудничества с ФРГ, наполняет содержанием традиционно хорошие отношения с Францией и странами Бенилюкса. Отношения с ЕЭС в свете необходимости развития отношений и с другими европейскими государствами представляют важное направление нашей европейской, и более того – международной политики»⁷.

Одновременно с этим в СФРЮ резко ухудшилась макроэкономическая ситуация, значительно увеличился дефицит торгового баланса, который был свя-

⁷ Informacija o saradnji SFRJ-EEZ u vezi posete predsednika Komisije EEZ, Jean Rey-a našoj zemlji. Drzavni sekretariat za inostrane poslove. Savezni sekretariat za spoljnu trgovinu. 15 maj 1970. AJ KPR I- 3- b/31 Komisija EEZ. 01. jun 1970.

зан с введением регулятивных мер по импорту телятины и говядины в рамках Общей сельскохозяйственной политики ЕЭС. Подобные дисбалансы в югославской экономике предполагали определённую реакцию со стороны ЕЭС. Однако решение сельскохозяйственного диспута находилось в противоречии с французскими национальными интересами, несмотря на то, что для Югославии это вопрос был в приоритете (Zaccaria 2016). При этом Югославия была вынуждена решать и внутренние проблемы – хорватскую весну 1971 г. и внутреннюю оппозицию со стороны Сербской коммунистической партии.

Одновременно с началом переговоров с ЕЭС СФРЮ начала налаживать отношения с Советским Союзом. После визита Л.И. Брежнева в Белград в 1971 г., советско-югославские отношения ознаменовались углублением в экономической плоскости: был подписан финансовый протокол, предоставлявший СФРЮ кредит в размере 540 млн долл. на создание и имплементацию 228 совместных промышленных проектов в период с 1973 по 1980 гг. Подобное потепление отношений между СССР и СФРЮ не могло не вызывать настороженности у ЕЭС. Опасения Запада усиливались в свете увеличивающейся нестабильности в Средиземноморском регионе, шедшей вразрез с политикой международной разрядки между Вашингтоном и Москвой. Основную озабоченность Запада вызывало увеличение советского морского присутствия в регионе. В ходе саммита Североатлантического альянса 30-31 мая 1972 г. государства-участники альянса одобрили секретный отчёт под названием «Ситуация в Средиземноморье, декабрь 1971 – апрель 1972 года», в котором описывалось увеличение влияния СССР в Южном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. В докладе были отмечены установленные Москвой эффективные экономические и военные связи со средиземноморскими странами, в частности с Египтом, Ливией, Сирией и Мальтой. Доклад также упоминал Балканы, в частности, по отношению к Югославии, где указывалось, что протесты в Хорватии в 1971 г. могли ослабить СФРЮ и сделать её более уязвимой для советского давления. В заключении отчёта говорилось о необходимости усиления своего военного присутствия в регионе вместе с увеличением экономических связей со средиземноморскими партнёрами (Zaccaria 2016).

Потенциальная возможность «советизации» Югославии зачастую оказывалась основным драйвером Запада в отношении Югославии. Канцлер ФРГ Вилли Брандт был убеждён, что внеблоковый статус Югославии был фактором европейской стабильности. На встрече с президентом Французской республики Жоржем Помпиду в 1971 г. Брандт сказал: «Можем ли мы и как, если потребуется, предотвратить дальнейший разворот Югославии после смерти Тито? Русские наверняка захотят вернуть страну. Будущее Югославии тесно связано со Средиземноморьем, и я надеюсь, что мы не упустим этот вопрос» (Zaccaria 2016). Делегация ФРГ в НАТО отмечала следующее: «Если Тито не сможет консолидировать югославскую систему, решив национальный конфликт и стабилизировав экономику, продолжение умной тактики, выбранной Советами, может по-

зволить им оказаться “нужными друзьями” в трудную минуту. Таким образом, развитие внутренней ситуации в Югославии и рост советского влияния провоцируют Запад уделять больше внимания, а также настаивать на готовности Запада сотрудничать с текущим югославским правительством» (Zaccaria 2016).

Экономическая и внутренняя слабость Югославии, отмечавшаяся западными аналитиками, подтолкнула ЕЭС к включению Югославии в общую систему преференций в 1971 г., а также к подписанию торгового соглашения в 1973 г., облегчавшего экспорт югославской телятины. В 1976 г. была подписана Белградская декларация, ставшая основой для преференциального сотрудничества ЕЭС и СФРЮ. Однако при этом экономический кризис, поразивший Европу, привёл к установлению тарифов на 16 категорий югославской продукции в 1975 г., в результате чего основным торговым партнёром СФРЮ стало не ЕЭС, а СЭВ (Zaccaria 2016).

Следующее торговое соглашение между СФРЮ и ЕЭС, заменившее соглашение 1973 г., было подписано в 1980 г. Однако в силу экономической стагнации в Западной Европе Югославия не смогла воспользоваться его плодами. Государственный долг СФРЮ продолжал расти, а экспорт не увеличивался. Вкупе с нарастающими межэтническими противоречиями и процессами автаркизации и децентрализации в СФРЮ это заложило основу для экономического кризиса в Югославии, который приведёт к распаду страны.

Таким образом, вместо того чтобы использовать югославскую модель социализма для продвижения альтернативной реальности в Центральной и Восточной Европе, страны ЕЭС направляли свои усилия, чтобы оградить СФРЮ от влияния СССР. Тем самым, недооценив проблемы югославской экономики и стремясь не допустить сближение СФРЮ с СССР, они пропустили обострение внутригосударственных проблем, эскалацию межнациональной конфликтности и становление республиканского сепаратизма, переоценили потенциал реформ югославского государства в рамках существовавшего социалистического нарратива и внеблокового статуса. В результате в СФРЮ ЕЭС упустил возможность создать модель плавного перехода социалистических стран Восточной Европы от модели взаимодействия внутри СЭВ к интеграции с ЕЭС. В то же время СФРЮ стала заложником своих внешних и внутренних ограничителей, связанных с её внеблоковым статусом, результатом чего стала неэффективная политика Белграда.

Современная парадигма ЕС в отношении взаимодействия со странами бывшей Югославии

С 1960-х гг. политика ЕС на Балканах конструировалась в парадигме общего характера отношений с СССР и США. И после окончания холодной войны контекст отношений с Россией и США оказывал системообразующее влияние на восприятие региона Брюсселем и ведущими державами ЕС. В зависимости

от их эволюции они делали ставку либо на взаимодополняемость и координацию усилий, либо их иерархизацию, либо нейтрализацию. Период 1990-х гг. – конца 2010-х гг. со всей очевидностью продемонстрировал все три парадигмы. Иерархизация, периодически проявлявшаяся в координации усилий, отчётливо проявила себя в период югославского кризиса. Роль Европейского союза в урегулировании югославского кризиса эволюционировала под воздействием национальных политик отдельных стран-членов и сложного перехода самого ЕС от Европейского политического сотрудничества к Общей внешней политике и политике безопасности от позиции концептуалиста «часа Европы» к статусу второстепенного по отношению к США и НАТО посредника, способного только стимулировать диалог между конфликтующими сторонами⁸. В результате югославский кризис был не решён, а остановлен. Этого достигли путём консервации основных конфликтов и создания на обломках союзной Югославии ряда образований с разным состоянием государственности (Пономарева 2010). Помимо Хорватии и Словении, оказавшихся фактически моноэтническими, в результате югославского урегулирования было образовано несколько типов государств: государства в состоянии полураспада (СРЮ, затем государственное содружество Сербии и Черногории, а потом Республика Сербия), государства, не обладающие государственностью в полном смысле этого слова (Босния и Герцеговина, до 2018 г. Македония, с 2008 года – самопровозглашенная Республика Косово), государства, никогда не имевшие государственности (Босния и Герцеговина, т.н. Косово, Северная Македония).

Такая данность, несмотря на декларированное намерение в перспективе включить государства бывшей Югославии в состав Европейского союза и запущенную в 2003 г. в Салониках стратегию их «европеизации», на практике требовала от Брюсселя приоритезировать вопросы обеспечения безопасности собственных границ. Политика обезопасить геополитическое пространство бывшей Югославии через европейскую повестку для Западных Балкан с большим или меньшим успехом реализовывалась на протяжении 2000-х гг. Однако под влиянием усиливающегося присутствия в регионе Турции и арабских стран и серьёзных изменений во внешнеполитических приоритетах США и России и в этот период происходили постоянные флуктуации контекста, которые в итоге к концу первого десятилетия XXI в. привели интеграционную политику Европейского союза в Юго-Восточной Европе к феномену, характерному для описанного выше периода 1960-1980-х гг. Основной задачей стало не столько интеграция Брюсселя с регионом, сколько нейтрализация внешнего влияния, которое видится ЕС в качестве основного источника угроз Европейскому союзу в регионе. Подобное восприятие региона приводит к имплементации ЕС политики сдерживания не-региональных акторов на геополитическом пространстве бывшей Югославии.

⁸ Глушко В.С. 2002. Политика Европейского союза (Европейских сообществ) в отношении югославского кризиса (1991-1995 гг.). Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Екатеринбург.

Политика сдерживания Москвы, как и 50 годами ранее, стала одним из ключевых направлений политики Европейского союза на Балканах с середины 2010-х гг, что сильнее всего отразилось на внешнеполитическом дискурсе ЕС. Антироссийская кампания на Балканах началась с препятствий в осуществлении проекта «Южный поток». Проявилась в интенсификации черногорского членства в НАТО и вступления Подгорицы в Альянс. Кульминацией стала запущенная с начала 2016 г. информационная кампания по противодействию «тлетворному» влиянию России в регионе⁹. При этом, на современном этапе сдерживание России для Европейского союза является в большей степени предлогом для активизации собственных действий.

Однако основная волна изменений политики ЕС на Балканах началась вследствие превращения стратегических интересов, инвестиций и инфраструктурных проектов Китая в один из определяющих факторов развития региона. ЕС вынужден подключаться к осуществлению американской политики системного сдерживания Китая, в том числе на Балканах, при одновременном поиске таких форм сдерживания, которые бы не повредили получению экономических выгод от сотрудничества с Поднебесной. Одновременно ЕС сам вступает в открытую конкуренцию с Китаем за определение экономического и политического будущего всех стран и регионов по периметру своих границ. Об этом его политика сопряжения, азиатская и китайская повестка. Кроме того, Брюссель не может не учитывать последствий предпринимаемых им действий для дальнейшего сближения России и Китая, потенциал которого далеко не исчерпан.

Подводя итог проведённому исследованию, можно сделать следующие выводы. Во-первых, начальный этап взаимодействия Европейских экономических сообществ и социалистической Югославии и современное взаимодействие Европейского союза и стран Западных Балкан нельзя рассматривать в отрыве друг от друга.

Во-вторых, общепринятая точка зрения о том, что историческое сотрудничество ЕЭС и СФРЮ знаменательно, главным образом, самым феноменом институционализации отношений между социалистической страной и интеграционной группировкой, является неполной. Этот период, в первую очередь, заложил императивы взаимодействия двух сторон, которые остались неизменными и сегодня. Для стран бывшей Югославии (сегодня – Западных Балкан) они лежали, прежде всего, в экономической плоскости: открытие и бурное развитие такого огромного рынка, как рынок ЕЭС/ЕС, непосредственно граничащего с Балканами, естественным образом ставило для югославской экономики, а потом для экономик республик, образовавшихся на её обломках, вопрос об институционализации торгово-экономического взаимодействия и возможных преференциях. Для стран Юго-Восточной Европы его решение было и остается

⁹ Энтина Екатерина, Пивоваренко Александр. Россия на Балканах. *Лонгрид Российского совета по международным делам*. Электронный ресурс: <https://russiancouncil.ru/balkans> (дата доступа 07.02.2020).

связанным с экономической состоятельностью, т.е., по сути, выживанием государств, не имеющих альтернативных рынков сбыта товаров.

Европейскими сообществами руководили преимущественно геополитические соображения, а именно проблема обеспечения безопасности, что казалось достижимым через сдерживание Москвы, а конкретно – недопущение излишнего её сближения с Белградом. Помимо этого, запуск Средиземноморской политики ЕЭС был невозможен в обход Югославии вследствие географических и геостратегических параметров.

Ни та, ни другая сторона не стремились к содержательному углублению отношений и не ставили своей целью проанализировать внутренние процессы, происходящие друг у друга. Таким образом, несмотря на институциональную развитость отношений между СФРЮ и ЕЭС, нельзя говорить о том, что Югославия была ближе к членству в Сообществе в конце 1980-х гг., чем страны Центральной и Восточной Европы. Стремление Белграда сохранить геостратегическую равноудалённость препятствовало выдвижению СФРЮ в авангард европейской интеграции трансформирующихся социалистических государств.

В-третьих, данные императивы взаимодействия Европейского союза и стран бывшей Югославии актуальны на современном этапе. Государства Западных Балкан в европейской интеграции, прежде всего, видят возможность системного экономического роста и модернизации, а не трансформацию идентичности. Механизм социализации, лежащий в основе «европеизации» как центральной концепции евроинтеграции Балкан, который подразумевает «принятие норм и культуры ЕС», является чуждым как для балканских политических элит, так и для социума, исторически считающих себя европейцами. «Балканцы», т.е. «чужие», «не такие» только для Брюсселя. Сама же концепция «европеизации», т.е. трансформации институтов и законодательства под стандарты ЕС, была взята Брюсселем на вооружение отчасти как инструмент несилового наращивания своего геополитического влияния. Однако «европеизация» предполагает «нейтрализацию» влияния тех акторов, которые действуют за рамками парадигмы. И на современном этапе в числе тех, на кого направлена политика «сдерживания», как и полвека назад, оказались Москва, а вслед за ней – Пекин.

Таким образом, два рассматриваемых периода отношений между ЕС и Балканами объединяют доминирующие императивы взаимодействия. На предыдущем историческом витке ставка обеих сторон на поведение, которое целесообразно трактовать в духе реалистских концепций международных отношений, оказалась неуспешной как для Брюсселя, так и для Белграда. Белград за завесой обширного институционального сотрудничества неверно оценивал заинтересованность ЕЭС в нём как таковом. Кроме того, абсолютизация внеблокового статуса не позволила югославскому руководству осознать, насколько глубокая трансформация происходит внутри ЕЭС и какое место может занять сама Югославия в процессе распада прежней архитектуры международных отношений. В свою очередь, концентрация ЕЭС на проблематике сдерживания

Москвы привела к тому, что вопреки очень тесным институциональным форматам сотрудничества и интенсивным дипломатическим переговорам, Брюссель не в полной мере понимал суть внутренних процессов в СФРЮ и их возможных последствий. Это во многом обусловило непоследовательную и слабую политику Сообществ на начальном этапе югославского кризиса, в которой очень быстро начали доминировать приоритеты национальных политик отдельных стран-членов. По ключевым параметрам то же самое происходит в балканской политике Европейского союза сегодня, что позволяет спрогнозировать вывод о возможности системной деградации положения в Балканском регионе в случае её продолжения.

Об авторе:

Екатерина Геннадьевна Энтина – кандидат политических наук, доцент НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института Европы РАН. 119017, Россия, г. Москва, ул. Малая Ордынка, 17/1.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: January 07, 2020
Accepted: February 10, 2020

EEC and Yugoslav cooperation in the frames of modern international relations in Europe

E.G. Entina
DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-39-55

National Research University Higher School of Economics

Abstract: Traditionally the phenomenon of the European integration towards South East Europe is regarded starting from the XXI century. The explanation for such a periodization are resolution of the open conflicts on the territory of the former Yugoslavia and implementation of the complex EU strategy for the region. Starting point of the majority of researches is the year of 2003 when the EU Agenda for the Western Balkans was started in Thessaloniki. The topic of EEC-Yugoslavia relations, SFRY having been first socialist country to institutionalize its trade and economic relations with Brussels, are unfairly ignored in domestic and foreign scientific literature. It is regarded solely as a chronological period of trade agreements. Nevertheless, this issue is of fundamental importance for understanding the current neighborhood of the European Union. The main thesis the author proves is that in the 1960s

and 1980s as it is the case nowadays, the main imperative of Brussels' policy towards the Balkans was to prevent Moscow from increasing its influence. This led to the formation of a very specific format of relations with Belgrade and was one of the reasons why the economic crisis in Yugoslavia became extreme and its economy irreformable. In addition, at a later and structurally much more complicated stage of relations between the countries of the former Yugoslavia and the European Union the specificity and main components of relations of the Cold War period did not fundamentally change. As for the policy of so-called containment of the external actors one could see that besides Moscow, we can speak about similar attitude of the EU towards China. It makes it possible to consider the EU policy towards the countries of the former Yugoslavia in the paradigm of neoclassical realism, rather than in the paradigm of traditional liberal European integration approaches which allows us to unite neorealists elements with the specifics of internal processes, including the modernization of institutes, relations between society and state, types of political leadership.

Key words: Yugoslavia, Balkans, EU, EEC.

About the author:

Ekaterina G. Entina – Candidate of Sciences (PhD) in Political Institutes, Processes and Technologies, National Research University Higher School of Economics, 17/1, Malaya Ordynka, Moscow, Russia, 119017. E-mail: e.entina@hse.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Artisien P., Buckley P. 1985 Joint ventures in Yugoslavia: opportunities and constraints. *Journal of International Business Studies*. 16(1). P. 111-135. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8490445
- Artisien P., Holt S. 1980. Yugoslavia and the E.E.C. in the 1970s. *Journal of Common Market Studies*. 18(4). P. 355-369; DOI: 10.1111/j.1468-5965.1980.tb00852.x
- Hyde-Price A. 2017. Realism and the European Neighbourhood Policy. In: Schumacher T., Marchetti A., Demmelhuber T. (eds) *The Routledge Handbook on the European Neighbourhood Policy*. London: Routledge. 10 p.
- Lobell S., Ripsman M., Taliaferro J. 2009. *Neoclassic realism, the state and foreign policy*. New York: Cambridge university press. 310 p.
- Obradić I. 2014. A troubled relationship: Yugoslavia and the European Economic Community in détente. *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. 21(2). P. 329-348. DOI: 10.1080/13507486.2014.888709
- Olsen G.R. 2014. Fighting terrorism in Africa by proxy: the USA and the European Union in Somalia and Mali. *European Security*. 23(3). P. 290-306. DOI: 10.1080/09662839.2014.884074
- Costalli S. 2009. Power over the Sea: The Relevance of Neoclassical Realism to Euro-Mediterranean Relations. *Mediterranean Politics*. 14(3). P. 323-342. DOI: 10.1080/13629390903346814
- Radeljic B. 2012. *Europe and the Collapse of Yugoslavia: The Role of Non-State Actors and European Diplomacy*. London: I. B. Tauris. 272 p.
- Smith N.R. 2015. The EU under a realist scope: Employing a neoclassical realist framework for the analysis of the EU's Deep and Comprehensive Free Trade Agreement offer to Ukraine. *International relations*. 1(30). P. 1-20. DOI: 10.1177/0047117815588117
- Vennesson P. 2011. Neoclassical Realism and the European Union grand strategy. *52nd International Studies Association Annual Convention*. Montréal, Québec, Canada. March 16-20. 34 p.

Zaccaria B. 2016. *The EEC's Yugoslav Policy in Cold War Europe, 1968-1980*. London: Palgrave Macmillan. 185 p.

Zaccaria B. 2017. Under the Shadow of the Soviet Union: the EEC, Yugoslavia and the Cold War in the long 1970s. *The Balkans in the Cold War*. Rajak S., Botsiou K. E., Karamouzi E., Hatzivassiliou E. (eds) London: Palgrave Macmillan. 362 p.

Ponomareva E.G. 2010. *Novye gosudarstva na Balkanah* [New States in the Balkans]. Moscow: Izdatel'stvo MGIMO-Universitet. 252 p.

Литература на русском языке:

Пономарева Е.Г. 2010. Новые государства на Балканах. Москва: Издательство МГИМО-Университет. 252 с.

Литература на сербском языке:

Kovač O. 1990. Evropa 1992. *Moguće posledice i opcije za Jugoslaviju* Beograd: Savremena administracija. 232 S.

Дилеммы финансовой политики США в Восточной Европе, 1945–1948 гг.: опыт ЧСР

А.В. Зорин

Вятский государственный университет

Статья посвящена одному из аспектов европейской политики США после окончания Второй мировой войны: проблеме выделения займов и кредитов пострадавшим странам. В своей работе автор даёт ответы на ряд важных вопросов: имел ли Вашингтон продуманную финансово-экономическую политику в отношении этого восточно-европейского государства, была ли эта политика последовательной, какие цели преследовала, как её результаты сказались на генезисе холодной войны? Статья основана на впервые вводимом в научный оборот архивном материале: документах Государственного департамента США и личного архива американского посла в ЧСР Лоуренса Штейнгардта. Финансовая политика в отношении ЧСР в первые послевоенные годы была предметом острых дискуссий в США. Автор приводит свидетельства серьёзных разногласий между экономическими и политическими подразделениями Госдепартамента по вопросам целесообразности предоставления Праге экономической помощи, её размеров и условий кредитования. Особое внимание уделено позиции посла Штейнгардта и его попыткам поставить оказание финансово-экономической помощи Праге в зависимость от защиты имущественных интересов американских граждан. Эти споры препятствовали проведению последовательного политического курса в отношении ЧСР и осложняли дипломатические связи Вашингтона с Прагой; переговоры о выделении крупных кредитов на экономическое восстановление ЧСР затянулись. Принципиальную роль в выработке политического курса США сыграло принятое осенью 1946 г. решение государственного секретаря Джеймса Бирнса о недопустимости оказания помощи странам, занявшим антиамериканские позиции. Этот подход окончательно закрепился после прихода к власти в ЧСР коммунистов и вхождения этой страны в советскую сферу влияния. В статье сделан вывод, что послевоенная политика США не отличалась цельностью и продуманностью.

Ключевые слова: история Чехословакии (1945–1948 гг.), американо-чехословацкие отношения, финансовая политика США, Л. Штейнгардт.

УДК 327.81

Поступила в редакцию: 13.09.2019 г.

Принята к публикации: 20.11.2019 г.

В 1945 г. перед главными державами антигитлеровской коалиции встал вопрос об оказании помощи в восстановлении пострадавших во время войны стран. Наибольшими финансово-экономическими ресурсами для этого обладали США, и многие европейские правительства надеялись на получение срочных американских кредитов и займов. Со своей стороны, американцы рассчитывали в обмен на оказание помощи расширить рынки сбыта собственной продукции. Активная финансово-экономическая политика США вызывала опасения у СССР и ориентировавшихся на него коммунистических партий стран Восточной Европы, видевших в американской помощи механизм политического давления. Выделение в 1947 г. крупных сумм для поддержки режимов в Греции и Турции, а затем принятие плана Маршалла продемонстрировали готовность Вашингтона расширить своё участие в решении европейских проблем и в противодействии СССР, став прологом к началу холодной войны.

В отношении различных государств Европы США проводили диверсифицированную финансово-экономическую политику. Одной из ключевых стран этого региона была Чехословацкая Республика (ЧСР). Охваченная в 1945–1948 гг. острой внутривластной борьбой, она находилась на перепутье между двумя вариантами развития: восстановлением демократических порядков и близких связей с Западом, либо ориентацией на Москву. Эта неопределённость осложняла отношение к ЧСР со стороны официальных кругов США, проявлявшееся и в финансово-экономической сфере. В итоге Вашингтон не только отказался от оказания крупномасштабной помощи Праге, но и в 1946 г. заблокировал выделение ей обычных кредитов. Цель данной статьи – разобраться в причинах таких действий США и их воздействии на «потерю» Чехословакии американцами и окончательное вхождение этой страны в сферу советского влияния.

В русскоязычной историографии вопрос о финансовой политике США в отношении ЧСР поднимался лишь в контексте изучения иных проблем. Кратко об этом аспекте деятельности Вашингтона упоминается в монографии А.В. Потехина, посвящённой политике США в Восточной Европе в 1945–1950 гг. (Потехин 1991: 58-76). Российские историки сосредоточили своё внимание на отношениях Чехословакии с СССР (Чехия и Словакия 2005: 27-59) и позиции ЧСР по плану Маршалла (Февраль 1998: 67-83). Финансовую политику США в отношении Чехословакии в рассматриваемый период российские историки подробно не исследовали.

В американской историографии данную проблему первым затронул У. Ульман. Его работа была написана после рассекречивания архивов Госдепартамента США, когда в американской исторической науке получил распространение ревизионизм. Ульман пришёл к выводу, что в вопросе о выделении кредитов Чехословакии правительство США руководствовалось прагматическими соображениями. Приостановка кредитов в 1946 г. была реакцией на недружественную политику Праги и её нежелание выплачивать компенсацию за национализированную собственность американских граждан (Ullmann 1978: 39-42). Док-

торские диссертации американских историков К. Бланкеншип и К. Клементса также указывают на приоритет политических соображений в финансовой политике США и её прямую связь с проблемой национализации (Blankenship 2002: 1-9; Clements 2004: 74).

Словацкий историк С. Михалеk трактовал экономическую помощь со стороны США как «один из немногих американских дипломатических инструментов» по сохранению влияния в Восточной Европе, оказавшийся в итоге неэффективным (Michálek 1995: 156-158). Американско-чешский историк И. Лукеш пришёл к выводу, что серьёзное влияние на курс Вашингтона оказали рекомендации американского посла в Чехословакии Л. Штейнгардта, который акцентировал внимание на защите интересов американских собственников. Государственный департамент разрывался между стремлением нейтрализовать советское влияние, сохранив тесные связи Чехословакии с Западом за счёт расширения своей экономической поддержки, и нежеланием оказывать помощь государству, попавшему под влияние СССР (Lukes 2012: 91, 103, 125).

Настоящая статья выявляет новые факты, позволяющие уточнить и переосмыслить интерпретацию изучаемых процессов. Исследование основано на впервые вводимом в научный оборот архивном материале: документах Государственного департамента из Национального архива США и личной переписки посла Штейнгардта из коллекции Библиотеки Конгресса США. Дополняя друг друга, эти источники дают возможность раскрыть содержание политики Вашингтона в отношении ЧСР в указанные годы, а также проанализировать личные взгляды и позиции американских дипломатов¹.

Вопрос о выделении кредитов на послевоенное восстановление экономики зарубежных стран начал обсуждаться в США ещё в период войны. Соглашениями в Бреттон-Вудсе с этой целью был создан Международный банк реконструкции и развития (МБРР), начало работы которого было намечено на 1946 г. До того времени выделение кредитов брал на себя Экспортно-импортный банк (*Export-Import Bank*, *EXIM-Bank*, «Эксимбанк»), учреждённый в 1934 г. в США для выдачи займов на покупку американской продукции. В июле 1945 г. Конгресс США сделал его независимым учреждением, но в своей деятельности банк по-прежнему должен был ориентироваться на рекомендации американского правительства². В послевоенный период «Эксимбанк» выдавал два вида кредитов и займов: краткосрочные целевые на закупку определённой продукции и крупные долгосрочные на экономическое восстановление в целом.

Чехословацкое правительство сразу после освобождения страны от оккупации в 1945 г. обозначило высокую заинтересованность в получении американских кредитов. Прежние торгово-экономические связи ЧСР были разруше-

¹ US National Archives and Records Administration, Archives-II, College Park, MD (далее – NARA). Record Group 59. Central Decimal File, 1945-1949; L.A. Steinhardt papers, 1929-1950. Library of Congress, Washington, D.C.

² Export-Import Bank Act of 1945 [Электронный ресурс]. URL: fraser.stlouisfed.org/archival/1341/item/457094 (дата обращения 02.02.2020).

ны, ориентированная на экспорт промышленность остро нуждалась в импорте больших объёмов качественного сырья из западных стран, а необходимую для его закупки валюту можно было получить только от иностранных банков.

Президент Э. Бенеш ещё в марте 1945 г. обращался к советскому правительству с просьбой о предоставлении экономической помощи. Такая помощь была оказана в рамках подписанного 31 марта 1945 г. советско-чехословацкого торгового соглашения. С августа 1945 г. СССР начал направлять в Чехословакию большое количество железной, марганцевой и хромовой руды, льна, а также большое количество иных видов промышленного сырья. Однако всех потребностей экономики республики эти поставки не покрывали. Экономическая структура Чехословакии оформилась в первые десятилетия XX в. и зависела от ввозимых из-за рубежа сырья и полуфабрикатов, на которые в предвоенные годы приходилось более 55% всего импорта. После окончания войны предприятия страны остро нуждались в цветных металлах, каучуке, нефти, фосфатах, шерсти, тонковолокнистом хлопке, железной руде высшего качества. Список первоочередных потребностей был обширным, и по большинству позиций СССР либо не имел качественных аналогов, либо не мог поставлять их в полном объёме. Поэтому обращение с просьбой о выделении кредита к США – единственному члену «Большой тройки», располагавшему в тот момент свободными валютными ресурсами, было вполне логичным (Колодникова 1978: 49-54; Восточная Европа 1997: 185-186, 177-182).

Внешнеэкономическое управление США в январе 1945 г. оценило потребности ЧСР в займах на быстрое восстановление экономики и сохранение социальной стабильности в 150 млн долл. Основываясь на довоенной репутации страны, специалисты Управления считали Чехословакию надёжным кандидатом на получение кредитов (Blankenship 2004: 106).

Переговоры о выделении кредитов начались летом 1945 г., когда в Прагу прибыли американские дипломаты. Президент Чехословакии Э. Бенеш на первом же приёме посла США Л. Штейнгардта в июле 1945 г. сообщил американскому дипломату об острой нехватке сырья для восстановления промышленности, заметив при этом, что советские оккупационные власти с большой готовностью помогают ЧСР, а американцы демонстрируют «удивительное безразличие»³.

Последняя ремарка не могла не задеть Штейнгардта, с опасением относившегося к укреплению советского влияния в Европе (Зорин 2018а). Сам факт его назначения главой дипломатической миссии в ЧСР говорил о многом. Возглавляя посольства в Москве (1939-1941) и Анкаре (1941-1945), Штейнгардт снискал репутацию наблюдательного дипломата, чётко исполняющего инструкции Госдепартамента. В отношении СССР он неизменно занимал настороженную пози-

³ Steinhardt to the Secretary of State. July 21, 1945. NARA. RG 84. US Embassy, Prague. Classified General Records, 1945–1957. Box 3; Steinhardt to the Secretary of State. July 21, 1945. NARA. RG 319. Assistant Chief of Staff, G-2. Incoming and outgoing messages, 1942-45. Box 196.

цию, выступал против каких бы то ни было односторонних уступок, за твёрдый и бескомпромиссный курс. В Прагу посол прибыл, имея стойкие антисоветские предрассудки⁴.

В поддержку просьбы чехословацкого лидера 13 августа Штейнгардт просил Вашингтон в качестве жеста доброй воли срочно передать чехам 1000 ненужных военных грузовиков, поскольку ЧСР вскоре «станет важным промышленным поставщиком для Европы, будет играть заметную роль в мировой торговле» и начнёт закупать большие объёмы сырья и иных товаров у американских производителей⁵. Это пожелание было вскоре удовлетворено.

4 августа 1945 г. чехословацкий посол в Вашингтоне В. Гурбан направил государственному секретарю США Д. Бирнсу просьбу о выделении Чехословакии кредита в 300 млн долл. на экономическое восстановление и закупку продукции⁶. 1 сентября была направлена нота, сообщавшая о подготовке программы закупок⁷. После этого на протяжении нескольких месяцев Прага не поднимала вопрос о данном кредите – как полагал Штейнгардт, из-за острой политической борьбы в коалиционном правительстве. Входящие в него коммунисты опасались обращаться к США за помощью, не имея ясной информации о позиции Москвы и о дальнейших перспективах развития чехословацко-советских экономических отношений. Правые умеренные политики боялись инициировать переговоры, чтобы не подвергнуться критике в случае неудачи⁸.

В декабре 1945 г. «Эксимбанк» довёл до сведения Госдепартамента, что ввиду ограниченности ресурсов может выделить Праге не более 25-35 млн долл.⁹; в дальнейшем эта сумма была увеличена до 50 млн.

Второй кредит, за которым обратилась Прага, предназначался для закупки «избыточной армейской собственности» в Европе: в 1945 г. Вашингтон инициировал программу распродажи имущества, не подлежащего возвращению в США (топливо, продовольствие, техника и иные материалы невоенного назначения). Часть этого имущества Администрация Объединённых Наций по оказа-

⁴ Лоуренс Штейнгардт (1892–1950) не был кадровым дипломатом, его превращение из успешного юриста в посла произошло в результате политического назначения. Президент Ф.Д. Рузвельт ценил его личную преданность, образованность и деловые качества и назначил послом в Швецию сразу после победы на выборах 1932 г. Ещё в 1920-е гг. Штейнгардт приобрёл репутацию эксперта в вопросах финансов и имущественного права. Более 10 лет он работал в юридической фирме *Guggenheimer, Untermyer & Marshall*. Был известен своими последовательными антифашистскими настроениями и близостью к сионистским кругам. В 1930–1940-е гг. в Белом доме и Государственном департаменте он считался одним из наиболее проницательных, образованных и независимых представителей дипломатического корпуса США. Был послом в Швеции (1933–1939), Перу (1939), СССР (1939–1941), Турции (1941–1944), Чехословакии (1944–1948), Канаде (1949–1950). Негативно относился к Сталину, СССР и социализму, даже во время войны выступал против масштабных программ помощи, не обусловленных взаимными обязательствами Москвы (Данн 2004:154–220; Mayers 1995: 109, 133–135, 129–131).

⁵ Steinhardt to the Secretary of State. Aug. 13, 1945. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6579. 860F.24/8-1345.

⁶ Hurban to Young. Aug. 4, 1945. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/7-445.

⁷ Hurban to Byrnes. Sept. 1, 1945. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/9-145.

⁸ Steinhardt to the Secretary of State. Feb. 26, 1946. FRUS. 1946. Vol. VI. Pp. 185–188.

⁹ Byrnes to AMEMBASSY in London. Dec. 11, 1945. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6585, 860F.51/12-1145; Steinhardt to the Secretary of State. Dec. 14, 1945. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/12-1445; Acheson to Steinhardt. Dec. 14, 1945. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/12-1445.

нию помощи и реабилитации (*UNRRA*, *ЮНРРА*) передавала заинтересованным странам безвозмездно, остальное распродавалось. Чехословакии, которая, как и другие европейские страны, приняла участие в программе, в октябре 1945 г. США предложили кредит в размере 10 млн долл. (Michálek 1995: 59).

Кроме того, чехословацкое правительство проявило заинтересованность в покупке крупной партии американского хлопка для текстильной промышленности, планируя рассчитаться за него прибылью от продажи за рубеж произведённой продукции. В октябре 1945 г. «Эксимбанк» одобрил выделение на эту сделку кредита по ставке 2,5%; предусматривалось его погашение в течение 15 месяцев¹⁰. Хотя чехословацкое правительство рассчитывало купить партию за 44 млн долл., «Эксимбанк» выделил 20 млн долл., именно эта сумма и была одобрена Госдепартаментом в декабре 1945 г. (Michálek 1995: 59). В целом правительство ЧСР рассчитывало получить от США более 300 млн долл., «Эксимбанк» был готов выделить гораздо меньшие, но все-таки значительные средства. В 1945 г. в ЧСР начались безвозмездные поставки товаров от ЮНРРА, общая стоимость которых в итоге составила 273 млн долл. (Michálek 1995: 15).

Уже летом и осенью 1945 г. обстановка вокруг экономической помощи ЧСР накалилась. Штейнгардт пристально следил за политической борьбой между умеренными политическими партиями и коммунистами, которых он считал проводниками советизации. Начавшиеся социалистические реформы включали национализацию промышленных предприятий, что представляло прямую угрозу активам американских компаний. Кроме того, к послу поступали жалобы на изъятие имущества эмигрировавших в Америку бывших граждан ЧСР. Эта проблема была связана с конфискацией собственности немцев и коллаборационистов, присвоивших в годы войны имущество евреев и покинувших ЧСР эмигрантов. Те из них, кто нашёл убежище в США, обращались в Вашингтон с просьбами о помощи в восстановлении своих прав.

Не дожидаясь завершения дискуссии о масштабах национализации, 5 сентября 1945 г. Штейнгардт обратился в Госдепартамент с предложением отложить рассмотрение чехословацкой просьбы о кредите до прояснения ситуации с правами американских собственников. Госдепартамент предложение посла принял и передал соответствующие рекомендации «Эксимбанку»¹¹, поставив в известность советника по торговле чехословацкого посольства в Вашингтоне Я. Гайну. Сверх того, было указано, что американская сторона ожидает от Чехословакии, что она будет воздерживаться от дискриминации в торговле (протекционизма и предоставления преференций другим странам в ущерб американским компаниям) и предоставит режим наибольшего благоприятствования американским партнёрам¹². Последнее прямо указывало на стремление исполь-

¹⁰ Acheson to Steinhardt. Oct. 3, 1945. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6579. 860F.24/10-345.

¹¹ Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 5, 1945. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/9-545.

¹² Memorandum of Conversation. Oct. 2, 1945. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/10-245.

зовать кредиты для укрепления позиции американских экспортёров на рынке Чехословакии.

24 октября 1945 г. президент Бенеш подписал декреты о национализации. Они охватывали несколько отраслей и предусматривали выплату компенсаций бывшим владельцам в форме облигаций или ценных бумаг¹³, однако механизм и сроки компенсации не были чётко определены. В последующие месяцы были приняты акты, расширявшие сферу национализации, в которую попали и предприятия, прямо или косвенно (через дочерние фирмы) принадлежавшие компаниям из США¹⁴.

Чтобы смягчить негативную реакцию Вашингтона, чехословацкий МИД 25 января 1946 г. продемонстрировал готовность к компенсации за национализированную собственность, запросив полный перечень принадлежавших гражданам США объектов для выяснения общей суммы претензий¹⁵. В тот же день была направлена просьба об увеличении суммы кредита на закупку излишков американской армии с 10 до 50 млн долл. с возможностью его частичного (10 млн долл.) погашения в чехословацких кронах (Michálek 1995: 15)¹⁶. 29 января кредит был одобрен¹⁷, но обсуждение условий его предоставления затянулось до мая 1946 г. (Michálek 1995: 59).

Тогда же обозначились разногласия в Госдепартаменте по поводу финансово-экономической политики США в отношении ЧСР, о сути которых можно судить на основании частной переписки между Штейнгардт и Ф. Уильямсоном, отвечавшим в Госдепартаменте за отношения с Чехословакией. В американском внешнеполитическом ведомстве существовали две параллельные структуры: политическая и экономическая. Политические отношения с Чехословакией курировал Центрально-европейский отдел (ЦЕО), подчинявшийся Управлению европейских отношений. Руководство финансово-экономической политикой осуществлял помощник госсекретаря У. Клейтон, в подчинении которого находились финансово-экономические подразделения Госдепартамента. 1 октября 1946 г. Конгресс учредил временную должность заместителя госсекретаря по экономическим делам, которую Клейтон занимал до 15 октября 1947 г. Должность стала третьей по значимости в иерархии управления Госдепартамента¹⁸.

Финансово-экономические подразделения решали свои задачи, пренебрегая политическими соображениями. Уильямсон отмечал, что их руководители выступали за унификацию принципов предоставления кредитов и были готовы

¹³ Steinhardt to the Secretary of State. Oct. 25, 1945. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6584. 860F.5034/10-2545.

¹⁴ Steinhardt to the Secretary of State. Jan. 29, 1946. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6584. 860F.5034/1-2946.

¹⁵ Steinhardt to the Secretary of State. Jan. 30, 1946. 860F.5034/1-3046. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS)*. 1946. Volume VI. Washington: USGPO, 1969. P. 180.

¹⁶ Steinhardt to the Secretary of State. January 31, 1946. 860F.51/1-3146. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 181.

¹⁷ Byrnes to Steinhardt. Feb. 7, 1946 860F.51/2-746. *FRUS*. 1946. Vol. VI. Pp. 182–183.

¹⁸ История изменения внутренней структуры госдепартамента представлена на его официальном сайте [Электронный ресурс]. URL: history.state.gov/departmenthistory/timeline/1940-1949 (дата обращения 02.02.2020).

поддержать выделение запрашиваемых Чехословакией средств без дополнительных условий. В среде дипломатических работников, наоборот, указывали на необходимость подстраивать финансово-экономический курс под политический. Уильямсон писал, что некоторые сотрудники Госдепартамента предлагали вообще закрыть Праге доступ к кредитам, поскольку ЧСР попала в сферу советского влияния¹⁹.

Руководство ЦЕО из стремления к компромиссу выступило за то, чтобы отложить решение по кредитам до проведения в ЧСР намеченных на май 1946 г. первых послевоенных парламентских выборов. До тех пор, как писал Уильямсон Штейнгардту, Соединённым Штатам следует «по-прежнему утверждать, что Чехословакия является независимым государством с демократическими институтами». Уильямсон отдавал себе отчёт в том, что выделенные ЧСР средства могли не принести США «ни политической, ни экономической выгоды», и не настаивал на позитивном отношении к Праге после «многочисленных сообщений [прессы – А.З.] о чешских декретах о национализации»²⁰.

Позиция ЦЕО формировалась во многом под влиянием посланий Штейнгардта, который с осени 1945 г. призывал Госдепартамент не спешить с выделением дополнительной помощи Праге. Посол был крайне недоволен обстановкой в стране и действиями правительства ЧСР. По его мнению, ситуация могла улучшиться после выборов, если произойдёт ослабление позиций левых сил и укрепление умеренных.

25 января 1946 г. Штейнгардт сообщил в Вашингтон, что министр промышленности левый социал-демократ Б. Лаушман провёл секретные переговоры в Москве, целью которых могло быть соглашение о полной экономической интеграции с СССР. В связи с этим посол предлагал запросить у Праги всю информацию о финансово-экономических обязательствах перед СССР²¹. В ответ на запрос Бенеш сообщил, что в СССР обсуждались незначительные сюжеты, и советское правительство не стремится подорвать торговые отношения Чехословакии с Западом²².

Штейнгардт указывал, что экономическая ситуация в ЧСР лучше, чем в других странах, и нет нужды в срочных финансовых вливаниях, тем более что США уже предоставили Праге многомиллионную помощь через ЮНРРА. По словам посла, умеренные члены чехословацкого правительства разделяли его мнение о нежелательности получения крупных кредитов от США в данный момент «по политическим соображениям»²³. Выделение дополнительных средств перед выборами могло усилить левых, подкрепив инициированные ими экономические реформы. Кроме того, посол настаивал на необходимости получить гарантии

¹⁹ Williamson to Steinhardt. February 13, 1946. *L.A. Steinhardt papers*, 1929–1950. Box 50.

²⁰ Ibid.

²¹ Steinhardt to the Secretary of State. Jan. 25, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. Pp. 178–180.

²² *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 178, note.

²³ Steinhardt to Williamson. March 13, 1946. *L.A. Steinhardt papers*. Box 95.

по выплате компенсаций за национализированную собственность американских граждан²⁴.

В письмах Уильямсону Штейнгардт откровенно критиковал финансово-экономическую политику США, и прежде всего – сомнительный расчёт на то, что выделение денег поможет сдержать коммунизм. По его словам, если в правительстве уже прошли коммунисты, то результат будет противоположным. Посол предлагал выдавать только целевые займы, отвечающие интересам американских производителей – например, кредит на закупку в США хлопка, который можно рассматривать «как более или менее обычную коммерческую сделку в наших интересах – избавления от излишков хлопка». Выделение иных кредитов, по его мнению, следовало отложить до получения явных доказательств «желания чехословацкого народа избавиться от самой реальной угрозы, которая сейчас существует, от практически полного коммунистического господства»²⁵.

Посол скептически отзывался о вашингтонских чиновниках, ответственных за распределение средств, у которых «в распоряжении больше денег, чем понимания того, что происходит в этой части мира ... Наилучший шанс спасти Чехословакию от когтей Советского Союза – помочь ей восстановить экономику собственными силами», и заставить её закупать сырьё на Западе, а не в СССР. Если же США выделяют слишком большую экономическую помощь, Чехословакии не придётся экспортировать свою продукцию на Запад, и она быстро попадёт под советское влияние²⁶.

Таким образом, Штейнгардт считал целесообразным исходить из сугубо прагматических соображений, выделять лишь те средства, которые принесут выгоду американским производителям, но избегать предоставления крупных кредитов на общее экономическое восстановление, поскольку они могли быть использованы коммунистами для укрепления социалистических реформ. В случае развития политической ситуации в стране «в правильном направлении», ничто не мешало США выделить больше средств, а в противоположном случае, по его мнению, можно было в любой момент отказаться от предоставления даже той помощи, «которая уже выделена». Посол советовал продемонстрировать американскую поддержку ЧСР другими способами, например, облегчив транзит чехословацких товаров через американскую оккупационную зону в Германии²⁷.

В марте 1946 г. Штейнгардт предложил передать кредитование ЧСР частным банкам, полагая, что такая мера, с одной стороны, обеспечит исключительно целевой характер кредитования, а с другой стороны – выбьет козыри у развернувшейся в чехословацкой прессе антикапиталистической кампании, направленной против правительства США. Чтобы остановить враждебные

²⁴ Steinhardt to the Secretary of State. Jan. 25, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. Pp. 178–180.

²⁵ Steinhardt to the Secretary of State. Feb. 26, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. Pp. 185–188.

²⁶ Steinhardt to Williamson. March 13, 1946. *L.A. Steinhardt papers*. Box 95.

²⁷ Ibid.

пропагандистские выпады, он считал целесообразным напомнить «некоторым коммунистам в правительстве», что помощь, поступающая от их советских друзей, «не может сравниться с масштабами американской помощи». Штейнгардт упомянул, что посещавший Прагу председатель Национального банка Чейс У. Олдрич выразил готовность сформировать консорциум для предоставления значительного кредита Чехословакии²⁸. Судя по всему, инициатива американского банкира и лежала в основе предложения Штейнгардта.

Рекомендации посла были услышаны. 30 января 1946 г. Госдепартамент известил чехословацкий МИД о своей готовности начать переговоры по кредиту при условии получить «адекватную и эффективную компенсацию»²⁹. Американская сторона ожидала, что правительство ЧСР проявит «должное уважение к правам американских граждан в Чехословакии». Сверх того, Госдепартамент был намерен добиться от ЧСР обязательств воздерживаться от действий, противоречащих политике США в области международной торговли, а также отказа от экономической интеграции с СССР³⁰. Штейнгардту поручили по неформальным каналам довести до сведения министра иностранных дел Я. Масарика, что Чехословакия не получит кредит на 300 млн долл.: то есть одного из главных некоммунистических политиков предупреждали накануне его визита в Вашингтон, чтобы тот не стремился «возглавить заведомо безуспешную миссию, которая может нанести урон его авторитету»³¹.

Когда в марте 1946 г. в Вашингтон прибыла чехословацкая делегация для ведения переговоров по вопросам торговых и финансовых отношений, ей было сообщено о следующих условиях получения американских кредитов: предоставление информации о действующих экономических соглашениях ЧСР с другими странами, выплата компенсации за национализированное и конфискованное имущество американских граждан, подписание с США временного торгового договора³².

В начале апреля чехословацкая сторона согласилась выполнить требование о компенсации, оговорившись о необходимости прежде выяснить объём национализированной собственности³³. Однако сделать это было сложно. К тому времени в посольстве США скопилось около 800 претензий от американских собственников, стоимость которых было трудно подсчитать. Многие частные заявители не могли указать точной стоимости имущества и не прилагали документов, подтверждающих заявленные суммы, а проверить каждый объект у посольства не было физической возможности³⁴.

²⁸ Steinhardt to Williamson. March 20, 1946. *L.A. Steinhardt papers*. Box 95.

²⁹ Byrnes to Praha. Jan. 30, 1946. *NARA*. RG 59.CDF 1945–49. Box 6594. 860F.5034/1-3046.

³⁰ Byrnes to Steinhardt. Feb. 7, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 182–183.

³¹ Williamson to Steinhardt. Feb. 14, 1946. *L.A. Steinhardt papers*. Box 50.

³² Acheson to Steinhardt. March 28, 1946. *NARA*. RG 59.CDF 1945–49. Box 6581. 860F.50/3-2846; *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 184, note.

³³ Steinhardt to the Secretary of State. April 3, 1946. *NARA*. RG 59.CDF 1945–49. Box 6584. 860F.5034/4-346

³⁴ Steinhardt to Williamson. April 3, 1946; April 13, 1946. *L.A. Steinhardt papers*. Box 95.

Поскольку «вполне определённых» гарантий выплаты компенсации правительство ЧСР не предоставило, Штейнгардт вновь высказался против выделения кредитов до выборов³⁵, не возражая при этом против кредитов на хлопок и покупку «военных излишков», поскольку США заинтересованы в этих сделках не меньше, чем Чехословакия³⁶.

В начале мая руководство «Эксимбанка» одобрило кредит на экономическое восстановление Чехословакии в размере 50 млн долл. Он обуславливался обязательным предоставлением полной информации о внешнеэкономических отношениях; выплатой адекватной и эффективной компенсации за национализированную собственность; отказом от дискриминации во внешней торговле; снижением таможенных тарифов; выражением согласия с общим смыслом предложений о расширении мировой торговли. Правительству ЧСР также предписывалось воздерживаться во время конференции по международной торговле от принятия мер, наносящих ущерб задачам конференции, и начать переговоры с США о заключении всеобъемлющего договора о дружбе, торговле и судоходстве³⁷. Кредит предоставлялся на 15 лет с установлением прогрессирующей ставки 2,5–3,5% и началом погашения в 1951 г. (Michálek 1995: 79).

Результат парламентских выборов, состоявшихся 26 мая 1946 г., не оправдал ожиданий американской стороны: коммунисты отнюдь не ослабили своих позиций, а получили 38% голосов. Социал-демократов поддержали 12% избирателей, три умеренные партии – 48% (Чехия и Словакия 2005: 50). Таким образом, в Национальном собрании и новом правительстве ЧСР установилось зыбкое равновесие с преимуществом у более консолидированных левых сил. Их противники были разобщены и не могли проводить согласованной политики (Зорин 2018а).

Через два дня было подписано соглашение о выделении ЧСР кредита на закупку «армейских излишков» на 50 млн долл. со сроком погашения в 25 лет, начиная с 1952 г., при ставке 2,375%³⁸. Средства должны были выдавать постепенно, по мере формирования чехословацкой стороной программы закупок; первый транш составил 10 млн долл. В тот же день, 28 мая, было заключено американско-французское соглашение, предоставлявшее право на покупку всех излишков армии США на территории Франции её правительству. Аналогичная ситуация была в Италии, где большую часть товаров американские власти передали итальянскому правительству, остальное приобрела ЮНРРА. В итоге Чехословакии пришлось довольствоваться закупками в Бельгии и Германии, из-за ограниченности предложения выделенных средств оказалось более чем доста-

³⁵ Steinhardt to Williamson. April 13, 1946. *L.A. Steinhardt papers*. Box 95; Steinhardt to the Secretary of State. May 7, 1946. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6584. 860F.5034/5-746; Steinhardt to the Secretary of State. May 11, 1946. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/5-1146.

³⁶ Steinhardt to Williamson. May 20, 1946. *L.A. Steinhardt papers*. Box 95.

³⁷ Acheson to Steinhardt. May 6, 1946. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/5-646; Byrnes to Steinhardt. May 9, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 196.

³⁸ McCabe to Hurban. 28 May, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 200.

точно (Michálek 1995: 59-64). 29 мая «Эксимбанк» одобрил Праге 20-миллионный кредит на покупку хлопка под 2,5% с погашением в течение двух лет³⁹.

Таким образом, несмотря на неблагоприятные для США итоги выборов, руководство Госдепартамента пошло навстречу чехословацкому правительству в выделении целевых кредитов, но проблема с кредитом на экономическое восстановление осталась нерешённой. В ходе многомесячных переговоров американцы пытались склонить Прагу к уступкам в вопросах о компенсации и по торговой политике. В июле 1946 г. Госдепартамент предложил пойти на заключение временного торгового договора путём обмена нотами: в его текст было бы включено упоминание о выделении кредита и обязательство о выплате Чехословакией адекватной и эффективной компенсации гражданам и корпорациям США за национализированную собственность⁴⁰. 19 июля Штейнгардт получил сообщение, что переговоры подходят к «удовлетворительному завершению», в связи с чем в Вашингтоне благожелательно смотрели на выделение нового кредита Праге⁴¹. «Эксимбанк» просил ускорить переговоры, поскольку проволочки могли исключить саму возможность выделения средств (в случае промедления руководство банка намеревалось направить эти активы на другие цели)⁴².

После майских выборов, ссылаясь на ухудшение политической ситуации, Штейнгардт обосновывал возражения против кредитования набором аргументов. Он утверждал, что, во-первых, ЧСР вообще не нуждается в экономической помощи, поскольку за годы войны промышленность страны не понесла серьёзных потерь, и даже нарастила свой потенциал. Кроме того, в 1945 г. удалось собрать обильный урожай, а население сократилось на 15% из-за выселения немцев. Во-вторых, ЮНРРА и американские благотворительные организации уже передали Праге помощь, и даже, как указывал посол, чрезмерную, а взамен США не получили никакой выгоды – все благодарности чехословацкой прессы адресованы Советскому Союзу. В итоге создавалось впечатление, будто именно Москва оказала главную помощь в восстановлении Чехословакии. Сам посол был уверен, что только щедрость американцев позволила Праге быстро решить свои экономические проблемы и начать промышленный рост. Точных данных о размерах советской помощи у него, судя по всему, не было. Быстрое экономическое восстановление, в том числе и за счёт поставок ЮНРРА, по мнению Штейнгардта, использовалось коммунистами как доказательство успеха социалистических реформ. Посол писал, что чехословацкие чиновники недооценивают роль этой организации и не осознают зависимость чехословацкой экономики от поддержки извне (Зорин 2018b: 33-36).

³⁹ Byrnes to Steinhardt. May 29, 1946. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/5-1346; Press Release Issued by the Export-Import Bank of Washington. May 31, 1946. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 203.

⁴⁰ Clayton to Steinhardt. Sept. 7, 1946. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 219, note.

⁴¹ Byrnes to Steinhardt. July 19, 1946. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 205.

⁴² Williamson to Riddleberger. July 15, 1946. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/7-1546.

Комплементарное отношение многих высших чиновников и значительной части населения Чехословакии к СССР, так сильно раздражавшее американского посла, очевидно, имело комплексную природу. Прежде всего, в нём выразилось характерное для того времени проявление в различных социальных и политических слоях симпатий к СССР и к И.В. Сталину, «обладавшему харизмой победителя фашистской Германии» (Восточная Европа 1997: 15; Гибианский 2003: 149). Но дело не только в этом: в Чехословакии отдавали должное решению СССР отказаться от львиной доли своих военных трофеев в Чехословакии, поддержке позиции Праги в вопросах о репарациях с Германии и её союзников, масштабным поставкам из СССР сырья для предприятий страны, начавшимся уже летом 1945 г., за которые не надо было расплачиваться валютой (Колодникова 1978; Советская экономика 1970: 489).

Наконец, населению Чехословакии было известно, что Советский Союз в тяжелейшее для себя время, включая голодный 1946 г., направлял в их страну масштабные грузы с продовольствием, спасая тысячи людей от истощения и голодной смерти (Быстрова 2007: 123). Поэтому, вопреки мнению посла США, широкое распространение в Чехословакии просоветских симпатий в тот момент имело отнюдь не пропагандистское происхождение.

Судя по всему, Штейнгардт не был способен улавливать разнообразные нюансы советско-чехословацких отношений. В свойственной его восприятию контрастной картине мире социализм был окрашен исключительно тёмными тонами и любые проявления симпатий к СССР он воспринимал с болезненной подозрительностью. О своих сомнениях в искренности заверений правительства ЧСР по поводу компенсаций Штейнгардт сообщил госсекретарю: «Коммунисты никогда ничего не делают, не рассчитывая получить что-нибудь взамен, и будет чрезвычайно сложно получить адекватную и эффективную компенсацию после предоставления займа», предупредив Госдепартамент, что в случае выделения кредита, не обусловленного взаимными уступками, интересы американских собственников в Чехословакии защитить будет невозможно⁴³. 20 июня он писал в Вашингтон: «Ввиду ... убеждённости в том, что кредит на восстановление без определённых обязательств со стороны чешского правительства будет вредным, а не полезным для защиты наших интересов ... , я надеюсь, что Департамент будет настаивать на том, чтобы “Эксимбанк” воздержался от принятия окончательных мер без полного согласия Департамента»⁴⁴.

Руководство Госдепартамента заверило посла, что кредит будет предоставлен только в случае выполнения чехословацкой стороной условий, выдвинутых ранее Соединёнными Штатами⁴⁵. В частном письме Уильямсон сообщил послу

⁴³ Steinhardt to Williamson. July 29, 1946; Aug. 29, 1946. *L.A. Steinhardt papers*. Box 95; Steinhardt to the Secretary of State. July 30, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 209; Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 6, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 217.

⁴⁴ Steinhardt to the Secretary of State. June 20, 1946. *NARA*. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/6-2046.

⁴⁵ Acheson to Amembassy, Praha. June 26, 1946. *NARA*. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/6-2046.

о множестве недавних дискуссий по финансово-экономическим отношениям с ЧСР. Уильямсон, как и Штейнгардт, считал, что соглашение о компенсации надлежит заключить прежде, чем кредит будет окончательно утверждён⁴⁶. Он сообщил также, что просьбы о включении обязательств о компенсации в кредитные соглашения были отвергнуты «Эксимбанком» и Клейтоном из нежелания выставить «агентом политической или экономической политики Соединённых Штатов» банк, главная задача которого состояла в оказании временной помощи в экономическом восстановлении до создания МБРР⁴⁷.

На это Штейнгардт откровенно ответил Уильямсону, что не понимает политики Госдепартамента, которая принижает интересы США и создаёт впечатление, будто «Дядя Сэм задолжал всем по жизни, и не имеет права поступать так, как он хочет, за свои деньги». Бытующее в Госдепартаменте представление о том, что распространение левых настроений можно сдерживать с помощью денежных подачек, он считал ошибкой: «В Соединённых Штатах по-прежнему слишком много людей, полагающих, что они могут купить за доллары хорошее отношение к нам за границей или, если хотите, выкупить коммунизм... Мы живём в сложном мире силовой политики... В таком мире чем больше вы делаете для людей, тем меньше вы получаете. Чем меньше вы делаете, тем больше они надеются получить и тем лучше себя ведут». Посол советовал действовать прагматично и не выделять кредит без реальных выгод взамен, и даже не начинать заведомо бесперспективные в данный момент переговоры о компенсации⁴⁸.

Летом 1946 г. у Штейнгардта и других противников мягкого курса в отношении ЧСР появились новые поводы для недовольства.

В конце июля чехословацкий МИД направил послу жалобу на нарушение американской стороной соглашения о кредите на закупку «военных излишков» предоставлением Парижу исключительных прав на эти операции во Франции. Штейнгардт расценил этот демарш как попытку левых в правительстве (Масарик в то время находился на конференции в Париже) диктовать США условия оказания помощи и попросил Департамент дать «быстрый и острый» ответ, который «окажет отрезвляющее и благотворное влияние на левых»⁴⁹. В ответной ноте Госдепартамент отверг обвинения, указав, что правительство США не давало гарантий продать «излишки» на всю сумму кредита и возложив вину за неспособность приобрести необходимые товары на медлительность самих чехов. В ноте объём остававшейся для реализации собственности оценивался в 1 млрд долл.⁵⁰. После возвращения Масарика в Прагу чехословацкое правительство принесло извинения за свою ноту.

⁴⁶ Williamson to Steinhardt. July 1, 1946. *L.A. Steinhardt papers*. Box 50.

⁴⁷ Williamson to Steinhardt. August 15, 1946. *L.A. Steinhardt papers*. Box 50.

⁴⁸ Steinhardt to Williamson. Aug. 29, 1946. *L.A. Steinhardt papers*. Box 95.

⁴⁹ Steinhardt to the Secretary of State. Aug 14, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 212.

⁵⁰ Steinhardt to the Secretary of State. Aug. 14, 1946. *NARA*. RG 59. CDF 1945–49. Box 6579. 860F.24/8-1446; Acheson to Steinhardt. Aug. 26, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 214.

Призывы Штейнгардта стали находить полную поддержку руководства Госдепартамента в начале сентября 1946 г., после мирной конференции в Париже. Госсекретарь Бирнс в письме Клейтону от 30 августа поделился своими негативными впечатлениями от поведения делегации ЧСР во главе с Масариком, открыто поддерживавшей советскую позицию по всем вопросам. Особенно Бирнсу не понравилось, как чехи аплодировали заместителю министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому, обвинившему США в стремлении к экономическому порабощению Европы. Госсекретарь поручил своему заместителю выяснить возможность приостановки кредитов, ранее предоставленных Чехословакии, и высказался за то, чтобы не заключать с Прагой новых экономических соглашений. Бирнс писал: «Я убеждён, что настало время, когда мы должны всеми справедливыми способами помогать нашим друзьям в Западной Европе и Италии ..., а не оказывать материальную помощь странам Восточной Европы, которые в настоящее время участвуют в кампании нападок на Соединённые Штаты, которая в искажённом виде представляет наши мотивы и нашу политику. Любой другой путь, я уверен, не будет понят американским народом»⁵¹. Суть телеграммы была передана Штейнгардту с просьбой о комментариях⁵².

Штейнгардт выразил полное согласие с точкой зрения госсекретаря, не упустив возможность напомнить, что и сам неоднократно выступал с подобной позиции. Посол в очередной раз повторил, что от выделения кредитов следует воздержаться, пока Прага не выполнит три условия: возвратит незаконно изъятую американскую собственность; примет на себя определённые обязательства по выплате компенсации за национализированные объекты американских собственников; прекратит антиамериканскую кампанию в прессе. «Я считаю, что нам стоит подождать, пока правительство Чехословакии проявит большую благодарность, показав, что уже сделали для Чехословакии Соединённые Штаты Америки, и утратит желание выслуживаться перед Советским Союзом за счёт американских политических и имущественных интересов», – писал Штейнгардт⁵³.

17 сентября Бирнс вновь написал Клейтону о нежелательности «субсидировать нынешнее правительство или каким-либо образом потворствовать официальной пропаганде [в Чехословакии – А.З.], представляющей финансовую помощь США как империалистическую попытку “порабощения” восточноевропейских государств»⁵⁴.

Другой причиной недовольства Вашингтона стало заключённое 14 сентября конфиденциальное соглашение Чехословакии с Румынией о покупке «военных излишков» на 10 млн долл. – фактически, о перепродаже Бухаресту за-

⁵¹ Byrnes to Clayton. Aug. 30, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 216.

⁵² Clayton to Amembassy, Praha. Sept. 12, 1946. *NARA*. RG 59. CDF 1945–49. Box 6579. 860F.24/9-646.

⁵³ Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 17, 1946. *NARA*. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/9-1746.

⁵⁴ Byrnes to Clayton. Sept. 17, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 220.

купаемого у США имущества с комиссией за посредничество. Для получения прописанного в соглашении предварительного согласия американской стороны чехословацкий МИД передал запрос Штейнгардту. Недовольный посол в своём сообщении в Госдепартамент указал, что кредит был выделен Чехословакии для покрытия её собственных потребностей и не предполагал перепродажу материалов третьей стороне. Попытка Праги заработать на посреднической торговле давала повод приостановить или отменить выделение кредита⁵⁵.

По указанию Бирнса Клейтон собрал информацию о текущих финансово-экономических соглашениях США с ЧСР. По состоянию на сентябрь 1946 г. Чехословакии было выделено два краткосрочных целевых кредита «Эксимбанка»: 20 млн долл. на закупку хлопка (соглашение подписано 3 июля); 2 млн долл. на покупку табака (соглашение подписано 16 сентября 1946 г.). Поступивший в «Эксимбанк» запрос от Праги на кредит в 2 млн долл. на закупку авиационных запчастей Госдепартамент рекомендовал игнорировать⁵⁶.

После этого чехословацкие представители в Вашингтоне были поставлены в известность о приостановке переговоров по кредиту на экономическое восстановление и о заморозке средств на закупку «излишков»⁵⁷. В качестве причин, по которым были приняты эти решения, американская сторона указала: поддержку правительством ЧСР обвинений против США в стремлении экономически поработить Европу; необоснованные обвинения США в дискриминации Чехословакии при продаже «избыточного армейского имущества»; улучшение экономического положения Чехословакии; подписание правительством ЧСР соглашения с правительством Румынии⁵⁸.

28 сентября Госдепартамент направил в чехословацкое посольство ноту, информирующую, что «Эксимбанку» рекомендовано прервать переговоры по новому кредиту до достижения соглашения о компенсации американским гражданам и «по некоторым вопросам торговой политики»⁵⁹.

В октябре 1946 г. Прага попыталась поднять вопрос о выделении крупного кредита на экономическое восстановление американскими частными банками. Однако представители Национального банка Чейс и Национального банка Бостона сослались на высокие политические риски, в силу которых частные банки не желали выделять кредиты (Michálek 1995: 80).

Глава ЦЕО Д. Риддлбергер сообщил в письме Штейнгардту, что его замечания повлияли на изменение курса в отношении ЧСР, и теперь стремление «охладить» чехов разделяют даже в экономических отделах Госдепартамента. Рид-

⁵⁵ Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 18, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 220–223; Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 18, 1946. *NARA*. RG 59.CDF 1945–49. Box 6579. 860F.24/9-1846.

⁵⁶ Clayton to the Secretary of State. Sept. 21, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 224.

⁵⁷ Willoughby to Wilcox. Sept. 27, 1946. *NARA*. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/9-2746.

⁵⁸ Memorandum of Conversation. Sept. 24, 1946. *NARA*. RG 59.CDF 1945–49. Box 6579. 860F.24/9-2446.

⁵⁹ The Department of State to the Czechoslovak Embassy. Sept. 28, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 229. *NARA*. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/9-2846.

длбергер констатировал наступление новой, выжидательной фазы отношений с Чехословакией, когда США будут «придерживаться более жёсткого подхода», и выделение кредитов последует лишь после демонстрации Прагой дружеских намерений в отношении США, включая «некоторую переориентацию её внешней политики», подписание соглашения о компенсации и принятие американских условий в вопросах международной торговли⁶⁰.

В ходе состоявшейся 7 октября 1946 г. беседы с премьер-министром ЧСР и лидером коммунистической партии К. Готвальдом Штейнгардт указал на две причины приостановки кредитования: антиамериканскую кампанию в прессе и затягивание с решением вопросов о выплате компенсации американским гражданам и возвращении им изъятой собственности. Готвальд заверил посла в желании поддерживать дружеские отношения с Вашингтоном, и в его присутствии позвонил министру информации, распорядившись немедленно прекратить нападки на США в прессе. Чехословацкому МИДу было поручено подготовить список национализированной или конфискованной американской собственности и предоставить его американской стороне⁶¹.

11 октября министр иностранных дел Я. Масарик сообщил Штейнгардту, что проблема чехословацко-американских отношений обсуждалась на двух заседаниях правительства, члены которого, включая коммунистов, серьёзно обеспокоены сложившейся ситуацией и готовы в кратчайшие сроки устранить причины недовольства со стороны США. Готвальд потребовал как можно скорее урегулировать американские требования о незаконно изъятых и национализированных объектах, а также прекратить публикации оскорбительных для США статей. Штейнгардт известил Госдепартамент, что нападки прессы действительно прекратились и предложил «Эксимбанку» сохранить за Чехословакией ранее выделенные кредиты⁶².

Вскоре в письме Штейнгардту Бирнс с удовлетворением отметил, что «правительство Чехословакии начинает понимать ошибочность своих действий». Вспоминая Парижскую конференцию, он писал, что не рассчитывал, чтобы какая бы то ни было делегация соглашалась с позицией представителей США по всем вопросам, но несогласие при каждом голосовании по каждому договору свидетельствовало о недружелюбном отношении к США – именно так вела себя чехословацкая делегация. Памятуя об этом, Бирнс хотел бы «видеть гораздо более веские доказательства независимости Чехословакии и её дружеского отношения к Соединённым Штатам, прежде чем возобновлять любую форму экономической помощи, которая, как утверждают некоторые члены делегации Чехословакии, может привести к её экономическому порабощению»⁶³. В ответ

⁶⁰ Riddleberger to Steinhardt. Oct. 3, 1946. *L.A. Steinhardt papers*. Box 50.

⁶¹ Steinhardt to the Secretary of State. Oct. 7, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 229.

⁶² Steinhardt to the Secretary of State. Oct. 11, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 230.

⁶³ Byrnes to Steinhardt. Oct. 14, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 233.

Штейнгардт сообщал, что предпринятые действия возымели «благотворный эффект»: развернулась критика действий чехословацкой делегации в Париже, укрепились позиции прозападных сил. Для разрешения проблемы правительство намерено отправить в США Масарика, и в случае неудачи его миссии, оно готово «предпринять любые шаги, необходимые для устранения жалоб» американской стороны. Посол выражал полное согласие с мнением Бирнса⁶⁴.

Тем временем в защиту ЧСР высказались некоторые члены Конгресса США. Представители Демократической партии, конгрессмены В. Маркантонио (Нью-Йорк) и А. Сабат (Иллинойс), а также сенатор У. Бойд (Огайо) по просьбам своих избирателей направили в Госдепартамент обращения с просьбой объяснить отказ от выделения Чехословакии кредита. Маркантонио указывал, что это решение противоречит «демократической внешней политике покойного президента Франклина Делано Рузвельта» и даёт основания обвинять США в «финансовом империализме». Бойд полагал, что давление на Прагу «не соответствует духу честной игры» и призывал вернуться «к рузвельтовской политике равенства и справедливости для всех, вместо ... высокомерия и злоупотреблений»⁶⁵.

В ответ на эти выпады Госдепартамент заявил, что отказ от кредитования обусловлен отсутствием у ЧСР реальных потребностей в экономической помощи. Подчёркивалось также, что это решение стало реакцией на неправомерные или откровенно враждебные действия чехословацкого правительства. Список американских претензий был обширным и включал «безосновательные обвинения США в дискриминации ЧСР в сделках по продаже излишков имущества», «договор правительства ЧСР с правительством Румынии о предоставлении 10 млн займа из средств американского кредита», «затягивание переговоров о новом кредите на обозначенных США условиях»; публичные обвинения США в стремлении экономически поработить Европу. «Правительство Соединённых Штатов не желает предоставлять кредиты стране, правительство которой заявляет, что наша кредитная политика мотивирована стремлением к экономическому господству», – заключалось в ответе Госдепартамента⁶⁶.

Между тем из выступления министра финансов ЧСР коммуниста Я. Доланского, перед Национальным собранием 28 ноября 1946 г. следовало, что Прага, помимо американских кредитов, располагает иными источниками финансирования: Чехословакия получила 19 млн канадских долларов от Канады (потратила 4 млн); 5 млн фунтов стерлингов от Великобритании (потратила 2 млн); 24 млн шведских крон от Швеции (потрачено 12 млн); 20 млн американских долл. от Бразилии. Великобритания выделила 2,5 млн фунтов на закупку «во-

⁶⁴ Steinhardt to the Secretary of State. Oct. 25, 1946. *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 234.

⁶⁵ Marcantonio to Byrnes. Oct. 20, 1946; Acheson to Marcantonio. Nov. 6, 1946. *NARA*. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/10-2046; Boyd to Truman. Oct. 24, 1946. *NARA*. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/10-2446; Riddleberger to Boyd. Nov. 13, 1946. *NARA*. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/10-2446; Sabath to Byrnes. Oct. 31, 1946. *NARA*. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/10-3146; Acheson to Sabath. Nov. 8, 1946. *NARA*. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/10-3146.

⁶⁶ *Ibid.*

енных излишков». В 1947 г. правительство намеревалось подать заявку на получение кредита в 350 млн долл. от МБРР⁶⁷ (банк начал работу летом 1946 г.). Зависимость ЧСР от заимствования денег в США снижалась. Содержание выступления было доведено Штейнгардтом до сведения Госдепартамента.

К концу 1946 г. отношение к Чехословакии в Вашингтоне стало смягчаться. По словам Риддлбергера, это происходило благодаря демонстрации Прагой «сдержанности и здравого смысла». Он возлагал часть вины за возникшие ранее и пока не решенные проблемы не столько на коммунистов, сколько на Масарика и прозападные элементы, не сумевшие использовать своё влияние для предотвращения кризиса. Окончательное решение об изменении кредитной политики оставалось за госсекретарём⁶⁸.

В начале декабря для прояснения ситуации в Вашингтон прибыл Масарик. Он не смог встретиться с Бирнсом из-за высокой занятости последнего; чехословацкого министра приняли заместитель госсекретаря Д. Ачесон и Уильямсон. Масарик выразил надежду на скорое улучшение двусторонних отношений и проявил заинтересованность в получении новых займов. Проблему кредитов министр обсуждать не стал до прояснения вопроса о компенсации, который обещал вскоре разрешить⁶⁹. Из этого следует, что чехословацкий политик не надеялся на кредиты без предварительных уступок со стороны Праги.

На начало 1947 г. ситуация с кредитами для Чехословакии не изменилась. 40 из 50 млн долл., предназначенных для закупки «излишков», оставались замороженными на счетах «Эксимбанка», переговоры о новых кредитах не велись. Тем не менее, в феврале 1947 г. чехословацкий посол в США Ю. Славик передал в «Эксимбанк» запрос на новый хлопковый кредит размером 20 млн долл.⁷⁰, а также подал заявку в МБРР на 350 млн долл.⁷¹.

В начале апреля 1947 г. Ачесон провёл в Госдепартаменте обсуждение дальнейшей политики в отношении ЧСР. Поскольку «общее поведение» пражского правительства по отношению к США значительно улучшилось, было решено пересмотреть подход США к решению вопроса о кредитовании⁷². В сообщении Штейнгардту были перечислены причины изменения американской позиции: улучшение политической ситуации в Чехословакии; привлечение ЧСР к участию в конференциях по международной торговле; выделение кредитов Польше; сложности с транзитом через американскую зону оккупации в Германии; опасность возникновения отрицательного платёжного баланса ЧСР⁷³ (после

⁶⁷ Czechoslovak Economic Bulletin. № 59. Nov. 28, 1946. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6581. 860F.50/12-246; Steinhardt to the Secretary of State. Dec. 6, 1946. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/12-646.

⁶⁸ Riddleberger to Steinhardt. Dec. 2, 1946. L.A. Steinhardt papers. Box 50.

⁶⁹ Memorandum of Conversations. Dec. 3, 1946. L.A. Steinhardt papers. Box 50; Memorandum of Conversation. Dec. 3, 1946. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 237.

⁷⁰ Slavik to Martin. Febr. 19, 1947. FRUS. 1947. Vol. IV. P. 196.

⁷¹ Havlik to Clayton. March 19, 1947. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/3-1947.

⁷² Hickerson to Labousse. April 5, 1947. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/4-547.

⁷³ Acheson to the Embassy in Czechoslovakia. April 24, 1947. FRUS. 1947. Vol. IV. P. 203.

прекращения поставок ЮНРРА правительство ЧСР увеличило закупки товаров за рубежом).

Лишь первое обоснование соотносилось с ранее высказанными претензиями, тогда как остальные указывают на стремление американской стороны учитывать обстоятельства разного порядка. В частности, ссылка на Польшу демонстрировала, что Госдепартаменту трудно объяснить особый курс в отношении ЧСР, а указание на торговые конференции – что Вашингтон надеялся на поддержку Праги в вопросах международной торговли. Проблемы с транзитом товаров для ЧСР через Германию были вызваны действиями американских оккупационных властей и Вашингтон выказал готовность компенсировать их уступками в другом вопросе. Последний аргумент свидетельствовал о том, что американские дипломаты не хотят допустить, чтобы в случае ухудшения экономической ситуации ЧСР обратилась за помощью к другим странам.

Штейнгардт не возражал против смягчения кредитной политики, поскольку чехословацкие власти согласились на условия США по большинству спорных вопросов, и предложил «пообещать чехам рассмотреть возможность выделения кредитов» после урегулирования текущих проблем и получения гарантий удовлетворения крупнейших компенсационных требований. Штейнгардт поддерживал новый кредит на закупку хлопка и возобновление приостановленного кредита⁷⁴.

К лету 1947 г. посол вновь занял выжидательную позицию. Он сообщал в Госдепартамент, что политический курс Праги возвращается в прежнее русло. Поскольку вероятность получения кредитов в США «стала неопределённой», необходимость демонстрировать притворное дружелюбие отпала, и в коммунистической прессе возобновились нападки на американскую «долларовую дипломатию». Между тем после прекращения в 1947 г. работы ЮНРРА приток бесплатной помощи прекратился, и страна остро нуждалась в кредитных средствах. В этих условиях, как указывал посол, коммунисты в правительстве «начали немного трезветь» и стремились к получению американских кредитов даже больше, чем их некоммунистические коллеги, чтобы доказать успех национализации.

Но Штейнгардт призвал сохранять прежний курс. «Я не одобряю поспешные действия в этом вопросе, – писал он, – и не согласен с теорией, согласно которой мы должны начать раздавать кредиты только потому, что всё идёт хорошо ... надежда на получение кредитов даёт нам намного больше». Финансовые ресурсы надлежит использовать, прежде всего, для поддержки прозападных политических кругов: «Если мы собираемся предоставить кредиты Чехословакии, наша цель, на мой взгляд, должна состоять не в вознаграждении за правильное поведение при урегулировании различных нерешённых вопросов, а в усилении антикоммунистических сил в правительстве. Эти силы определённо

⁷⁴ Steinhardt to the Secretary of State. May 9, 1947. *FRUS*. 1947. Vol. IV. P. 208–209.

будут не укреплены, а скорее ослаблены преждевременным предоставлением кредитов»⁷⁵. Следует дожидаться изменения политической ситуации. Поскольку стране не угрожает ни экономический кризис, ни голод, достаточно ограничиться выделением 20 млн долл. на закупку хлопка и небольшими кредитами, по 2–3 млн долл., на закупку других американских товаров⁷⁶. Целесообразно в полуофициальном порядке (через одного из младших сотрудников посольства ЧСР) проинформировать Прагу, что пока чехи «не прекратят кусать руку, которая их кормит», предоставление новых кредитов маловероятно⁷⁷.

Обмен этими сообщениями происходил в преддверии организованной Вашингтоном конференции по принятию плана Маршалла. Чехословацкое правительство первоначально согласилось на участие в конференции, но затем под давлением Москвы отказалось. Об этом стало известно 10 июля 1947 г.⁷⁸.

Накануне Штейнгардт сообщал в Госдепартамент о новой волне антиамериканской пропаганды в коммунистической прессе, особенно критике кредитной политики, свидетельствовавшей о том, что руководство компартии «подчинило интересы своей страны интересам Советского Союза и мирового коммунизма». Коммунисты утверждали, что США предоставляют кредиты ради поддержки собственной экономики ввиду надвигающейся экономической депрессии, а также с целью политического диктата⁷⁹. Госдепартамент 9 июля ответил, что не намерен пересматривать вопрос о новом кредите ЧСР⁸⁰.

После отказа ЧСР от участия в плане Маршалла позиция Штейнгардта только ужесточилась. 22 июля он направил в Департамент обширное послание, в котором доказывал, что политическое и экономическое подчинение Чехословакии СССР уже состоялось. В этих условиях США не должны допустить, чтобы их действия были использованы в интересах Москвы. Для демонстрации нежизнеспособности ориентированной на СССР экономики и подрыва позиций компартии нужно отказаться от экономической поддержки ЧСР. При этом лучше избегать обсуждения вопросов о кредитах, потому что прямой отказ может спровоцировать отрицательное отношение к США в чехословацком обществе⁸¹.

В меморандуме для Европейского управления Госдепартамента от 30 сентября 1947 г., который был подготовлен в ЦЕО, содержалась рекомендация воздержаться от выделения ЧСР кредитов из государственных средств из-за отказа Праги от участия в Конференции по европейскому экономическому сотрудничеству, обвинений США в попытках возродить германский империализм и стремлении подорвать независимость государств, получающих американскую

⁷⁵ Steinhardt to Riddelberger. June 12, 1947. *L.A. Steinhardt papers*. Box 95; Steinhardt to the Secretary of State. June 19, 1947. *FRUS*. 1947. Vol. IV. Pp. 213–215; NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/6-1947.

⁷⁶ *Ibid.*

⁷⁷ Steinhardt to the Secretary of State. June 19, 1947. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/6-1947.

⁷⁸ Steinhardt to the Secretary of State. July 10, 1947. *FRUS*. 1947. Vol. III. P. 318.

⁷⁹ Steinhardt to the Secretary of State. July 3, 1947. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/7-347.

⁸⁰ Marshall to the Embassy in France. July 9, 1947. *FRUS*. 1947. Vol. IV. P. 218

⁸¹ Steinhardt to the Secretary of State. July 22, 1947. *FRUS*. 1947. Vol. IV. P. 223–226.

помощь. В меморандуме фигурировала ссылка на «мнение из Праги» о высокой вероятности скорого превращения Чехословакии в «типичного сателлита» СССР⁸².

В ноябре 1947 г. министр внешней торговли ЧСР Г. Рипка пытался заверить Штейнгардта, что в случае получения нового кредита на хлопок правительство «быстро урегулирует крупные американские претензии в отношении национализированной собственности». Однако посол повторил Госдепартаменту свою рекомендацию сначала добиться компенсации, и лишь затем выделять кредиты⁸³. До конца 1947 г. США так и не возобновили выдачу кредитов Чехословакии. После окончательного перехода власти в ЧСР к коммунистам в феврале 1948 г. уже не могло идти речи об экономической поддержке Праги из Вашингтона.

Подводя итоги, можно заключить, что в первые послевоенные годы в США не было единого подхода к осуществлению финансово-экономической политики в отношении Чехословакии. С одной стороны, декларировалось намерение предоставить помощь для скорейшего восстановления промышленного и торгового потенциала страны, а также расширения рынка сбыта американской продукции. С другой стороны, сдерживающую роль играли политические мотивы. Часть сотрудников Госдепартамента, исходя из приоритета политических интересов над экономическими, полагала, что Прага уже потеряна, и не стоит поддерживать государство, ставшее сателлитом СССР. От ЧСР ждали открытой демонстрации дружественной политики в отношении США и признаков ослабления влияния левых сил.

Если Госдепартамент не мог чётко сформулировать свои приоритеты в отношении ЧСР, то посольство в Праге со всей определённой на первое место помещало политические мотивы. Посол Штейнгардт увязывал выделение Чехословакии кредитов с предварительным согласием на выполнение ряда условий. Важное место в его подходе занимала защита имущественных интересов американских граждан. Он считал, что преждевременное улучшение экономической ситуации в стране укрепит позиции левых сил. Концепция Штейнгардта получила полную поддержку Госдепартамента осенью 1946 г., когда американская сторона сформулировала политические требования, которые Чехословакии предстояло выполнить, прежде чем получить доступ к кредитам. Несмотря на некоторые уступки Праги, кредитование не было возобновлено.

К концу 1947 г. американские дипломаты пришли к мнению, что период политической неопределённости в Чехословакии закончился. Финальная точка в вопросе о кредитах была поставлена в 1948 г., когда приход коммунистов к власти сделал невозможным оказание финансовой помощи со стороны США. Вашингтон занялся поддержкой своих союзников в рамках плана Маршалла,

⁸² Williamson to Hickerson. Sept. 30, 1947. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. 860F.51/9-3047.

⁸³ Steinhardt to the Secretary of State. Nov. 13, 1947. FRUS. 1947. Vol. IV. P. 242.

вне которого оказалась Чехословакия. Данный курс не способствовал защите интересов граждан США и не сдержал наступление коммунизма. Жёсткая позиция Вашингтона стала очередной мишенью для критики со стороны антиамериканских сил. Но правительство США вряд ли могло действовать иначе в обстоятельствах зарождавшейся холодной войны, когда в американском обществе нарастали антисоветские опасения. Любая помощь государству, открыто поддерживавшему Москву, как заметил госсекретарь Бирнс, не была бы понята гражданами США. Отказ США от предоставления кредитов лишь укрепил положение ЧСР в рамках советской зоны влияния, окончательно привязав её в финансово-экономической сфере к СССР.

Вашингтон не располагал инструментами прямого воздействия на государства этого региона, поэтому для сдерживания коммунистического и советского влияния он пытался использовать финансово-кредитную политику. При этом средства давления не уравнивались мерами поощрения, поскольку, не считая реальным шанс предотвратить втягивание ЧСР в сферу советского влияния, США не были готовы идти на серьёзные жертвы и брать на себя чрезмерные расходы.

Об авторе:

Артём Викторович Зорин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. E-mail: arzor@list.ru.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00501.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: September 13, 2019

Accepted for publication: November 20, 2019

The problem of American Loans and Credits for Czechoslovakia in 1945–1948

A.V. Zorin

DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-56-81

Vyatka State University

Abstract: The article is devoted to one of the aspects of the US European policy after World War II: the issue of loans and credits to affected countries. Using the example of Czechoslovakia, the author tries to answer a number of important questions: did Washington have a sound financial and economic policy towards this country, what goals did it pursue, what were its results? The study is based on the US Department of State archive documents and papers of the American ambassador to Czechoslovakia L.A. Steinhardt. The US financial policy towards Czechoslovakia in the early post-war years was the subject of intense debate in the United States. The author reveals evidence of serious disagreement between economic and political divisions of the State Department about providing of financial assistance to Prague, its size and terms of lending. Particular attention is paid to Steinhardt's position and his attempts to determine American loans and credits to Prague by upholding the property interests of American citizens. These disagreements hindered the development of a single thoughtful course regarding the Czechoslovak Republic and complicated diplomatic relations with Prague; negotiations on the allocation of large loans for the economic recovery of the Czechoslovak Republic dragged on. A fundamental role in the establishment of a new US political course had Secretary of State James Byrnes' decision, made in the fall of 1946, on the inadmissibility of providing assistance to countries that have taken anti-American positions. This approach was finally entrenched after the Communists coup in Czechoslovakia in February 1948, when the country entered the Soviet sphere of influence. The article concludes that the post-war US policy was not distinguished by integrity and thoughtfulness.

Key words: history of Czechoslovakia (1945–1948), US-Czechoslovak relations, US financial policy, L.A. Steinhardt.

About the author:

Artem V. Zorin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Political Sciences, Vyatka State University. 610000, 36 Moskovskaya str., Kirov, Russia. E-mail: arzor@list.ru.

Acknowledgements:

The reported study is funded by RSF, project No. 19-18-00501.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflicts of interests.

References:

- Blankenship C.W. 2002. *Nationalization of industry in Czechoslovakia in 1945: impact on the United States, Britain, France and the Soviet Union*. A PhD dissertation. Lexington (Kentucky): University of Kentucky. 196 p.
- Clements C.W. 2004. *The Development and failure of American Policy toward Czechoslovakia, 1938–1948*. A PhD dissertation. Oxford, Ohio: Miami University. 223 p.
- Lukes I. 2012. *On the Edge of the Cold War: American Diplomats and Spies in Postwar Prague*. New York: Oxford University Press. 280 p.
- Mayers D. 1995. *The Ambassadors and America's Soviet Policy*. New York: Oxford Univ. Press. 335 p.
- Michálek S. 1995. *Nádeje a vytriezvenia (Československo-americké hospodárske vzťahy v rokoch 1945–1951) dejiny a fakty*. Bratislava: VEDA. 186 s.
- Ullmann W. 1978. *The United States in Prague, 1945–1948*. New York: Boulder. 205 p.

Bystrova N.E. 2007. *SSSR i formirovanie voenno-blokovogo protivostoyaniya v Evrope (1945–1955 gg.)* [The USSR and the Formation of a Military-Block Confrontation in Europe (1945–1955)]. Moscow: Kuchkovo pole Publ. 489 p. (In Russian)

Chekhiya i Slovakiya v XX veke: ocherki istorii. 2005. V 2 knigakh. Kniga 2 [Czechia and Slovakia in the 20th Century: Essays on History. In Two Books. Book 2]. Moscow: Nauka. 558 p. (In Russian)

Dann D. 2004. *Mezhdu Ruzvel'tom i Stalinym. Amerikanskie posly v Moskve* [Between Roosevelt and Stalin. American Ambassadors in Moscow]. Moscow: Tri Kvadrata Publ. 470 p. (In Russian)

Fevral' 1948. Moskva i Praga. Vzglyad cherez polveka [February 1948. Moscow and Prague. A Look in Half a Century]. 1998. Moscow: Nauka. 176 p. (In Russian)

Gibianskij L.Y. 2003. Forsirovanie sovetской blokovoј politiki [Forcing the Soviet Bloc Policy]. *Holodnaya vojna. 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva: Sbornik statej* [Cold war, 1945–1963. Historical Retrospective: Collection of Articles]. Moscow: OLMA-PRESS. P. 137–186. (In Russian)

Kalinin A.A. 2018. Na perednem rubezhe holodnoi voiny: SShA, SSSR i grazhdanskaya voina v Gretsii (1944–1949 gg.). [*Forefront of the Cold War: USA, USSR, and Greek Civil War (1944–1949)*]. Kirov: Vyatka State University Publ. 616 p. (In Russian)

Kolodnikova L.P. 1978. Sovetsko-chechoslovackie ekonomicheskie otnosheniya v pervye poslevoennye gody [Soviet-Czechoslovak Economic Relations in Early Post-War Years]. *Voprosy istorii.* No. 5. P. 47–61. (In Russian)

Potekhin A.V. 1991. *Diplomatiya SShA v Vostochnoi Evrope 1945–1950 gg.* [US Diplomacy in Eastern Europe 1945–1950]. Kiev: Naukova dumka Publ. 138 p. (In Russian)

Sovetskaya ekonomika nakanune i v period Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945 gg. 1970. [Soviet Economy before and during World War II. 1941–1945]. Moscow: Nauka. 565 p. (In Russian)

Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanakh, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg. 2014. [Counter Courses: the Policy of the USSR and the USA in the Balkans, Near and Middle East in 1939–1947]. Kirov: Vyatka State Humanities University Publ. 510 p. (In Russian)

Yungblyud V.T., Kostin A.A. 2014. Sovetsko-amerikanskoe sopernichestvo v Yugoslavii v 1942–1948 gody: ekonomicheskii i material'no-tekhnicheskii aspekty [Soviet-American Rivalry in Yugoslavia in 1942–1948: Economic and Material-Technical Aspects]. *Nauchnoe mnenie.* No. 9–3. P. 184–194. (In Russian)

Vostochnaya Evropa v dokumentah rossijskih arhivov, 1944–1953 gg. Tom 1: 1944–1948 gg. 1997. [Eastern Europe in the Documents of the Russian Archives. Volume 1: 1944–1948]. Moscow, Novosibirsk: Sibirskij hronograf Publ. 985 p. (In Russian)

Zorin A.V. 2018a. Politicheskie partii Chechoslovakii glazami amerikanskikh diplomatov, 1945–1948 gody [Czechoslovak Political Parties in American Diplomats Assessments, 1945–1948]. *Rossiya i Amerika v XXI veke.* No. 4. (In Russian). DOI 10.18254/S0000068-1-1.

Zorin A.V. 2018b. Soedinennye Shtaty, UNRRA i problema ekonomicheskogo vosstanovleniya Chechoslovakii v 1945–1947 gg. [The United States, UNRRA, and the Problem of Economic Recovery of Czechoslovakia, 1945–1947]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya.* 4(12). P. 29–39. (In Russian)

Литература на русском языке:

Быстрова Н.Е. 2007. *СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.)*. Москва: «Кучково поле». 489 с.

Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. 2014. Отв. ред. В.Т. Юнгблюд. Киров: Издательство Вятского государственного гуманитарного университета. 510 с.

Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. 1997. Том 1: 1944–1948 гг. Москва, Новосибирск: «Сибирский хронограф». 985 с.

Гибианский Л.Я. 2003. Форсирование советской блоковой политики. *Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сборник статей*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС. С. 137–186.

Данн Д. 2004. *Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве*. Москва: Три квадрата. 470 с.

Зорин А.В. 2018а. Политические партии Чехословакии глазами американских дипломатов, 1945–1948 годы. *Россия и Америка в XXI веке*. № 4. DOI 10.18254/S00000668-1-1

Зорин А.В. 2018b. Соединённые Штаты, ЮНРРА и проблема экономического восстановления Чехословакии в 1945–1947 гг. *Вестник гуманитарного образования*. 4(12). С. 29–39.

Калинин А.А. 2018. *На переднем рубеже холодной войны: США, СССР и гражданская война в Греции (1944–1949 гг.)*. Киров: Научное издательство Вятского государственного университета. 616 с.

Колодникова Л.П. 1978. Советско-чехословацкие экономические отношения в первые послевоенные годы. *Вопросы истории*. № 5. С. 47–61.

Потехин А.В. 1991. *Дипломатия США в Восточной Европе 1945–1950 гг.* Киев: Наукова думка. 138 с.

Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1970. 1941–1945 гг. Москва: Наука. 503 с.

Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека. 1998. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН. 176 с.

Чехия и Словакия в XX в.: очерки истории. 2005. В 2 книгах. Книга 2. Москва: Наука. 558 с.

Юнгблюд В.Т., Костин А.А. 2014. Советско-американское соперничество в Югославии в 1942–1948 годы: экономический и материально-технический аспекты. *Научное мнение*. № 9–3. С. 184–194.

Power Struggle between China and the United States: Lessons of History

L. Estachy

KEDGE Business School, France

Fernand Braudel, the economic historian, gave a key for reading the power struggles occurring today between the United States and China. «Just as a country at the center of a world-economy can hardly be expected to give up its privileges at international level, how can one hope that the dominant groups who combine capital and state power, and who are assured of international support, will agree to play the game and hand over to someone else?» In other words, the ruling circles in the United States, the hegemonic power of today, want to keep their leadership, China, the rising and challenging power, would like to replace the USA as the hegemonic country: the trade war starting in 2018 should be analysed in this context. The paper will deal with the recent developments of this hegemonic struggle: within the American establishment, the Pentagon and the US Department of Commerce have regained control over «Wall Street» which has resulted in an updated version of the US military-industrial complex, with China replacing the USSR in a new "cold war". Complex strategies are developed on both sides, involving manufacturing, technology, trade, financial, diplomatic and military issues. Referring to this geo-economic key for reading, a number of actions taken by the US government since 2018 aims in particular at checking China's mounting economic and financial power. For the United States, it is about challenging the development of China's influence in the world, in particular along the new maritime Silk Roads.

Key words: geopolitics, international trade, belt and road initiative.

The Belt and Road Initiative, BRI, announced in 2013 by President Xi Jinping, is at the core of China's foreign policy strategy. Already, the initiative has cost more than the post-World War II U.S. Marshall Plan, measured in today's dollars. Beijing champions the project as a means to spur development, goodwill and economic integration between China and its neighbours: most notably Central Asia, the Middle East and Europe.

However the project has proved controversial and several countries expressed suspicion about China's true geopolitical intentions : the U.S. and Japan remain skeptical

УДК: 327.8

Received: 25 January 2020

Accepted: 15 February 2020

about its stated aims and even more worried about unspoken ones, especially those hinting at military expansion. The BRI is therefore viewed within the new US Administration as part of a Grand Strategy aiming at replacing America as the Global Superpower...

The trade war starting in 2018 should be analysed in this context. So far, the US has imposed three rounds of tariffs on Chinese goods, totalling more than \$250bn, but President Trump has threatened tariffs on another \$267bn worth of goods – meaning all Chinese imports could be subject to tariffs. After months of hostilities, a temporary breakthrough of sorts came in December, both countries agreed to give time for talks. The paper will deal with what looks more and more like a new «Cold War».

Spykman¹ vs. New Silk Road

Chinese President Xi Jin Ping announced the concept of the new Silk Roads, in its land dimension, for the first time in September 2013 during a visit to the Nazarbayev University in Kazakhstan, and again one month later before the Indonesian Parliament. However, this time a maritime and financial dimension was added via the creation of the *Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB)*, designed to finance infrastructure projects along these new land and sea routes. Officially, its aim was to be an economic and commercial one, with the goal of increasing China's presence on the Eurasian continent. The land route envisions connecting Central Asia and Europe, and the maritime version connects the ASEAN countries via the South China Sea, to the Middle East and West Africa via the Indian Ocean, and finally to Europe via the Suez Canal and the Mediterranean Sea.

This initiative is without precedent. According to some estimates, investments could reach up to 8 000 billion dollars and commit China through 2049 – the centenary of the People's Republic of China – in line with the «long-term» concept held by the economic historian, Fernand Braudel. For Xi Jin Ping, by 2049 China will again be «rich and powerful», and take a final revenge on the «century of humiliation» that began in 1840 with the first Opium War.

The latest developments of the Belt and Road Initiative in 2018 showed however that the Chinese investment around the world fell sharply in 2018. The decline was most evident later in the year and among state-owned enterprises. These companies also engaged in fewer power construction projects². In addition, the number of countries in the Belt and Road Initiative keeps expanding, but activity levels per countries are flat.

¹ Nicholas Spykman's 1942 Rimland Theory advocated that mobile maritime powers, such as the UK and the U.S., should aim for strategic offshore balancing. The key was to control the maritime edges of Eurasia – that is, Western Europe, the Middle East and East Asia – against any possible Eurasia unifier. When you don't need to maintain a large Eurasia land-based army, you exercise control by dominating trade routes along the Eurasian periphery.

² Scissors D. 2019. Chinese Investment: State-Owned Enterprises Stop Globalizing, for the moment. AEI Paper & Studies. January 2019. <https://www.questia.com/read/1G1-574566601/chinese-investment-state-owned-enterprises-stop-globalizing> (accessed 18.02.2020)

On the economic plan, the new Silk Roads could in many ways be considered as a prolongation of the strategy of growth carried out by China over the last 30 years, centered on exports and structural investments. As far as the infrastructure of the New Silk Roads, investments financed by Chinese state banks are not located only in China, but mainly in other countries. The shifting of the Chinese economy towards a consumer society being slower than originally envisioned, has given them the reason to find new outlets for the overcapacity of production in domestic markets.

Geostrategic Stakes

This purely economic framework was however displaced by the geostrategic context. In fact, the maritime routes are a major response from China to what it perceives to be an attempt, both military and economic, by the United States, to impede its rise in power. On the military side, the Obama Administration began a gradual repositioning in 2011, calling the US naval and air resources in the Pacific «pivot to Asia». By 2020, it is anticipated that 60% of all US external intervention capacity will be located around China. Economically and commercially, excluding China from the *Trans-Pacific Partnership Agreement* negotiations was also part of the same strategy of «containment».

In 2012, mixing economic, business, and military considerations, President Barack Obama stated «*When it comes to our military and Chinese security, part of the reason that we were able to pivot to the Asia-Pacific region after having ended the war in Iraq and transitioning out of Afghanistan, is precisely because this is going to be a massive growth area in the future. We believe China can be a partner, but we're also sending a very clear signal that America is a Pacific power, that we are going to have a presence there. We are working with countries in the region to make sure, for example, that ships can pass through, that commerce continues...*»³.

Remember that these initiatives by the Obama Administration were made in response to Beijing's territorial ambitions in the South China Sea, which it clearly declared to the United Nations at the beginning of 2009. This assertion of Chinese sovereignty over most of the South China Sea was not new, but it could be considered as a major diplomatic development by Beijing in the backdrop of the weakening of the US after the financial and economic crisis of 2008. At the time, Chinese leaders saw it as the opportune moment to cross the diplomatic line Deng Xiao Ping had put in place in the early 1980s, and for the return of China to the capitalist spheres that advocate a low profile and the rejection of any notion of leadership. Consequently, the major diplomatic change that took place in 2009 requires that we reframe our thinking about China in reference with a global geopolitical framework.

³ Obama-Romney debate, (22 October 2012). <https://www.throughlinegroup.com/2012/10/22/obama-vs-romney-debate-scorecard-october-22-2012/> (accessed 18.02.2020)

Maritime Power vs. Continental Power

Since the work of Admiral Alfred T. Mahan (1840-1914), the United States has emerged as a maritime power (Mahan 1890). Moreover, its geopolitical vision is inspired by the doctrine of the British Sir Halford Mackinder (1861-1947), who advocated for the containment of any continental power likely to dominate Eurasia (Mackinder, 1904). For the British, it was Russia, which – in its race towards the warm seas in the second half of the nineteenth century – directly threatened the «jewel in the crown» of the British Empire: India. This sparked a major British – Russian geopolitical confrontation, known at the time as the «Great Game».

Nicholas Spykman (1893-1943), an American academic considered as the father of geopolitics in the US (Spykman, 1942), merged the ideas of Mahan and Mackinder, and defined a geopolitical vision that formed the background and the permanence of American strategies since the end of the Second World War. This approach was largely echoed by Zbigniew Brzezinski (1928-2017) and, more broadly, by all US administrations since.

What does Spykman tell us? He specifies that essentially: «*Who controls the rim-land rules Eurasia, who rules Eurasia controls the destinies of the world*» (Spykman 1942). In the light of this geopolitical line of thought, the hegemonic naval power that is the United States is therefore opposed to the continental Eurasian powers that are Russia and China. Consequently, the points of friction lie on the borders of Eurasia: in Ukraine, the Middle East, the China Seas, Korea, etc. By building ports in Hambantota in Sri Lanka and Gwadar in Pakistan, settling in Djibouti or Piraeus in Greece, China is, in fact, advancing all along the borders of the Eurasian continent. In addition, by using debt as a weapon, China creates situations of dependence, even increasing «vassalisation», for the countries that receive its financing; however, these advances, officially commercial and peaceful, are occurring at the same time as its navy is growing more powerful, casting doubts on its ultimate objectives.

In the minds of Chinese leaders, the development of New Silk Roads is intended to strengthen economic, trade, and financial ties on the Eurasian continent, but they must also significantly increase China's global influence. Their vision is to return to the great past that was China: the Middle Kingdom, and the most advanced world power (Shkvarya et al. 2016). Because of their maritime and potentially military components, in direct opposition to the American geopolitical objective of controlling the borders of the Eurasian continent, the New Silk Roads are the center of major geostrategic stakes thereby creating a «Great Game» of the 21st century, whose players this time are the United States against China.

Wall Street's Turnaround?

It is appropriate at this stage to question the balance of power within the American ruling circles vis-a-vis China. Wall Street's financial circles have long been supportive

of the development of a relationship between the United States and China that is «systemic» in nature. The term «Wall Street» as used herein encompass the broad financial sector of the United States, which includes the US Treasury Department, the US Central Bank (the «Fed») and, of course, all listed US multinational industrial, service, or financial companies and stock markets.

Historically, the **US Treasury** was one of the main beneficiaries of this «systemic» relationship between the US and China. In fact, the purchasing of US treasury bonds by the Chinese Central Bank was, to a very significant extent, the main way China «recycled» its trade surpluses. This market had the liquidity and security characteristics initially desired by the Chinese authorities. The US Treasury was thus able to benefit from low financing rates, but most importantly, did not have to resort to fiscal austerity policies (tax increases and / or spending cuts) that would have been necessary without these contributions.

The US trade deficit has been described as «pain free». The ability of the US to finance both its trade and budget deficits in its own currency, practically without any limits, is generally accepted to be one of the exorbitant privileges of the US dollar. By recycling its trade surpluses, China has contributed significantly to the financing of the US budget deficit.

The entry of China into the World Trade Organization (WTO) at the end of 2001 in particular resulted in a very strong growth in trade surpluses, particularly with relation to the United States, China becoming the main source of the US trade deficit.

However, since the beginning of 2014, and despite record-breaking Chinese trade surpluses (Tian 2019), the recycling of these surpluses has no longer been made in US Treasury bonds. China has reduced its holdings of US Treasury bonds by nearly \$150 billion. It held more than \$1,300 billion of them in January 2014, but in August 2018, the amount fell to \$1,150 billion. The reasons for this are complex: outflow of capital from China, downward pressure on the Yuan (the Chinese currency), the Chinese stock market crisis of 2015 – but the main point here is that the US Treasury has not any longer the same interest in maintaining a «systemic» relationship with China today than it has had previously. It now even considers itself to be under the potential threat of a massive sale of treasury bonds by China, which would result in an increase in US long-term rates and, subsequently, in the costs of financing the budget deficits.

The **FED** has also long encouraged the development of a systemic relationship between the United States and China. This relationship contributed to what has been described by economists as a «Great Moderation» period. In other words, the variations in inflation and annual growth, economic cycles, were much more moderate between 1990 and 2007 than in previous decades, which facilitated the Fed in achieving its objectives.

However, the 2008 crisis showed that this "great moderation" was obtained at the cost of considerable rise in economic imbalances for the US: a trade deficit, a sharp rise in external and internal debt, deindustrialization, etc. Since then, the Fed has to «revise» its analysis grids. Ben Bernanke, Chairman of FED in this respect wrote in

2009: *«In my view, however, it is impossible to understand this crisis without reference to the global imbalances in trade and capital flows that began in the latter half of the 1990s. In the simplest terms, these imbalances reflected a chronic lack of saving relative to investment in the United States and some other industrial countries, combined with an extraordinary increase in saving relative to investment in many emerging market nations»*⁴.

At the end of 2008, the US economy was even on the verge of falling into a deflationary spiral. Consequently, the FED decided to launch its «Quantitative Easing» program, when it was obvious that short-term rates lowered down to zero percent, would not be sufficient to monitor a recovery of the US economy. On March 18 2009, the Fed embarked on a monetary policy, which, above all, would enable the US budget deficit to be directly financed by the central bank, since it partly involved buying treasury bonds issued by the government on the primary market⁵. The FED bought in this context more than 3,5 trillion of US bonds between the end of 2008 and 2014. For the record, this type of policy can be seen as a modern form of printing money.

On a financial point of view, the “quantitative easing” program was aiming at lowering the whole yield curve and therefore to ease financial conditions. As Ben Bernanke explained in 2010 (Bernanke, 2010): *«Easier financial conditions will promote economic growth. For example: lower mortgage rates will make housing more affordable and allow more homeowners to refinance. Lower corporate bond rates will encourage investment. Higher stock prices will boost consumer wealth and help increase confidence, which can also spur spending. Increased spending will lead to higher incomes and profits that, in a virtuous circle, will further support economic expansion»*. This financial strategy aimed at «containing a depression» like the one of the 1930ies and was successful in preventing such developments.

However, a second reading, a geopolitical one, has to be done regarding the FED decision of the 18th of March 2009. For the United States, this announcement represented a unilateral breaking of the rules that, in the past few decades, had held sway in the international monetary system. This break was in many ways just as radical as the decision by the Nixon administration in August 1971 to end the US dollar's convertibility into gold. The shock for the Chinese government was huge since, in essence, it signaled nothing less than the end of the United States' financial dependence on outside creditors -first and foremost China, which was being replaced by an ex-nihilo financial creation of the Fed's that, by definition, was potentially unlimited.

As the Chinese government was extremely concerned by the US monetary decision announced on March 18th, five days later, Zhou Xiaochuan, the Chairman of the PBoC, the Chinese Central Bank, published a paper insisting on the urgent necessity of a reform of the international monetary system... In other words, he was asking to

⁴ Bernanke B.S. "Financial Reform to Address Systemic Risk", speech at the Council on Foreign Relations, Washington, D.C., March 10, 2009. <https://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/bernanke20090310a.htm> (accessed 18.02.2020)

⁵ Bernanke B.S. "Financial Reform to Address Systemic Risk", speech at the Council on Foreign Relations, Washington, D.C., March 10, 2009. <https://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/bernanke20090310a.htm> (accessed 18.02.2020)

put an end to the “exorbitant privilege of the US Dollar”⁶. A decade later, no reform has been achieved and the Dollar is still the central currency of the system.

Today however, the United States could be obliged to buy the treasury bonds sold by China if China decides to get more aggressive about it. Such potential actions would effectively force the FED to increase the size of its balance sheet, even though it has worked for the exact opposite to normalize its monetary policy (increasing rates, ending liquidity injections and, since 2017, gradually withdrawing liquidity previously «injected» into the US economy). Back to 2005, the FED policy was already constrained by the US – China «systemic» relationships: Alan Greenspan, Chairman of the FED at that time, preferred to talk about a «conundrum», when long-term rates fell despite the fact that the FED had raised short-term rates by 150 basis points. However, this yield curve’ move was related to clearly identified flows: China was indeed recycling its trade surpluses into US treasury bonds or Fannie Mae and Freddie Mac bonds, preventing the FED to cool down the US real estate markets and ultimately contributing to the 2008 financial and economic crisis⁷.

Finally, **American multinational corporations** have been the largest beneficiaries of the United States / China systemic relationship. The moving of production to China since the 1990s to take advantage of its low-cost labor and its massively undervalued Yuan contributed to the record profits of multinational firms, which were primarily American. These profits were such that they also largely contributed to the establishment of a global «norm» of a minimum return of 15% on equity. However, there are a number of reasons for the turnaround of the heads of a significant number of US companies:

- Americans estimate that the theft of intellectual property by the Chinese has amounted to more than \$200 billion a year;
- The «Made in China 2025» plan launched by Xi Jinping – intends to compete with the United States on leading-edge sectors;
- The exclusion of Silicon Valley firms (Google, Amazon, and Facebook), who have been ousted in favor of the Chinese national champions (Baidu, Alibaba, Tencent);
- The limitations of access to the Chinese financial sector;
- The competition from the Chinese steel or aluminum markets and the dumping of surplus on world markets; etc.

For all these reasons, more and more American companies are no longer seeing Chinese firms as partners or subcontractors, but as direct – and in many cases – unfair competition.

⁶ Zhou X. 2009. Reform the International Monetary System. PBoC, March 23. <https://www.bis.org/review/r090402c.pdf> (accessed 18.02.2020)

⁷ Testimony of Chairman Alan Greenspan Federal Reserve Board's semiannual Monetary Policy Report to the Congress Before the Committee on Banking, Housing, and Urban Affairs, U.S. Senate February 16, 2005 <https://www.federalreserve.gov/Boarddocs/hh/2005/february/testimony.htm> (accessed 18.02.2020)

However, it does not mean here that *all* US companies have adopted a negative position towards China. Indeed, a lot of US companies simply cannot afford it as they depends heavily on China, to name a few: General Motors, Caterpillar, Apple, Wall Mart, etc. Walmart imports each year almost 50 billion USD of Chinese goods, a survey from the Economic Policy Institute (Robert E. Scott) estimated that more than 400 000 jobs were lost in the United-States in relation with these imports between 2001 et 2013⁸.

The Return of the Military-Industrial Complex

The National Trade Council, created in 2017, now deems China to have been the main source of the 2008 crisis and the difficulties that followed it. Peter Navarro, a professor of economics and White House advisor, authored the 2011 book «Death by China: Confronting the Dragon – A Global Call to Action» (Navarro, Autry 2011) and a second book in 2015, «The Crouching Tiger: What Chinese Militarism Means for the World» (Navarro 2015). The notion that international trade, economy, and defense are linked is the reason why the Pentagon (the US Department of Defense) is able to once again prevail in its view, considering that China is the main threat to US national security. This position is not new. After the implosion of the USSR, not only the Pentagon but also the US Department of States (US foreign affairs agency), identified China as the new rival from the early 2000s. In February 2000, Condoleezza Rice, future adviser for the National Security advisor and US Secretary of State, wrote: «*China is a great power with unresolved vital interests, particularly concerning Taiwan (...). China resents the role of the United States in the Asia-Pacific region. (...). This means that China is not a «status quo» power but one that would like to alter Asia's balance of power in its own favor. That alone makes it a strategic competitor, not the «strategic partner» the Clinton administration once called it (...).*». In her opinion, China's rise in the region must be checked and, as a result», (...). *It is essential to adopt a strategy that would prevent China's rise as regional power(...). In particular, the United States must deepen its cooperation with Japan and South Korea and maintain its commitment to a robust military presence in the region*⁹.

In other words, as regards to China, the Pentagon and Department of State stood in opposition to the financial sector for nearly fifteen years without success. Indeed, the recycling of Chinese trade surpluses, liquidity flows resulting in cheap financing, low inflation, and record profits for the big American multinational firms, were seen by American leaders to be evidence of the benefits enjoyed by the US from its “systemic” relationship with China. As a result, the trade deficit was not considered to be a problem, nor did the deindustrialization of the country, compensated for the US

⁸ Scott R.E. (2015) A Conservative Estimate of 'The Wal-Mart Effect' Wal-Mart's growing trade deficit with China has displaced more than 400,000 U.S. jobs. December 9. <https://www.epi.org/publication/the-wal-mart-effect/> (accessed 18.02.2020)

⁹ Rice C. 2000. Campaign 2000: Promoting the National Interest. *Foreign Affairs*. January/February <https://www.foreignaffairs.com/articles/2000-01-01/campaign-2000-promoting-national-interest> (accessed 18.02.2020)

consumers by the gains in purchasing power generated by the importation of low-cost products from China.

However, this «purchasing power consumption gains / employment deindustrialization» relationship was significantly called into question during the last US presidential election. In fact, the “Rust Belt” states, that had seen a decline in industry, caused a shift in the election in favor of the new administration. A majority of voters in those states rejected the previous free trade policies and considered them to be responsible for the deindustrialization of the US, which is why the new National Council for Trade now has a much larger influence over the US Administration. In this case David H. Autor et al. shows that the emergence of China as a trade powerhouse rattled the American economy more violently than economists and policy makers anticipated at the time China joined the WTO in 2001 and that the U.S. workforce adapted more slowly than expected... Therefore economists estimate that voting results in the last presidential election would have been different if some states has not been hit as hard by rising imports from China¹⁰ (Davis 2016).

In summary, the US treasury, the Fed, and a large part of the big American companies have re-evaluated their positions on China. A systemic relationship with Beijing is no longer considered to be as beneficial as it had been in the past, and the Pentagon and the US Department of Commerce have regained control over «Wall Street» which has resulted in an updated version of the military-industrial complex, with China replacing the USSR in a new «cold war».

«Just as a country at the center of a world-economy can hardly be expected to give up its privileges at international level, how can one hope that the dominant groups who combine capital and state power, and who are assured of international support, will agree to play the game and hand over to someone else?» (Braudel 1992).

Strategy vs. Strategy...

If one believes, as does the economic historian Fernand Braudel, that the hegemonic conflicts between major powers are the main factor shaping the structure of the world economy, then the changeover described among US leadership may lead to a new interpretation – such as that of Michael Pillsbury (Pillsbury 2015), author of the book on China, *The Hundred Years Marathon* published in 2015. Mr. Pillsbury took a consistently positive view of China's future and has long held that «We believed that American aid to a fragile China whose leaders thought like us would help China become a democratic and peaceful power without ambitions of regional or even global dominance». He now believes that «the influence of Chinese Hawks» has been underestimated, which brings him to ask the crucial question: «What if the Chinese dream is to replace the United States, as the United States replaced the Brit-

¹⁰ Autor D.H., Dorn D., Hanson G.H. 2016. *The China Shock: learning from Labor-Market Adjustment to Large Changes in Trade*. <https://www.ddorn.net/papers/Autor-Dorn-Hanson-ChinaShock.pdf> (accessed 18.02.2020)

ish Empire, without having to fire a single shot?» In other words, the Xi Jinping's «Chinese dream» would have mainly a geostrategic dimension: to replace the United States as the hegemonic power. This hypothesis is now echoed at the highest level of the American leadership.

A Chinese Mercantilist Strategy?

It is therefore appropriate to remember the main characteristics of the «Grand Strategy» China has followed since the 1980s. The underlying strategy that has elevated China in power since its return to the capitalistic world arena is classic. It is characterized by the developments that one can consider virtuous:

Fig. 1. Chinese «Grand Strategy».

Source: compiled by the author.

This «Grand Strategy», mixing economic, trade, financial, diplomatic and military actions is behind the rise of China in the last forty years. It consists of a strategy called «mercantilism» that had been used by England until the mid-19th century, by the «Colbertist» or Napoleonic France, by the United States from the Lincoln presidency until the Second World War, and by Bismark in Germany, etc.

In this context of hegemonic struggles, the economic and financial hegemonic power would adopt, as a global strategy, free trade, free competition and free international capital flows. Indeed, the Hegemon's top manufacturing companies, international trade companies, financial institutions being more efficient, are bound to win the international competition. The interest of the hegemonic center in this context is to force potential challengers and more generally all countries to open their borders. Free trade is consequently an economic weapon in the hand of the Hegemon. On the other hand, potential challengers, if they want to raise their manufacturing, trade and financial capabilities, have no other choice than

to protect themselves from the Hegemon by using various forms of protectionist measures (tariffs, regulations and norms, with the most effective of all being an undervalued currency...).

In this respect, Braudel wrote about Holland, the trade and financial dominant centre of Europe at the end of the 17th century: *«Holland was only mercantilist at certain very rare moments - precisely those at which she was aware of an external threat. As a rule unchallenged, she was able to practice free trade with impunity since it could only benefit her. When in the eighteen century, England began to move away from strict mercantilism, was it, as I am inclined to think, proof that the age of Britain's power and greatness on a world scale has dawned? A century later (1846) she could embrace free trade without running any risk at all. (...). There was considerable difference between modern seventeenth-century Holland and majestic-looking states like France or Spain. This distance is revealed in the attitudes of governments towards an economic policy regarded at the time as a panacea and which we now call by a word invented after the event, mercantilism. When we made up this world, we historians assigned it a variety of meanings. But if one of these meanings was to be paramount, it would be that which implied a defense against others. For mercantilism was above all a means of self-defense»* (Braudel 1992).

In a general fashion, the success of mercantilism, as an economic, commercial, financial, diplomatic, and military Grand strategy, depends first and foremost on recurrent international trade surpluses and an accumulation of financial assets. In the case of China, it must be remembered that the trade surpluses that have occurred since the beginning of the 2000s translated into a considerable accumulation of foreign exchange reserves, which reached more than \$4,000 billion in 2014. If one applies the grid of analysis made by Peter Navarro and Michael Pillsbury, the mentality dominant at the White House, leads us to believe that China has pursued, and continues to pursue, a Grand Strategy of mercantilism, in all the aspects outlined above.

Therefore, it must be reasoned that the priority goal of the United States must be to reduce Chinese commercial trade surpluses. It also must be noted here that this does not entail reducing the American trade deficit, even if it seems to be the same goal. In fact, the reduction of the American trade deficit is in no way desirable for the United States. In order for the US dollar to remain the central currency of the international monetary system, as it must remain from an American point of view, it suits that the rest of the world is fueled with US dollars and a US trade deficit is one of the ways to achieve it. There is nothing new here. The economist Robert Triffin (1911-1993), advisor to President Kennedy, perfectly analyzed this issue, as well as the instability inherent with the Bretton-Woods Gold-Dollar international Monetary System of the 1950ies and 60ies (Triffin 1960).

Regarding the mercantilist strategy of China, Paul Krugman, Nobel Prize in Economics in 2008, wrote in 2009 and 2010: *«China has become a major financial and trade power. However, it does not act like other big economies. Instead, it follows a mercantilist policy, keeping its trade surplus artificially high. And in today's depressed world,*

that policy is, to put it bluntly, predatory»¹¹. «This is the most distortionary exchange rate policy any major nation has ever followed.(...) Most of the world's large economies are stuck in a liquidity trap – deeply depressed, but unable to generate a recovery by cutting interest rates because the relevant rates are already near zero. China, by engineering an unwarranted trade surplus, is in effect imposing an anti-stimulus on these economies, which they cannot offset»¹².

Assuming that the overriding US objective is now to reduce Chinese trade surpluses, then it appears that many of the economic, commercial, and financial actions undertaken by the US government in 2018, present a consistency that must be carefully evaluated. These actions bring focus to a set of strategic goals aimed at reducing or even eliminating Chinese trade surpluses and thus drying up the primary source of China's rise in power.

Strategic Targets of the United States

For Washington, the first strategic target is that of **Chinese exports to the United States**. On March 23, 2018, President Trump announced a first wave of tariffs on \$50 billion worth of products imported from China. In September 2018, an additional \$200 billion was subject to tariffs, which was initially to be increased from 10% to 25% on 1 January 2019. The US President justified his decisions by stating that Chinese business practices constitute a serious threat to the health and prosperity of the US economy long term. A third wave of tariffs was also expected, this time bringing in \$267 billion worth of additional merchandise, with President Trump stating, «*If China takes retaliatory measures against our farmers or other industries, we will activate phase 3, with tariffs on 267 billion additional imports*». If this last phase were in fact implemented, the entire amount of Chinese imports to the United States – more than \$500 billion worth of goods – would be hit by tariffs. However, after months of hostilities, a breakthrough of sorts came in December, both countries agreed to give time for talks at the G20 meetings in Buenos Aires... A deadline was announced for the 1st of March 2019, but at that date no agreement has been reached by American and Chinese negotiators.

This set of measures, which are essentially protectionist, are a complete challenge to the free-trade ideology that has prevailed in the United States in recent years. In this respect, as a campaign advisor to President Obama and a principal trade negotiator for Reagan, Clyde Prestowitz has repeatedly warned against disregarding foreign competition as the U.S. suffers a rapid erosion of its productive base, he wrote: «*So to paraphrase Abraham Lincoln, the world in which we live is half free trade and half mercantilist. Half of more of the countries have a clearly defined national economic interest, an economic strategy focused on export-led growth, and a series of industrial policies to fulfill the strategy*». (Prestowitz 2010)

¹¹ Krugman P. Chinese New Year. *New York Times*. December 31, 2009. (accessed 18.02.2020)

¹² Krugman P. Taking on China. *New York Times*. March 14, 2010. (accessed 18.02.2020)

However, by raising tariffs, it is only the nature of the actions of the United States in the field of international trade that has changed and by no means its final objective. Indeed, the exclusion of China from the Trans-Pacific Partnership Agreement that had been finalized by the Obama Administration was undoubtedly founded on the same reasoning of the containment of China. It was an indirect strategy, aiming at fixing the norms and standards of future international trade and consequently with medium and long-term effects expected. The president Obama clarified the US position in a speech held in 2015: *«When more than 95% of our potential customers live outside our borders, we can't let countries like China write the rules of the global economy. We should write those rules, opening new markets to American products while setting high standards for protecting workers and preserving our environment. That's what the agreement reached today in Atlanta will do»*¹³.

However, the new American administration had the perception that the threat from China has risen a notch and consequently that more direct actions with immediate impacts had to be considered. In this context, both free trade agreements and protectionist measures are to be looked at as economic weapons¹⁴ that are at the disposal of the dominant power and could be triggered in a pragmatic way upon circumstances.

The introduction of tariffs by the new US Administration was a surprise even more to the Chinese leaders, because the rhetoric of the candidate Trump during his presidential campaign – which was quite virulent towards China – had not shown any concrete signs of manifestation during the 15 months following the presidential election. This period corresponds to the time granted by the Americans to trade negotiations with China, though it proved unsuccessful¹⁵, but was also equal to the time necessary for the changeover in the American ruling circles mentioned above.

However following the announcement of tariffs by the US aiming at Chinese imports, the Chinese Yuan went immediately down, the parity USD/CNY going from 6,25 in April 2018 to 6,85 at the beginning of August, corresponding to a depreciation of nearly 10% of the CNY in 4 months. This was happening in a context of Chinese trade surplus, that in theory should translate into a higher CNY and of a very significant undervaluation of the CNY in terms of purchasing power parity. In other words, to a trade war, US tariffs raised, China retaliated with a currency war, depreciation of its currency.

Transfer of Technology and Theft of Intellectual Property

The second US strategic target refers to technology transfer and intellectual property theft. The Commission on the Theft of Intellectual Property (IP Commission)

¹³ Barack Obama. Statement by the President on the Trans-Pacific Partnership. October 05, 2015. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/10/05/statement-president-trans-pacific-partnership> (accessed 18.02.2020)

¹⁴ Address by Secretary of Defense Ashton B. Carter in Arizona State University in Tempe. April 2015. <https://www.mccain-institute.org/events/a-conversation-with-secretary-of-defense-ashton-b-carter/> (accessed 18.02.2020)

¹⁵ China's Xi to meet Trump in Mar-a-Lago on April 6-7 <https://pressfrom.info/us/news/world/-36361-chinas-xi-to-meet-trump-in-mar-a-lago-on-april-6-7.html> (accessed 18.02.2020)

estimated in march 2018 that the annual cost of counterfeiting, software piracy, and theft of trade secrets to the American economy is more than \$225 billion a year, and could even be as high as \$600 billion, and that China is the main source of offenders. The American objective is therefore here to reduce the chances of success of the Plan «Made in China 2025» that aims to give to China a dominant position in many advanced sectors.

The Commission – headed by Admiral Dennis Blair, former director of national intelligence in the Obama administration between 2009 and 2010, and Craig Barret, previously CEO of Intel Corporation – suggested in March 2018 that «dialogue» was being engaged, mainly between the United States, the European Union, and Japan, on the dual problem of intellectual property thefts and technology transfer.

A broad consensus has been reached by the United States on these two points. Indeed, during a visit to the Chinese number two, Li Keqiang Mr. Jean-Claude Juncker, President of the European Commission, declared: «*We share many of the concerns of Messrs. Trump and Lighthizer¹⁶, about the Chinese State Capitalism. We do not necessarily like Mr. Trump's methods, but that doesn't mean he's invented it all*». At the same time, the European Commissioner Trade, Cecilia Malmstrom, clearly confirmed the European position in this matter. «*There's no secret that we think China is a big sinner here*»¹⁷.

In other words, it is on these two crucial points that the new American administration has arrived at its decision to isolate China in line with its strategy of containment of the Middle Kingdom (Mitchell 2018). Indeed, by reducing the transfer of technology to China and fighting against the theft of intellectual property by Chinese entities, it reduces the chances of success of the «Made in China 2025» plan.

Oil and Chinese Energy Independence

The third US strategic target is the import of oil and Chinese energy dependence. The New Silk Roads aimed at strengthening the economic trade and financial links within the Euro-Asian continent. More specifically, they must also allow – and they already allow – a diversification of China's sources of oil and gas energy supplies via pipelines from Central Asia and Siberia, for the most part. China seeks to circumvent shipping lines and more particularly to avoid, as much as possible, the strong dependence on the Strait of Malacca, between the Malay Peninsula and the Indonesian island of Sumatra, which is under the control of the US Navy. For the record, China's net oil imports rose from 3.3 million barrels a day in 2007 to 8.4 million barrels in 2017. China's energy dependence has therefore increased sharply over the last decade, and consequently is now one of the most significant points of fragility likely to slow down its rise in power.

¹⁶ Robert Lighthizer is the US State Trade Representative since 2017.

¹⁷ Mitchell T. 2018. Trade Wars: China Fears an Emerging United Front. *Financial Times*. 11 September.

It is in this context that we must understand the collateral effects on China resulting from American sanctions against Iran and Venezuela, both of whom are privileged «partners» of China. In fact, following the introduction of these sanctions, there were more than two million fewer barrels/day available on the world market. American foreign policy towards these two producing countries has thus contributed to a strong rise in oil prices, reinforcing the agreements between Saudi Arabia and Russia, and indirectly, favoring US oil and shale gas producers. China appears to be one of the indirect victims of these latest developments. In fact, because the price of oil rose from \$45/barrel in of June 2017 to \$85/barrel in October 2018, China's oil bill increased by nearly \$100 billion a year, which reduced its trade surpluses and, consequently, its accumulations of financial assets.

Such a «weapon» is however difficult to use. Indeed a rise of the oil price is not without consequence for the US economy. Though it will boost the activities of domestic shale oil and gas producers, it has also unwanted consequences, pushing inflation expectations up and raising the probability of rates hikes by the FED. Such development could then trigger a sharp correction down in the stock market and put an end to current growth cycle. In this context, the President Trump asked the King Salman of Saudi Arabia to act to counter the rise of the oil price. A few weeks later: «*Russia and Saudi Arabia struck a private deal in September to raise oil output to cool rising prices and informed the United States before a meeting in Algiers with other producers*».¹⁸ After a fall at the end of 2018, the oil price hovered again around 70 Dollars a barrel of Brent in March 2019.

«*Who controls the rimland rules Eurasia, who rules Eurasia controls the destinies of the world*». (Spykman 1942) This key sentence from Nicholas Spykman places the rivalry between the United States and China in its relevant context. The United States, the established hegemonic power of today, want to keep their leadership, China, the rising and challenging power, would like to replace the USA as the hegemonic country.

When Beijing claimed territorial ambitions in the South China Sea, the US answer was to begin a gradual repositioning of naval and air resources around China, the so-called «pivot to Asia». When China announced the Belt and Road Initiative, the previous Obama Administration answered with an attempt to isolate China with free trade partnerships including every major developed country except China.

In a more direct and frontal strategy, many of the actions taken since April 2018 by the new US government aimed clearly at curbing the economic and financial rise of China. The main objective is to reduce the Chinese trade surpluses and therefore drying up the major source of accumulation of financial assets. In the end, the ultimate goal for the United States is to counter the development of China's influence in the world, especially along the new maritime Silk Roads, the «borders» of the Euro-Asian continent, as well as its concurrent rise in military and naval power.

¹⁸ Russia and Saudi Arabia struck a private deal in September to raise oil output to cool rising prices and informed the United States before a meeting in Algiers with other producers <https://www.reuters.com/article/us-russia-saudi-oil-exclusive/exclusive-saudi-arabia-russia-agreed-in-september-to-lift-oil-output> (accessed 18.02.2020)

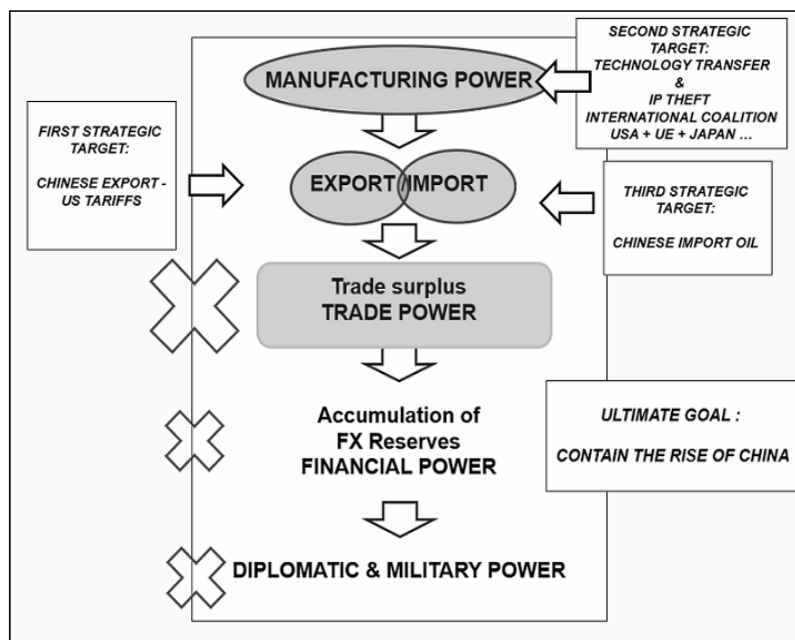

Fig. 2. US strategic target: contain the rise of China.

Source: compiled by the author.

The geostrategic struggles between the United States and China inserts into what Fernand Braudel called the history of the *longue durée* (English: the long term). This expression comes from the French Annales School to designate their approach to the study of history that gives priority to long-term historical structures over «events» history. In this context, the current hegemonic struggles cannot be limited to ongoing trade negotiations, whatever their short-term outcomes. Referring to Braudel, it cannot be expected that the United States, country at the center of the world-economy, would give up their privileges at international level and that US dominant groups will agree to play the game and hand over to someone else?

The outcome of this hegemonic struggle may however depends more on China than on the United States. Indeed, three Damocles swords hang over the future course of the Chinese economy and threaten to slow the rise of China:

- A growing energy dependence from oil and gas imports from abroad
- An unprecedented rise of debts that contributes to growing potential financial vulnerabilities that could threaten the long-term health of the Chinese economy, particularly in relation with the corporate sector debt.
- In addition, last but not least, a major demographic issue: how the Chinese economies will cope with and adapt to low birth rates, an aging population and little to no growth in the working age population.

A slowing population growth could make the other headwinds facing China harder to manage, energy dependence and debt trap. In other words, the Chinese economic growth is going to slow down in the 2020ies, with high risks of mounting social

tensions when one billion people are still queuing up with the hope of joining the middle-class. In this context, the US trade war may take its toll. Indeed, it could prove to be a determining external shock, because it hits an already weakened economic and financial structure. Today's US Administration is bound to have contemplated such a hypothesis.

About the author:

Laurent Estachy – Professor in International Finance, Macroeconomics and Geopolitics – KEDGE Business School. 680 Cours de la Libération, 33405 Talence, France. E-mail: laurent.estachy@kedgebbs.com.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 25.01.2020 г.

Принята к публикации: 15.02.2020 г.

Борьба за власть между Китаем и Соединёнными Штатами: уроки истории

Л. Эсташи

DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-82-99

Бизнес-школа KEDGE, Франция

Аннотация: Фернан Бродель, историк экономики, дал ключ к пониманию борьбы за власть, происходящей сегодня между США и Китаем: «Точно так же, как страна, находящаяся в центре мировой экономики, вряд ли может отказаться от своих привилегий на международном уровне, как можно надеяться, что доминирующие группы, которые объединяют капитал и государственную власть и которые уверены в международной поддержке, согласятся играть в эту игру и передадут ее кому-то другому?» Другими словами, правящие круги в Соединённых Штатах, гегемонистская сила сегодня, хотят сохранить своё лидерство. Китай, растущая и сложная держава, хотел бы заменить США в качестве страны-гегемона: в этом контексте должна быть проанализирована торговая война, начавшаяся в 2018 г. В статье будут рассмотрены последние события этой гегемонистской борьбы: в рамках американского истеблишмента Пентагон и Министерство торговли США восстановили контроль над «Уолл-стрит», что привело к созданию обновленной версии военно-промышленного комплекса США, а Китай заменил СССР в новой холодной войне. С обеих сторон разрабатываются комплексные стратегии, включающие производственные, технологические, торговые, финансовые, дипломатические и военные вопросы. Ссылаясь на этот геоэкономический ключ для чтения, ряд действий, предпринятых правительством США с 2018 г., направлен, в частности, на

проверку растущей экономической и финансовой мощи Китая. Для Соединённых Штатов речь идёт о том, чтобы бросить вызов развитию влияния Китая в мире, в частности вдоль новых морских Шелковых Путей.

Ключевые слова: геополитика, международная торговля, инициатива «Один пояс и один путь».

Об авторе:

Лоран Эсташи – профессор по международным финансам, макроэкономике и геополитике KEDGE бизнес-школы. 680 Cours de la Libération, 33405 Talence, Франция.
E-mail: laurent.estachy@kedgebs.com.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Bernanke B.S. 2010. What the Fed did and why: supporting the recovery and sustaining price stability. *Wall Street Journal*. November 4.
- Braudel F. 1992. *The perspective of the world: Civilization and Capitalism 15th-18th Century*. Vol. 3. University of California Press. First edition. 699 p.
- Brzezinski Z. 1997. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Publisher; Basic Books. 223 p.
- Davis B. 2016. Jump in Chinese Imports Gave Trump Election Boost, Study Finds. *Wall Street Journal*. 22 November.
- Mackinder H.J. 1904. The Geographical Pivot of History. *The Geographical Journal*. 170.4. P. 298-321.
- Mahan A.T. 1890. *The Influence of Sea Power upon History, 1660-1783*. Boston: Little, Brown & Co.
- Mitchell T. 2018. Trade Wars: China Fears an Emerging United Front. *Financial Times*. 11 September.
- Navarro P., Autry G. 2011. *Death by China: Confronting the Dragon – A Global Call to Action*. Pearson Education Press. 320 p.
- Navarro P. 2015. *The Crouching Tiger: What Chinese Militarism Means for the World*. New York: Prometheus Books.
- Pillsbury M. 2015. The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower. New York: Henry Holt and Co. 336 p.
- Prestowitz C. 2010. *The Betrayal of American Prosperity: Free Market Delusions, America's Decline, and How We Must Compete in the Post-Dollar Era* Hardcover. May 11. 352 p.
- Shkvarya L., Grigorenko O., Strygin A., Rusakov V., Shilina S. 2016. The impact of the global economic crisis on Asian technology markets (India and China). *Central Asia and the Caucasus*. 17(2).
- Spykman N.J. 1942. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New York: Harcourt, Brace and Company.
- Triffin R. 1960. *Gold and the Dollar Crisis the Future of Convertibility*. Yale University Press.
- Tian Y. 2019. Chinese-Russian trade cooperation: a new impetus to development *Russia and Asia*. 2(7). P. 22-30.

Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам?

И.В. Данилин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук

В последние годы активно обсуждается влияние цифровых технологий на национальные и глобальные процессы. Важнейший вопрос связан с ролью крупных интернет-компаний – платформ (*Facebook, Google, Alibaba* и пр.), которые являются ключевыми игроками на цифровых рынках и в развитии цифровых технологий. В частности, это касается влияния платформ на реализацию лидерства/доминирования и влияния в современных международных и глобальных процессах. В рамках изучения данной проблематики в статье рассматриваются две группы вопросов. Во-первых, это экономические аспекты влияния платформ на лидерство. Отмечается дуополия США и КНР на платформенных рынках и среди сверхкрупных платформ, что создаёт для обеих стран асимметричные преимущества в сфере развития и, соответственно, влияния на мировые процессы (вплоть до теорий «цифрового колониализма»). Причём сомнительно, что потенциальные конкуренты из третьих стран смогут разрушить сложившуюся архитектуру платформенных рынков. Во-вторых, рассматриваются информационные функции платформ в контексте воспроизводства мирового лидерства и влияния. Здесь отмечается эволюция практик и подходов: от видения платформ как двигателей демократии (и влияния Запада) до алармистских оценок их роли как «чёрного входа» для влияния сторонних держав – при растущей роли в практическом измерении влияния (цифровая дипломатия и пр.). Отмечается, что дуополия США и КНР при формальном равенстве доступа к ресурсам платформ оказывается решающей для воспроизводства лидерства. Однако вопрос о принципиальной возможности поиска альтернативных путей усиления влияния в новых условиях цифровой экономики, экономики платформ, всё же может быть решён положительно. Связано это с регулированием доступа к данным как основному ресурсу их развития. Модельным может служить опыт ЕС с его формированием режимов, норм и ценностей. Эксплуатируя преимущества большого рынка данных, ЕС получает возможность нейтрализовать часть преимуществ более сильных игроков и ориентировать глобальные платформы на решения, более соответствующие интересам Союза. Впрочем, анализ опыта ЕС показывает, что регуляторные практики должны быть дополнены развитием цифровых технологий и «своих», региональных или национальных, платформ. А серьёзными дополнительными вызовами оказываются конкуренция юрисдикций и достижение масштаба рынка.

УДК: 327.2

Поступила в редакцию: 10.11.2019 г.

Принята к публикации: 12.12.2019 г.

Ключевые слова: интернет-платформы, цифровые технологии, глобальные процессы, влияние и доминирование.

В последние несколько лет всё активнее обсуждаются вопросы влияния на национальные и глобальные процессы цифровых технологий, включая искусственный интеллект (ИИ), «Большие данные» и т.д., которые обещают серьёзные изменения в экономике, политике и обществе. Эти дискуссии затрагивают широчайший спектр тем: от цифровизации бюрократии (Levy 2018) и ключевых субъектов и институтов политического процесса¹ до попыток крупных интернет-компаний предложить технологическую альтернативу существующим торгово-инвестиционным режимам², и от влияния цифровых технологий на дипломатию (Киссинджер 2015: 445-468) до системного повышения эффективности экономики и проблем занятости будущего³. При этом технооптимизм, в т.ч. техносолюционизм (убеждённость в том, что новые технологии сами станут решением многих существующих вызовов (Mogozov 2013)) тесно соседствует с технопессимизмом на грани – или за гранью – алармизма.

Одним из аспектов, которые редко артикулируются исследователями, является роль в данных процессах интернет-компаний, созданных на платформенных принципах, особенно крупнейших подобных предприятий и сервисов, т.н. суперплатформ: *Facebook*, *Amazon*, *Microsoft*, *Google* и *Apple* (т.н. *FAMGA*) и *Baidu*, *Alibaba* и *Tencent* (т.н. *BAT*). Хотя большая их часть появились всего около двух десятилетий назад и реализует вполне предметные виды коммерческой и некоммерческой деятельности, они уже оказывают существенное воздействие на рынки торговли и инвестиций, электоральные процессы и медийное пространство и на иные сферы. При этом важно заметить, что именно платформы являются ключевыми игроками в сфере современных цифровых технологий за счёт доступа к гигантским финансовым ресурсам и охвату аудитории, инвестициям в перспективные направления и работе с инновационным сообществом (Montes, Goertzel 2019: 354)⁴.

¹ Davis J. 2017. Is There an AI President in Our Future? That Might Be an Upgrade. *Wired*, 18.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wired.com/2017/05/hear-lets-elect-ai-president/> (accessed 22.12.2019).

² Jack Ma Interview on Hangzhou, the G20 and Globalization. *ALIZILA (News from Alibaba Group)*, 29.08.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alizila.com/jack-ma-interview-hangzhou-g20-globalization/> (accessed 22.12.2019).

³ См.: *New Forms of Work in the Digital Economy*. Working Party on Measurement and Analysis of the Digital Economy. DSTI/ICCP/IIIS(2015)13/FINAL. OECD, 2016. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/ICCP/IIIS\(2015\)13/FINAL&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/ICCP/IIIS(2015)13/FINAL&docLanguage=En) (accessed 22.12.2019); Manufacturing struggles to adapt. Special report. 2017. *The Economist*, 26.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/special-report/2017/10/26/manufacturing-struggles-to-adapt> (accessed 22.12.2019).

⁴ См., например: Shen H. 2019. *China's Tech Giants: Baidu, Alibaba, Tencent*. Digital Asia. Konrad Adenauer Stiftung, 27.05.2019 [Электронный ресурс]. 6 p. URL: <https://www.kas.de/documents/288143/4843367/Chinas+Tech+Giants.pdf/35068fb8-4540-6ee2-73ce-2eb51a1e778b?version=1.0&t=1556780607252> (accessed 22.12.2019); The Race For AI: Here Are The Tech Giants Rushing To Snap Up Artificial Intelligence Startups. *CB Insights*, 17.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbinsights.com/research/top-acquirers-ai-startups-ma-timeline/> (accessed 22.12.2019).

Ожидаемые глобальные изменения формируют целую группу интересных исследовательских проблем. Одной из них является влияние интернет-платформ на феномен глобального лидерства, доминирования, влияния, включая их факторы и параметры. Усиливающееся коммерческое и технологическое лидерство платформ и, в целом, развитие глобальной цифровой экономики делает необходимым более системное исследование трансформаций вышеуказанных феноменов за пределами как технооптимизма, так и алармизма.

Платформы как фактор экономического лидерства

Исключая пока ещё достаточно маргинальную роль платформ в сфере обороны и безопасности⁵, наиболее выраженные изменения, имеющие отношение к феноменам глобального лидерства/доминирования и влияния, связаны, прежде всего, с экономическими – в т.ч. инновационно-технологическими – эффектами развития платформ и цифровых технологий.

Крупные интернет-компании и, особенно, суперплатформы имеют огромное значение для экономического развития как на национальном, так и в глобальном уровне⁶, в том числе потому, что доминируют на рынках цифровой экономики – наиболее быстрорастущем сегменте ВВП развитых и крупных и быстрорастущих развивающихся стран⁷.

Причины этого кроются в уникальном характере их деятельности.

Эксплуатируя комбинированную модель прямых онлайн-сервисов, а также посредничества на двух- и многосторонних рынках (Rysman 2009; Zeng et al. 2019; Digital Dominance 2018), платформы получают возможность достичь гигантского охвата пользовательской аудитории (причём как индивидуальных, так и бизнес-потребителей), генерируют и используют в своих интересах мощные сетевые эффекты и поток коммерчески ценных «Больших данных». Эти процессы подпитываются и, одновременно, сами провоцируют рост интереса глобальных инвесторов, гарантируя стабильный приток инвестиций в масштабах, недостижимых для конкурентов. В последнем отношении показательно, что в последние годы, несмотря на периодические существенные колебания курсов

⁵ См., например: Conger K., Sanger D.E., Shane S. 2019. Microsoft Wins Pentagon's \$10 Billion JEDI Contract, Thwarting Amazon. *The New York Times*, 25.10.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/25/technology/dod-jedi-contract.html> (accessed 22.12.2019)

⁶ Evans P.C., Gawer A. 2016. *The Rise of the Platform Enterprise. A Global Survey*. The Center for Global Enterprise. [Электронный ресурс]. URL: https://www.thecge.net/app/uploads/2016/01/PDF-WEB-Platform-Survey_01_12.pdf (accessed 22.12.2019); *An Introduction to Online Platforms and Their Role in the Digital Transformation*. 2017. [Электронный ресурс]. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/53e5f593-en (accessed 22.12.2019); Fijneman R. Kuperus K., Pasman J. 2018. *Unlocking the value of the platform economy*. Dutch Transformation Forum. KPMG N.V. [Электронный ресурс]. URL: <https://dutchitchannel.nl/612528/dutch-transformation-platform-economy-paper-kpmg.pdf> (accessed 22.12.2019); *Digital Economy Report 2019*. 2019. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva: United Nations. 172 p.

⁷ См., например, оценки опережающего роста цифровой экономики США: Barefoot K., Curtis D., Jolliff W., Nicholson J.R., Omohundro R. 2018. Defining and Measuring the Digital Economy, *Working Paper, The Bureau of Economic Analysis*, U.S. Department of Commerce. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bea.gov/system/files/papers/WP2018-4.pdf> (accessed 22.12.2019).

акций, крупнейшие платформы стабильно занимают верхние строчки рейтингов капитализации. Показателен диапазон значений их капитализации в 2018-2019 гг.: *Microsoft* и *Apple* – по 0,8-1,2 трлн долл.; *Amazon* и *Alphabet* (собственник *Google*) – около 750-850 млн долл. каждая; *Facebook*, *Alibaba* и *Tencent* – около 500 млн долл. каждая⁸.

Сочетание мощной финансовой подпитки, охвата рынков и доступа к данным обеспечивают крупным платформам возможность трансформировать рынки присутствия (розничная торговля, медиа и пр.), а также их привилегированное положение на новых рынках – в том числе только формирующихся (от систем и сервисов автономного вождения до облачных вычислений). В последнем отношении сравнительно новым и важным феноменом стал быстрый рост инновационного потенциала платформ, которые превратились в ведущих спонсоров НИОКР в глобальном масштабе, осуществляют широкий спектр инвестиций в технологические стартапы и иную инновационную и инвестиционную активность – в том числе по направлениям, обещающим формирование новых рынков и отраслей⁹.

Как следствие, крупные платформы вносят существенную лепту в лидерство своих стран происхождения – в том числе через поддержку их инновационно-технологического развития и влияния на глобальные рынки. Это влияние тем более значимо, учитывая концентрации платформ всего в двух странах – США и КНР. Согласно исследованиям 2016-2018 гг., на долю США и Китая приходилось свыше 70-80% от всех крупных платформ (стоимостью от 100 млн и свыше 1 млрд долл.) и около 90-95% от их совокупной капитализации/оценки стоимости¹⁰. При этом абсолютно все суперплатформы являются или американскими (*FAANG+Netflix*) или китайскими (*BAT+JD.Com*). США и КНР являются также лидерами развития будущих цифровых, в т.ч. платформенных рынков и сопутствующих технологических разработок. Здесь важным индикатором является абсолютное лидерство по числу и оценкам стоимости стартапов-единорогов¹¹: около 50% из них – американские, около четверти – китайские¹².

Неудивительно, что именно США и, в меньшей мере, Китай, структурируют рынки цифровой экономики, предотвращая шанс третьих стран и регионов перехватить лидерство в данной сфере – в том числе, скупая иностранных конкурентов и перспективные стартапы.

Ещё более предметно и жёстко проблематика глобального лидерства, доминирования и влияния применительно к платформам и цифровым технологиям,

⁸ Использовались данные ресурса yahoo.finance.com.

⁹ The 2018 EU Industrial R&D Investment Scoreboard. 2018. *European Commission – Joint Research Centre*. [Электронный документ]. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. <http://doi.org/10.2760/131813>. (accessed 22.12.2019)

¹⁰ Evans P.C., Gawer A. Op.Cit.; *An Introduction to Online Platforms...*; Fijneman R. et al. Op. Cit.; *Digital Economy Report 2019*.

¹¹ «Единорог» – стартап, рыночная стоимость которого превышает 1 млрд долл. США.

¹² Рассчитано по данным *CB Insight*.

ставится в нео- и постмарксистских исследованиях цифрового (*data colonialism*) или, иначе, информационного колониализма (Jin 2015; Thatcher et al. 2016; Jin 2017; Cohen 2018; Couldry, Mejias 2018; Kwet 2019).

Постулируя доминирование, прежде всего, американских интернет-платформ – цифровых монополий, – исследователи отмечают их роль в сохранении и воспроизводстве лидерства западных стран («глобального Севера») и, прежде всего, США, на мировой арене. В данной схеме развивающиеся страны оказываются поставщиками «сырья» (данные) и потребителями продукции высоких переделов (интернет- и иные цифровые услуги), чем, фактически, спонсируют укрепление гегемонии США/США и Китая, не имея при этом возможности прорваться на более высокие уровни развития.

Важно отметить, что данная позиция представляет собой не только «внутренний» идеологическим конструкт нео- и постмарксистов, но разделяется (хотя и во много более мягких формулировках) целым рядом международных экономистов и структурами ООН¹³.

Роль платформ как инструментов, поддерживающих и воспроизводящих лидерство и влияние США, обеспечивается также через активизацию экспорта культуры (и, добавим, «мягкой силы») США через медийные и социальные платформы – даже несмотря на рост доступности масс-культуры и традиционных культурных продуктов третьих стран (Jin 2017).

Интересно, что «неоколониальная» фразеология находит неожиданные, хотя и явно непреднамеренные аналогии в лексиконе самих интернет-платформ, активно использующих понятие исходных – или, в буквальном переводе, «сырых» – данных («*raw data*») для описания сведений, собираемых с пользователей. Строго говоря, смысл подобной формулировки, помимо сугубо технического аспекта, состоит в стремлении обезопасить инновационное развитие и генерацию прибыли цифровых компании от возможных претензий пользователей на монетизацию своих данных и более сложное юридическое оформление их использования¹⁴. Однако в глобальном контексте противопоставление цифрового «сырья», отчуждаемого от пользователя в обмен на доступ к услугам, в противовес «прибавочному продукту» от итоговых услуг с высокой добавленной стоимостью, действительно напоминает классическую колониальную схему. Тем более, что центрами создания прибыли (читай – разработки и экспорта технологий и услуг) выступают как раз США и иные развитые страны.

¹³ См., например: *Digital Economy Report 2019*. 2019. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva: United Nations. 172 p.

¹⁴ Проблема не нова, несмотря на принципиально иной – цифровой – контекст. Достаточно упомянуть дело 1984 г. «Джон Мур против регентов Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе и докторов UCLA» по вопросам о правах пациента (Мур) на данные о его болезни, которые были использованы университетом для разработки лекарства против лейкемии (Dorney 1990; Cohen 2017: 15).

Информационная функция платформ

Отдельно следует сказать об информационных аспектах влияния платформ на международное лидерство и доминирование. Спецификой вопроса является то, что, с одной стороны, присутствующие оценки в значительной мере являются проекцией внутривнутриполитической проблематики и дискуссий о ней, а, с другой, здесь платформы играют скорее инструментальную роль. Иначе говоря, если в технико-экономической проблематике они оказывают активное воздействие и даже обладают элементом субъектности (обеспечивают развитие и усиление экономического и технологического потенциала и, во многом, определяют его вектор, обеспечивают систему отношений, закрепляющую лидерство стран происхождения и пр.), то в данном контексте они оказываются почти во всех случаях операционным инструментом государственных и, отчасти, негосударственных структур – даже в случае собственной реакции на внешние события, имеющей обычно вынужденный характер (например, ответ на требования спецслужб, регуляторов, общественного мнения).

Опять же, наиболее простой вопрос связан с более-менее традиционной проблемой безопасности: шпионажем и разведывательной деятельностью в тех новых формах, которые стали возможными благодаря интернет-технологиям. Речь идёт о, подчеркнём, *потенциальном* доступе США и Китая через «свои» цифровые монополии к информации, имеющей различную степень «чувствительности» – например, к сведениям о социально-экономической деятельности (с элементами технологического шпионажа) или к данным о критических инфраструктурах (Dwivedi et al. 2019)¹⁵.

Интересно заметить, что прямым практическим следствием этих дискуссий – делающих сам феномен подобного шпионажа реальным в понимании «теоремы Томаса» – являются фантомные опасения потребителей разных стран о шпионаже со стороны китайских интернет-приложений, что, помимо прочего, ограничивает потенциал их международной экспансии¹⁶.

¹⁵ Allen G., Chan T. 2017. Artificial Intelligence and National Security. [Электронный ресурс]. *Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School*. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/files/publication/AI%20NatSec%20-%20final.pdf> (accessed 22.12.2019); Scott B., Heumann S., Lorenz P. 2018. Artificial Intelligence and Foreign Policy. *Stiftung Neue Verantwortung e.V.* [Электронный ресурс]. P.14-15. URL: https://www.stiftung-nv.de/sites/default/files/ai_foreign_policy.pdf (accessed 22.12.2019); Allen G. C. 2019. Understanding China's AI Strategy: Clues to Chinese Strategic Thinking on Artificial Intelligence and National Security. *Center for a New American Security (CNAS)*. [Электронный ресурс]. URL: <https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Understanding-Chinas-AI-Strategy-Gregory-C.-Allen-FINAL-2.15.19.pdf?mtime=20190215104041> (accessed 22.12.2019).

¹⁶ Silk A. 2015. *Going Out or Staying In? Conceptualising the Internationalisation of China's Internet Giants. A Case Study of Baidu, Alibaba and Tencent*. Lau China Institute Working Paper Series, King's College London. Ed. by Prof K. Brown. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kcl.ac.uk/sspp/departments/lci/documents/working-papers/ali-silk.pdf> (accessed 22.12.2019); Zhang L., Chen S. 2019. *China's Digital Economy: Opportunities and Risks*. IMF Working Paper. WP/19/16. International Monetary Fund. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/WP/2019/wp1916.ashx> (accessed 22.12.2019); Grotto A., Schallbruch M. The Great Anti-China Tech Alliance. *Foreign Policy*, 16.09.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/09/16/the-west-will-regret-letting-china-win-the-tech-race/> (accessed 22.12.2019).

Уже классический характер имеет и «цифровая дипломатия», которая является всё более масштабным и значимым феноменом, чья роль в формировании лидерства и влияния неоспорима – особенно для поколения, выросшей после начала интернет-революции. Данная тема хорошо раскрыта в литературе: от использования *Twitter* и иных приложений как средства более эффективной коммуникации внешнеполитических позиций (а, значит, и реализации внешнеполитических целей и задач) и нового измерения публичной дипломатии и вплоть до рисков, связанных с влиянием краткосрочных флуктуаций общественного мнения на выработку и реализацию внешней политики и дипломатических мер, имеющих по необходимости средне- или долгосрочный характер (Ross 2011; Digital Diplomacy 2015; Киссинджер 2015: 445-468; Dodd, Collins 2017)¹⁷.

Более сложна и неоднозначна дискуссия о возможной манипуляции внутриполитическими процессами третьих стран посредством платформ – включая взаимосвязанную проблему уязвимости самих платформ перед сторонним вмешательством. С формальной точки зрения, будучи деятельностью на грани дипломатии и кибер-саботажа и т.п. феноменов, она явно имеет прямое отношение к проблематике как минимум влияния на глобальные процессы. Однако высокая мифологизированность и не вполне очевидная эффективность процесса не позволяет оценить его реальные параметры.

В данной сфере мы наблюдаем двуединый тренд роста активности использования платформ различными сторонами при выраженной дивергенции оценок и подходов – кстати сказать, во многом отражающей общий ход дискуссии о политических импликациях интернет-технологий, идущей с 1990-х гг.

Условным временем актуализации платформ в качестве инструментов «коррекции» политических институтов и процессов третьих стран можно считать «арабскую весну» и связанные с ней процессы в Иране, Молдове и иных государствах в конце 2000-х гг. Здесь важно сразу оговориться, что мы не считаем все демократические протесты в развивающихся странах событиями, инспирированными извне, но и не думаем, что факт наличия серьёзнейших внутренних причин, приведших к началу общественных движений, опровергает возможность некоторого внешнего вмешательства.

Несмотря на отдельные весьма трезвые утверждения о нейтральности технологий относительно политических целей (Morozov 2012), первичные оценки процесса носили, с одной стороны, технооптимистический характер, а с другой, были подчёркнуто отстранены от проблематики доминирования/влияния, хотя в них и прослеживались соображения как минимум о моральном и политико-культурном лидерстве западных демократий. Причиной были идеи о «демократизирующей» роли социальных сетей и иных, прежде всего, медийных плат-

¹⁷ Westcott N. 2008. Digital Diplomacy: The Impact of the Internet on International Relations. Research Report. *Oxford Internet Institute*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oii.ox.ac.uk/archive/downloads/publications/RR16.pdf> (accessed 22.12.2019).

форм за счёт их потенциала по установлению горизонтальных связей между субъектами политического действия и группами интересов – от политической мобилизации и информирования вплоть до генерации формальных и неформальных сетей действия (т.е., фактически, роль техносубститута институтов гражданского общества) (Savaget et al. 2018; Raikov 2018)¹⁸.

Повторимся, что проблематика лидерства, доминирования и влияния в самих этих процессах и их оценках была слабо артикулирована. Но, даже не впадая в конспирологию нельзя не заметить, что обсуждения весьма напоминали либерально-демократическую риторику начала 1990-х гг. с соответствующими международно-политическими импликациями, а сами процессы связаны с реализацией внешнеполитической линии США и ряда иных западных стран, от достаточно мягких форм опосредованной платформами коммуникации с участниками движений и вплоть до мероприятий с участием внешнеполитических структур западных стран по развитию необходимых технокомпетенций у молодёжи Ближнего Востока (Hallams 2010; Ross 2011)¹⁹. В этом контексте не удивительна осторожно-подозрительная, хотя и явно преувеличенная оценка элитами ряда развивающихся стран и России возможностей использования американских социальных и медийных «платформ» спецслужбами США и иных западных стран.

Не пытаясь вдаваться в оценочные суждения относительно причин и результатов использования интернет-платформ в демократических целях и для реализации международного влияния, мы позволим себе лишь отметить некоторую ироничность ситуации, вероятно, первично совершенно не осознававшуюся либеральными апологетами идей о цифровой демократизации. Хотя формально в качестве инструментов демократизации в этой картине мира оказывались технические возможности платформ, в реальности таковыми являлись в основном интернет-корпорации – в том числе настоящие цифровые монополии – владеющие соответствующими приложениями. Проблема в данном случае заключается в том, что многие из этих компаний имели, мягко сказать, спорные позиции в части социальных и демократических ценностей²⁰.

¹⁸ См. как пример известный комментарий А. Салливена: Sullivan A. The revolution will be twittered. *The Atlantic*, 13.06.2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/daily-dish/archive/2009/06/the-revolution-will-be-twittered/200478/> (accessed 22.12.2019).

¹⁹ Опять же, не увлекаясь конспирологическими теориями и тем более не пытаясь заявить о якобы сугубо «экзогенном» характере арабских протестов, в определённом смысле подтверждением международно-политического (в т.ч. в контексте обеспечения глобального лидерства) «следа» использования платформ могут служить, например, специальные семинары 2008 г., организованные для арабских молодых лидеров при участии Госдепа США, Facebook, Google, MTV и Школы права Колумбийского университета по использованию социальных сетей и мобильных технологий для развития демократии. См.: Nixon R. U.S. Groups Helped Nurture Arab Uprisings. *The New York Times*, 14.04.2011. URL: <https://www.nytimes.com/2011/04/15/world/15aid.html> (accessed 22.12.2019).

²⁰ Опуская вопрос об использовании детского труда и социальных вызовов, с которыми сталкиваются работники предприятий, входящих в цепочки поставщиков Apple в Азии (скандалы с Foxconn и иными компаниями), социальную защиту работников Uber, Facebook и пр., достаточно указать о политическом «комплайенсе» при работе в Китае таких корпораций, как Microsoft, Yahoo и даже Google. См.: Yahoo 'Strictest' Censor in China. *Wired*, 06.15.2006. URL: <https://www.wired.com/2006/06/yahoo-strictest-censor-in-china/> (accessed 22.12.2019); Google 'working on censored search engine' for China. *The Guardian*, 02.08.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/02/google->

Между тем уже с 2010-х гг. как раз проявилась уже упомянутая дивергенция процессов. С одной стороны, платформы стали действительно активнее использоваться для проекции влияния на международной арене, в том числе как средства информирования и коммуникации (включая цифровую дипломатию до альтер-дипломатии некоммерческих структур и групп) и пр. Причём проблематика информационных аспектов влияния была усилена использованием социальных сетей террористическими организациями (Hossain 2015; Awan 2017).

С другой стороны, технооптимизм на грани демократизаторского техносолюционизма в оценках роли социальных сетей и иных платформ в международных отношениях сменился едва ли не на алармизм. Среди формальных причин этого были как те же эксперты террористических структур с соцсетями, а равно и подозрения в якобы имевших место попытках России повлиять на внутреннюю политику США и т.п. события. Эмоционально эта дискуссия была усилена более широким дискурсом о влиянии цифровых технологий на демократию (Jiang and Fu 2018; Casares 2018; Sætra 2019)²¹.

Между тем, если вдумчиво проанализировать смысл этих алармистских событий и последовавших акций, становится ясно, что их итогом стала как раз чёткая артикуляция проблематики лидерства, доминирования и влияния, в т.ч. подтверждение, что никакого равного доступа к информационным ресурсам платформ нет – за пределами некоторых «зелёных зон» они оказываются вполне управляемым инструментом страны происхождения. Хотя это в большей мере относится к США, внутренние эксперименты в КНР – при всей их мифологизации – показывают, что утверждение верно и для Китая (Jiang, Fu 2018)²².

Лидерство суперплатформ: есть ли альтернативы?

Несложно заметить, что ключевые проблемы и аспекты растущей роли платформ как фактора, обеспечивающего глобальное лидерство, доминирование и влияние, достаточно предсказуемы. Можно обсуждать масштаб изменений и роль самих платформ в этом процессе, однако их роль как медиаторов этих процессов – оказывающих всё более активно влияние на информацию и

working-on-censored-search-engine-for-china (accessed 22.12.2019).; Meisenzahl M. These 6 tech companies have made the controversial decision to try to operate in China, where the government can demand social media posts be removed or search results be censored. *Business Insider*. 10.10.2019. URL: <https://www.businessinsider.com/tech-companies-censoring-content-for-china-apple-microsoft-2019-10> (accessed 22.12.2019).

²¹ См. также: Helbing D., Frey B.S., Gigerenzer G., Hafen E., Hagner M., Hofstetter Y., van den Hoven J., Zicari R.V., Zwitter A. 2017. Will Democracy Survive Big Data and Artificial Intelligence? *Scientific American*, 25.02.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/will-democracy-survive-big-data-and-artificial-intelligence/>; Polonski V. 2017. How Artificial Intelligence Silently Took over Democracy. *World Economic Forum*, 09.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/08/artificial-intelligence-can-save-democracy-unless-it-destroys-it-first/>. (accessed 22.12.2019); Ünver A. H. 2018. Artificial Intelligence, Authoritarianism and the Future of Political Systems. Technical report. Cyber Governance and Digital Democracy 2018/9. *Center for Economics and Foreign Policy Studies*. [Электронный ресурс]. 20 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.19598.00329.

²² см.: Matsakis L. How the West Got China's Social Credit System Wrong. *Wired*, 29.07.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wired.com/story/china-social-credit-score-system/> (accessed 22.12.2019).

инные процессы, осуществляющиеся при их посредничестве (van Dijck 2013: 12, 29).

Между тем один аспект этой проблемы требует более детального прояснения и анализа.

Очевидно, что наличие суперплатформ или просто крупных платформ является важным фактором глобального лидерства и усиления влияния/доминирования в современных условиях. Однако, как уже было показано выше, по-настоящему глобальные платформы сосредоточены в США – с растущим потенциалом КНР, чьи платформенные компании в настоящее время ведут интенсивную экспансию прежде всего в Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Европейского союза (менее успешно) и иных регионов. Хотя в иных государствах также существуют достаточно сильные платформенные образования – характерным примером являются российский «Яндекс» и *Mail.Ru Group*, включая принадлежащие им социальные сети – они носят в лучшем случае региональный характер и шансов пробиться на глобальный уровень у них уже нет.

Ситуация с КНР, с 2000-х гг. поэтапно ограничивающей доступ американских платформ на свой рынок и поддерживающей рост своих компаний, в данном случае не может считаться релевантным кейсом. Во-первых, гигантский внутренний рынок Китая и развитая промышленная политика изначально создавала лучшие возможности роста в том числе национальных чемпионов. А во-вторых, общая динамика развития китайской экономики и технологического, особенно цифрового сектора, создавала благоприятную возможность формирования сильных и конкурентоспособных самостоятельных компаний – аналогов и альтернатив западным сервисам (Данилин 2018). Повторить эти уникальные условия в другой стране и даже на уровне таких крупных объединений, как ЕС, не представляется возможным.

Но означает ли это, что цифровой ресурс лидерства и влияния в более широком международном контексте является недоступным для всех игроков, кроме США и КНР или что страны/регионы, не имеющие сильных компаний – интернет-платформ или имеющие лишь их национальные/региональные аналоги, обречены на роль объектов влияния?

Корректный ответ на этот вопрос, на наш взгляд, имеет асимметричный характер и лежит в анализе истоков влияния самих платформ и специфики цифровой экономики.

С формальной точки зрения, все ключевые аспекты мощи платформ связаны с охватом аудитории, что обеспечивает, в частности, ключевые сетевые эффекты. В этом смысле альтернативы глобальному уровню, конечно же, быть не может.

Между тем подобный подход упускает иную важную составляющую развития платформ и цифровой экономики. А именно, генерацию и доступ к большим массивам данных как к стратегическому ресурсу развития. По большому счёту именно большие данные – эта новая нефть мирового развития, по остро-

умному замечанию экспертов Мирового экономического форума, – оказываются ценнейшим ресурсом развития и цифровых рынков, и самих платформ (Sadowski 2019)²³.

Таким образом, контроль за данными или особый режим доступа к ним, теоретически, может если не компенсировать «провалы», связанные с отсутствием крупных глобальных платформенных компаний, то, по крайней мере, создать некоторые альтернативные преимущества и каналы влияния.

Релевантность этого тезиса по большому счёту, уже подтверждается реальной политической практикой. Опять же опустим пример Китая, хотя Пекин реализует вполне эффективные меры и в данной сфере. Наиболее референтным кейсом в данном случае для нас является политика Европейского союза.

Не имея возможности создать аналоги *FAMGA* и *BAT*, ЕС вполне рационально предположил, что доступ к данным на территории Союза – одного из трёх крупнейших экономических центров мира с населением больше, чем в США, само по себе является важным ресурсом. Дискуссии Европейского союза в сфере т.н. цифрового суверенитета и по смежным вопросам²⁴ привели ЕС к выводу о необходимости формирования специализированных внутриевропейских режимов для капитализации этого ресурса. При этом в конкурентной и ценностной логике сильный акцент был сделан на нивелирование «нечестных» или несоответствующих духу регулирования Союза конкурентных преимуществ прежде всего американских компаний, формирование условий для мягких форм офсетных сделок (доступ на рынки ЕС в обмен на гарантированный недискриминационный доступ европейских корпораций на рынки третьих стран) и решения иных задач.

Не считая концепции единого цифрового рынка и предварительных соглашений с США по конфиденциальности, одним из ключевых шагов в этом направлении стало введение в 2018 г. в действие Общего регламента защиты персональных данных (*General Data Protection Regulation* – *GDPR* – Постановление ЕС 2016/679), сформировавшего по сути особый регуляторный режим ЕС с элементами экстерриториальности. Помимо растущего давления на американские цифровые платформы²⁵, важнейшим последствием документа стало то, что он начинает постепенно превращаться в модельный, так как Китай, Россия и ряд иных стран активно используют опыт ЕС в разработке своего регулирова-

²³ Personal Data: The Emergence of a New Asset Class. *World Economic Forum*, 2011. [Электронный документ]. 40 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_ITTC_PersonalDataNewAsset_Report_2011.pdf (accessed 22.12.2019)

²⁴ См., например: Hackenbroich J. Reality bytes: Europe's bid for digital sovereignty. 2018. *The European Council on Foreign Relations*, 17.10.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_reality_bytes_europes_bid_for_digital_sovereignty# (accessed 22.12.2019); Gomart T., Nocetti J., Tonon C. 2018. Europe: Subject or Object in the Geopolitics of Data? *Études de l'Ifri*. 45 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.capgemini.com/wp-content/uploads/2019/08/Europe_geopolitics_data_2018_IFRI-1.pdf. (accessed 22.12.2019).

²⁵ См., например: Big tech faces competition and privacy concerns in Brussels. 2019. *The Economist*, 23.03.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/briefing/2019/03/23/big-tech-faces-competition-and-privacy-concerns-in-brussels> (accessed 22.12.2019).

ния цифрового сектора. И это уже сулит предметные преимущества держателю ключевых практик в данной сфере – а именно, ЕС (Kaplan, Haenlein 2019: 5).

Аналогичные соображения можно высказать и в отношении искусственно-го интеллекта – например, в части глобального лидерства ЕС в выработке этических «кодов» разработки и использования ИИ²⁶ – и по целому ряду иных вопросов, связанных с цифровыми технологиями и рынками.

Но и за пределами ЕС регионализация регуляторного пространства как фактор формирования лидерских позиций оказывается всё более востребованным: от международных и глобальных торговых и инвестиционных соглашений, структурирующих «линии силы» в цифровом пространстве (ср. китайский проект «Пояс и путь»), и до стратегий и политики стандартизации в том числе как фактора защиты рынка или «вскрытия» международных рынков (Kelsey 2017; Cath et al. 2018; Kaplan and Haenlein 2019: 9)²⁷. Впрочем, осознание силы данного инструмента несёт в себе и новые вызовы его использования, так как конкуренция платформ за влияние теперь дополняется ещё и конкуренцией юрисдикций при регионализации «цифровых» режимов (США, ЕС, Китай) со сложным балансированием интересов для «пограничных» стран.

Развитие цифровых платформ как ключевых акторов цифровой экономики, включая её технологическое измерение, вносит свою лепту в международные процессы, корректируя параметры лидерства, создавая новые отношения доминирования и влияния или меняя существующие.

Очевидны экономические эффекты развития интернет-платформ, связанные с укреплением потенциала страны происхождения. Ситуация выраженной рыночно-технологической дуополии США – КНР объективно служит дальнейшей поляризации влияния на мировой арене. Конечно, ситуацию нельзя считать уникальной с учётом хотя бы опыта холодной войны. Однако важной спецификой является тот факт, что агентами противостояния выступают сверхкрупные коммерческие субъекты, имеющие собственные рыночные цели и непропорциональную рыночную силу. Что, в свою очередь, ставит целый ряд новых вопросов о перспективах противостояния и его международных импликаций. Другим выраженным отличием представляются более чем скромные шансы иных конкурентов оспорить сформировавшийся американо-китайский дуэт: с учётом специфики платформенных рынков (охвата аудитории, доступа к

²⁶ См. например: *Ethics Guidelines For Trustworthy AI*. 2019. Report. Independent High-Level Expert Group On Artificial Intelligence Set Up By The European Commission. Brussels: European Commission. 39 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/ethics-guidelines-trustworthy-ai>. (accessed 22.12.2019).

²⁷ Arcesati R. Chinese tech standards put the screws on European companies. *Mercator Institute for China Studies (MERICS)*, 29.01.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merics.org/en/blog/chinese-tech-standards-put-screws-european-companies> (accessed 22.12.2019); Beattie A. Technology: how the US, EU and China compete to set industry standards. *The Financial Times*, 24.07.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/0c91b884-92bb-11e9-aea1-2b1d33ac3271> (accessed 22.12.2019); Grotto A., Schallbruch M. The Great Anti-China Tech Alliance. *Foreign Policy*, 16.09.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/09/16/the-west-will-regret-letting-china-win-the-tech-race/> (accessed 22.12.2019).

инвестиционным ресурсам, цифровым технологиям и т.д.) «догнать» *FAMGA* и *BAT* почти невозможно.

Схожая ситуация наблюдается и в части информационных функций платформ, где медиа- и социальные платформы создают принципиально новые возможности трансляции влияния. И хотя формально они обеспечивают равноправие всех субъектов в доступе к своим возможностям, на практике платформы оказываются в большей мере связаны с уже существующими центрами силы. Отдельным существенным вопросом на перспективу оказывается собственная роль платформ в реализации информационных функций, ассоциируемых с международными процессами воспроизводства лидерства и влияния, так как сами они, по меткому выражению Х. ван Дейка, являются не так посредниками, как медиаторами (van Dijk 2013: 29) информационного процесса.

Всё это ставит перед третьими странами существенные вопросы о поиске новых, нестандартных путей к лидерству и усилению влияния.

Несмотря на то, что факторы лидерства, доминирования и влияния, атрибутируемые (супер)платформам, за пределами США и КНР реплицировать почти невозможно, а использование платформ третьими сторонами в своих интересах не всегда возможно и не всегда допускается, постепенный переход рынка платформ к стадии зрелости создаёт возможности поиска альтернативной стратегии лидерства в новых условиях.

Одним из наиболее важных примеров на данный момент является двуединая стратегия ЕС по эксплуатации преимущества большого масштаба генерируемых данных (ключевой ресурс цифровой экономики и самих платформ) для обретения рыночной силы в диалоге с платформами США и КНР, и благодаря этому превращение в центр генерации норм, ценностей и стандартов – что уже сулит прямые выгоды.

На уже сформировавшемся ландшафте глобальных (супер)платформ подобный подход действительно позволяет в известной степени нейтрализовать часть преимуществ более сильных игроков или даже создать асимметричные преимущества. В частности, это касается ориентирования глобальных платформ на *modus operandi*, более соответствующий интересам данной страны и региона, от локализации активов или инновационной деятельности до, по сути, использования ресурсов платформы в деле глобализации регуляторных подходов. Это тем более верно, что в условиях развития современного общества помимо чисто рыночных и технологических факторов растёт востребованность регуляторных и ценностных факторов инновационного развития²⁸.

Однако важно понимать, что данные усилия не являются субститутотом развития цифровых технологий или роста «своих» – региональных или националь-

²⁸ См., например, весьма иллюстративный доклад представителя *Microsoft* В. Шершульского на конференции *EMERTECH – 2019* (ссылка доступна на официальном сайте мероприятия: <https://www.imemo.ru/activities/emertech/emertech2019> (accessed 22.12.2019)).

ных, в т.ч. специализированных платформ (что остаётся, например, актуальной задачей для ЕС). Иными словами, достижение нового качества лидерства и влияния в условиях цифровой экономики и экономики платформ, с учётом уже почти полностью сложившейся архитектуры рынков может быть достигнуто только при условии сочетания опережающей регуляторной стратегии, включая её ценностные импликации, но в не меньшей степени технологического, компетенционного и институционального развития. Кроме того, за пределами общеевропейского рынка, остающегося, по большому счёту, уникальным явлением в мировой экономике, достижение необходимого рыночного масштаба представляется крайне непростой задачей и требует нестандартного подхода, возможно, лежащего за пределами традиционной интеграционной практики. Тем более, что, как уже отмечалось, для стран, не являющихся частью более крупных рынков и режимов, балансирование между тремя суперюрисдикциями (США, ЕС, Китай) обещает быть непростой задачей.

Об авторе:

Иван Владимирович Данилин – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных проблем МГИМО МИД России, пр. Вернадского, 76, Москва, 119454; заведующий Отделом науки и инноваций, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная д. 23. E-mail: danilin.iv @imemo.ru.

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.461.31.000)

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: November 10, 2019
Accepted: December 12, 2019

The Impact of Digital Technologies on Leadership in Global Processes: from Platforms to Markets?

I.V. Danilin
DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-100-116

Moscow State Institute of International Relations (University)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: Discussions on the impact of digital technologies on national and global processes are rising. Among important issues is the role of large Internet platforms (Facebook, Google, Alibaba, etc.) - key players of the digital markets and in the digital innovations – in producing global leadership / dominance. The article argues, that on the economy side existing USA-China duopoly on the platform markets creates asymmetric advantages for both nations resulting (in future) in unprecedented influence on global processes (up to “digital colonialism”). It is doubtful that potential competitors from third nations may ever destroy this duopoly. Also, the information functions of the platforms are reviewed as resource for global leadership. Noting the evolution of assessments (from techno-optimistic views of platforms as engines of democracy to alarmist views of their role as a “backdoor” for the opponents and adversaries) we accent platform’s growing information impact on the global processes (digital diplomacy, etc.). However, here the USA-PRC duopoly is also actual. Dilemma of alternative solutions to boost the influence of third nations in the new digital, platform economy still may be resolved. Since data is the key resource for the digital markets and platforms, formation of data regulatory regimes appears to be an asymmetric solution. The experience of the EU with its GDPR and other efforts to form new data/digital regimes may serve as a model. Exploiting its` large data market as a competitive factor, the EU may neutralize part of the advantages of stronger actors and orient global platforms towards a more acceptable strategy. However, regulatory practices should be complemented by the development of digital technologies, as well as regional- or national-level platforms. A serious challenge also lies in achieving needed market scale (in order to influence global platforms) and – in the future – in competition of jurisdictions.

Key words: Internet platforms, digital technologies, global processes, influence and dominance.

About the author:

Ivan V. Danilin – candidate of political science, senior research fellow, laboratory of applied analysis of international problems, MGIMO University. 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. Head of Department of Science and Innovation, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997. E-mail: danilin.iv@imemo.ru.

Acknowledgements:

Research is accomplished with financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (contract #14.461.31.000)

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Awan I. 2017. Cyber-Extremism: Isis and the Power of Social Media. *Society*. Vol. 54. P. 138–149. DOI: 10.1007/s12115-017-0114-0.
- Casares A.P. 2018. The Brain of the Future and the Viability of Democratic Governance: The Role of Artificial Intelligence, Cognitive Machines, and Viable Systems. *Futures*. Vol. 103. P. 5–16. DOI: 10.1016/j.futures.2018.05.002.
- Cath C., Wachter S., Mittelstadt B., Taddeo M., Floridi L. 2018. Artificial Intelligence and the ‘Good Society’: The US, EU, and UK Approach. *Science and Engineering Ethics*. 24(2). P. 505–528. DOI: 10.1007/s11948-017-9901-7.

- Cohen J. E. 2018. The Biopolitical Public Domain: the Legal Construction of the Surveillance Economy. *Philosophy & Technology*. Vol. 31. P. 213–233. DOI: 10.1007/s13347-017-0258-2.
- Couldry N., Mejias U. 2018. Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject. *Television and New Media*. 20(4). P. 336–349. DOI: 10.1177/1527476418796632.
- Digital Diplomacy: Theory and Practice*. 2015. Ed by Bjola C., Holmes M. New York: Routledge. 252 p.
- Digital Dominance*. 2018. Ed. by Moore M. and Tambini D. New York: Oxford University Press. 420 p.
- Dodd M.D., Collins S.J. 2017. Public Relations Message Strategies and Public Diplomacy 2.0: An Empirical Analysis Using Central-Eastern European and Western Embassy Twitter Accounts. *Public Relations Review*. 43(2). P. 417–425. DOI: 10.1016/j.pubrev.2017.02.004.
- Dorney M.S. 1990. Moore V. The Regents of the University of California: Balancing the Need for Biotechnology Innovation against the Right of Informed Consent. *High Technology Law Journal*. 5(2). P. 333–369. URL: <https://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1087&context=btlj> (accessed 22.12.2019).
- Dwivedi Y.K., Hughes L., Ismagilova L. et al. 2019. Artificial Intelligence (AI): Multi-disciplinary Perspectives on Emerging Challenges, Opportunities, and Agenda for Research, Practice and Policy. *International Journal of Information Management*. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.08.002.
- Hallams E. 2010. Digital Diplomacy: The Internet, the Battle for Ideas & US Foreign Policy. *CEU Political Science Journal*. 5(4). P. 538–574.
- Hossain S. 2015. Social Media and Terrorism: Threats and Challenges to the Modern Era. *South Asian Survey*. 22(2). P. 136–155. DOI: 10.1177/0971523117753280.
- Jiang M., Fu K.-W. 2018. Chinese Social Media and Big Data: Big Data, Big Brother, Big Profit? *Policy & Internet*. 10(4). P. 372–392. DOI: 10.1002/poi3.187
- Jin D.Y. 2015. *Digital Platforms, Imperialism and Political Culture*. New York: Routledge. 194 p.
- Jin D.Y. 2017. Digital Platform as a Double-Edged Sword: How to Interpret Cultural Flows in the Platform Era. *International Journal of Communication*. Vol. 11. P. 3880–3898.
- Kaplan A., Haenlein M. 2019. Rulers of the world, Unite! The Challenges and Opportunities of Artificial Intelligence. *Business Horizons*. 14 p. DOI: 10.1016/j.bushor.2019.09.003.
- Kelsey J. 2017. The Risks for ASEAN of New Mega-Agreements that Promote the Wrong Model of e-Commerce. *Developing the Digital Economy in ASEAN*. Ed. by By Chen L., Kimura F. London, Routledge. DOI: 10.4324/9780429504853-4. P. 56–90.
- Kwet M. 2019. Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South. *Race and Class*. 60(4). P. 3–26. DOI: 10.1177/0306396818823172
- Levy F. 2018. Computers and Populism: Artificial Intelligence, Jobs, and Politics in the near Term. *Oxford Review of Economic Policy*. 34(3). P. 393–417. DOI: 10.1093/oxrep/gry004.
- Montes G.A., Goertzel B. 2019. Distributed, Decentralized, and Democratized Artificial Intelligence. *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 141. P. 354–358. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.11.010.
- Morozov E. 2012. *The Net Delusion: How Not to Liberate the World*. New York: Public Affairs. 448 p.
- Morozov E. 2013. *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*. New York: Public Affairs. 432 p.
- Raikov A. 2018. Accelerating Technology for Self-Organising Networked Democracy. *Futures*. Vol. 103. P. 17–26. DOI: 10.1016/j.futures.2018.03.015.

Ross A. 2011. Digital Diplomacy and US Foreign Policy. *The Hague Journal of Diplomacy*. 6(3-4). P. 451-455. DOI: 10.1163/187119111X590556.

Rysman M. 2009. The Economics of Two-Sided Markets. *Journal of Economic Perspectives*. 23(3). P. 125-143. DOI: 10.1257/jep.23.3.125.

Sadowski J. 2019. When Data is Capital: Datafication, Accumulation, and Extraction. *Big Data & Society*. 6(1). P. 1-12. DOI: 10.1177/2053951718820549.

Sætra H.S. 2019. Freedom under the Gaze of Big Brother: Preparing the Grounds for a Liberal Defense of Privacy in the Era of Big Data. *Technology in Society*. 58(7). P. DOI: 10.1016/j.techsoc.2019.101160.

Savaget P., Chiarini T., Evans S. 2018. Empowering Political Participation through Artificial Intelligence. *Science and Public Policy*. 46(3). P. 369-380. DOI: 10.1093/scipol/scy064.

Thatcher J., O'Sullivan D., Mahmoudi D. 2016. Data Colonialism through Accumulation by Dispossession: New Metaphors for Daily Data. *Environment and Planning D: Society and Space*. 34(6). P. 990-1006. DOI: 10.1177/0263775816633195

Van Dijck J. 2013. *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. New York: Oxford University Press. 240 p.

Zeng J., Khan Z., De Silva M. 2019. The Emergence of multi-Sided Platform MNEs: Internalization Theory and Networks. *International Business Review*. 28(6). DOI: 10.1016/j.ibusrev.2019.101598.

Danilin I. 2018. Rol' BAT v razvitii kitajskih internet-rynkov i perspektivnye vyzovy cifrovoy jekonomiki KNR [BAT's Role in The Development of Chinese Internet Markets and The Future Challenges for The PRC Digital Economy]. *International Trends*. P. 99-116. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.6. (In Russian)

Kissinger H. 2015. *Mirovoj porjadok* [World Order]. Moscow: AST. 512 p. (In Russian)

Литература на русском языке:

Данилин И.В. Роль БАТ в развитии китайских интернет-рынков и перспективные вызовы цифровой экономики КНР. *Международные процессы*. Том 16. 4(55). С. 99-116. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.6.

Киссинджер Г. 2015. *Мировой порядок*. Москва: АСТ. 512 с.

Leadership Networks as a Tool of Coercion in World Politics

A. Podberezkin, O. Podberezkina

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Social media analysis is widely used in economics, sociology, in medical studies of spreading infectious diseases and in forensic science to stop terrorist networks and drug proliferation. Social media analysis is also used in political sphere. Opinion leaders are increasingly participating in social media. The Internet is a reflection of the real world, it has the same laws as in real society. The ruling elite controls the media and social media as well as it controls the means of production. The article addresses the role of social networks in the foreign and military policies of states and other actors. The spread of leadership networks is at its early state. The potential of this Internet resource format is enormous. There is every reason to assume that economic crisis makes such resources even more popular. During economic crisis many people are left alone with their problems by their government and they are even more motivated to social cooperation and mutual assistance in social networks to receive valuable information, attention and support from the outside.

Key words: soft power, international environment, information and cognitive means of confrontation, social networks, leadership networks, local human civilization, military-political environment, ideology.

All recent revolutions have taken place with the use of social networks, monitoring them to track the popular mood can reveal the sustainability of the ruling regime.

Social networks emerged as a social structure that brings together individuals and organizations. The term itself was introduced in 1954 by the English anthropologist D. Barnes, who developed an approach invented in the 1930s in America to the study of relationships between people by means of sociograms. This approach deals with visual diagrams in which individuals are represented in the form of dots and connections

between them. By the 1970s a complex of sociological and mathematical methods of research had finally formed, which form the scientific foundation of modern social network analysis (SNA)¹.

The political value of social networks as tools of soft power depends on commitment of the ruling elite to the dominant ideology. If there is a rejection of ideology on the elite level the efficiency of various tools of national soft power will be low. It would be naive to believe that ideology exists independently from elites and that the means of ideological influence, such as social media, exist independently.

The concept of ensuring the security of the Western military-political coalition, formulated in recent years by Donald Trump is correctly interpreted by Russian Deputy Foreign Minister Sergey Ryabkov as a 'concept of total military dominance in all spheres' (Ryabkov 2019) with special emphasis placed on technological, information and cognitive superiority of the United States. In this sense, the Internet in general and social networks in particular have become an extremely important systemic tool not only for the US foreign policy, but also for the US military policy, which is strongly oriented towards achieving political results through domestic political destabilization of opponents (*Strategicheskoe sderzhivanie...* 2019: 511–566).

The purpose of this article is to identify the current practices to spread influence over policy decisions via the Internet and social media. Methodologically the article is based on neo-Marxism. The authors proceed from the Gramscian idea that the dominant class has not only a monopoly on the means of material production, but also on the means of producing meanings and ideas. Using this monopoly, the dominant class establishes cultural hegemony and ensures the sustainability of its legitimacy. Accordingly, undermining cultural hegemony from outside by means of social media could ruin the legitimacy of the ruling regime. Specific ways of undermining legitimacy in authoritarian states are widely known through Gene Sharp's (1993) work, and the use of social media for political power purposes can be read in detail in Michael Erbschloe's (2016) writings.

The role of network resources in soft power

It is generally accepted that ideology is «a set of ideas, beliefs, perceptions, myths, etc., reflecting the social needs and aspirations of individuals, groups, classes, and society as a whole» (*Sovremennaya politicheskaya mysl'*... 2016: 54). Karl Marx stated that «the ideas of the dominant class in all epochs are dominant», and, that 'the class having control over the means of production... controls the means of spiritual production» (*Sovremennaya politicheskaya mysl'*... 2016: 55), i.e. the media and social networks if we use modern terms. In the modern version, this means that the ruling elite controls

¹ Belousov V. *Social'nye Internet-seti kak politicheskoe oruzhie i instrument konkurentnoj bor'by* [Social Internet Networks as a Political Weapon and Tool of Competition]. "Kapital strany" 18.04.2011 URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/socialnye_internet-seti_kak_politicheskoe_oruzhie_i_instrument_konkurentnoj/ (accessed 28.02.2020) (In Russian)

the media and social networks as well as how it controls the means of production, which should not be forgotten when talking about 'independent social' media and Internet networks.

Ideological and cognitive dimensions of power became increasingly important tool of foreign and military policy in the 20th century. There are two fundamentally different positions: the position of the USSR (Khrushchev 2019) and later Russia that for a long time underestimated the importance of information and cognitive factors, and, on the contrary, the position of the United States and the Western military-political coalition as a whole, where these means were given priority². As Deputy Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Ryabkov noted, «There is no doubt that the Americans managed to introduce into the political consciousness of the elites and leadership of almost all their allies a distorted and malicious version of what is happening' in the world» (Ryabkov 2019: 26). Moreover, it is information and cognitive means that are at the center of the system, which became known as 'The Power to Force' (Gompert, Binnendijk 2016: 42).

Until the second decade of the new century this difference in attitude towards ideology, information and cognitive means of politics led to the fact that in the confrontation of various actors in the world Russia was qualitatively inferior to the West, which acted freely both in the international sphere and in the domestic sphere of our country. The reason is that Russia voluntarily abandoned not only the system of values as a national ideology, but also dismantled and disorganized state and social institutions, 'means of ideological production', which ensured the implementation of the system of national interests and values united in ideology.

From the last quarter of the 20th century in the USSR and later in Russia there was a slow and inconsistent process of reassessment of communist political-ideological attitudes, which led to the loss of ideological leadership, when since the second half of the 1950s and in the 1980s the Communist party tried to painfully incorporate new ideas into 'old fur', to abandon Leninism-Stalinism in favor of the concept of 'developed socialism' (Sovremennaya mezhdunarodnaya... 2015: 317-450). The loss of ideological leadership that occurred over time in the USSR was equivalent to the rejection of effective cognitive and ideological means of struggle, which in fact meant voluntary disarmament. This became very well known today from the documents on preparation of ideological statements of the country leaders and the Communist Party (Skazka o poteryannom... 2011: 461-665).

Later, in the second half of the 1980s, the chief ideologist of the Communist Party, Alexander Yakovlev (who eventually acknowledged that his goal was to destroy communism), declared 'deideologization of ideology', which in fact meant total renunciation of ideological autonomy, actual submission to foreign will and ideas, programmed a foreign policy dependence on the West for years to come («Perekhodnyj period»... 2019).

² *The National Military Strategy of the United States of America*. 2015. Washington. P. I; 17.

Over the last 20 years US foreign policy has seen a qualitative shift in the use of information and cognitive tools – from the concept of ‘soft power’ (the attractiveness of the West’s system of values and interests) to the concept of ‘power to coerce’ (Publichnaya diplomatiya... 2017). At the same time, the role of network resources has proved decisive – it is possible to ‘persuade’ through public media, but real coercion can be achieved only through social networks, when it is possible to blackmail individual members of the ruling elite or entire social groups.

Soft power masks its coercive characteristics in every way, preferring to show signs of ‘attractiveness’ on the surface, while ‘power to coerce’ uses all instruments of power – from diplomatic to cyber and openly military.

The main objective of ideological and cognitive means of power has changed in many ways: if soft power was mainly aimed at the policy of opponents, their values and interests (manifested in relation to the USSR under Michael Gorbachev), the main objective of power to coerce is destroying elites and breaking the system of values of population, which is exemplified in case of Russia’s ruling elite after 2014 («Perekhodnyj period»... 2019).

Information and cognitive means of power have now become the most important instruments of force, and soft power became part of the power to coerce. This new policy was even given a special name ‘the policy of new public diplomacy’, where ‘new’ means a synthesis of attraction and coercion (Publichnaya diplomatiya... 2017).

At the same time, it should be noted that such political practices began to develop even before Barack Obama’s and Donald Trump’s administrations came to power. The theory and practice of ‘nonviolent resistance’ became the norm thanks to the work of Harvard University professor Gene Sharp (Sharp 1993: 80). Over time he became known as «Clausewitz of nonviolent warfare». Unlike Mahatma Gandhi and Martin Luther King, Gene Sharp suggests that politicians should use his methods of civil disobedience to seize power (Sotsial'nye seti... 2012).

‘Coercive non-violence’ proved to be effective in past decades. There was ‘Bulldozer revolution’ in Serbia in 2000, ‘Rose revolution’ in Georgia in 2003, ‘Orange Revolution’ in Ukraine in 2004, ‘Cedar Revolution’ in Lebanon in 2005 leading to Syrian withdrawal, and ‘Tulip revolution’ in Kyrgyzstan in 2005, repeated in 2010 to remove Kurmanbek Bakiyev. Two years later, the Obama administration relied on indirect participation in regime change in Tunisia (January 2011) and Egypt (February 2011).

In addition, Algeria (2010–2011), Yemen (2011), Syria, Bahrain, Jordan and Libya were suffering from ‘non-violent resistance’ during these years. To a lesser extent, protest potential was evident in Morocco, Saudi Arabia, Lebanon, Iraq, Oman, Kuwait, Mauritania, Sudan, Somalia, Western Sahara and Djibouti.

This broad list of countries brings closer the realization of the long-awaited US goal to rebuild geopolitically entire regions, especially the ‘Greater Middle East’, by reinforcing the legitimacy of pro-American elites in the face of the weakening global position of the United States and, in particular, the dollar. This means that the second decade of the new century is fundamentally different from previous periods of inter-

national relations in the ways power is used. Information and cognitive warfare is increasingly becoming the dominant tool of political rivalry among nations («Perekhodnyj period»... 2019).

The ultimate goal of any coercive foreign policy strategy is to preserve one's own domestic political stability and to destroy someone else's. This goal is based on two principles:

First, the strength and stability of the state are based on the cooperation of the government and citizens and legitimacy of the government. As soon as the legitimacy is questioned (as in December 1916 - January 1917 in Russia), domestic political stability quickly turns into fiction;

Secondly, stability is based on communication and dialogue between government and society. Once such communication disappears or becomes one-sided, unilateral actions very quickly become destructive. An example of the elimination of such dialogue is the termination of negotiations in St. Daniel Monastery between representatives of the Supreme Council of Russia and the President, which quickly (in less than 24 hours) led to an armed clash (Russkii Put'... 1998).

Social media and security

In assessing the use of social media for political purposes one shall take into account:

- the real state capabilities needed for defence and security are part of national information capabilities;
 - business opportunities and actual owners of Internet resources and social networks;
 - the actual capabilities and resources of social networks – individual citizens.
- One should take into account that the use of both private and public resources is inevitable for political purposes. In 2017-2019, in the USA and other countries, accusing Russia of interfering in elections (in the USA, France, Germany, Serbia, etc.), actually recognized the possibility and even inevitable use of public and private resources for information and cognitive confrontation.

Thus, speaking about the use of social networks, we should not ignore the role of the state and business, as well as coalition allies (who actively participated in such a company in 2014-2019). A pattern of behaviour is proposed although it may change in some details (Sotsial'nye seti... 2012):

- A virtual opposition is created, which starts information cascades about its political activity. These cascades are amplified by various 'activists', who are 'concerned' about the problem. At the same time, it does not matter what problem it is – environmental degradation or the use of chemical weapons – the main point is that this problem is anti-government. The number of participants who cooperate on social networks is not critical. A series of endless comments and likes ultimately leads to that this problem becomes recognizable and turns into a threat to the existing regime.

This campaign should achieve its apogee at some significant political event: elections, a landmark anniversary, an expected event in the life of the country or abroad, when society and the media become as active as possible. By this time, the number of participants in the network discussions should reach some critical mass (which should not necessarily be huge), capable – most importantly – to demonstrate a protest. Such demonstrations can be well motivated, moreover, in some cases extremist and hooligan groups hired for a particular reason are allowed. The entire mechanism is put into operation after the announcement of the results of the elections, which usually do not meet the demands of the opposition leader.

The next important stage, when ‘global public opinion’ is mobilized in the statements of political and public figures in the media, social networks and international organizations about ‘violations of democratic procedures’, use of force and even weapons, ‘genocide’, etc., violations of international norms, which should entail assessments and sanctions by the United States and Western institutions (and in some cases the United Nations). These demands should destabilize the situation in the country, forcing the Government to make concessions to the opposition. At the same time, they are often reminded of the fate of Ceausescu, Milosevic and other leaders who ‘during the time failed to make concessions to the opposition’.

Over time the concern about coercive use of information and communication technologies in international relations was reflected in the national security strategy of Russia³ when systemic security is achieved by oppising the systemic power policy of the United States, called ‘the power to coerce’. Social networks created to improve communication between people have now become a new type of weapon.

War without war

The distinctive feature of this new type of weapon is, above all, that it is not always or universally recognized as a weapon because it is not a conventional weapon, although decisions on its use are taken at the highest political level and the consequences of such decisions are far-reaching. Thus, the ban on the use of the LinkedIn network in Russia, adopted on November 17, 2016, led to an official protest by the U.S. Embassy⁴.

It must be recognized that deviding means of armed struggle into ‘shooting’ and ‘supporting’, has not been relevant for a long time. In practice, it turns out that ‘non-firing’ means of armed struggle are both more dangerous and more effective than traditional means of fire. Division into ‘lethal’ and ‘non-lethal’ weapons is often a convenient cover for direct military intervention in the affairs of other states.

³ Decree of the President of the Russian Federation" on the national security Strategy of the Russian Federation. No. 683 of December 31, 2015. Section II. Points 21, 22, 43, 47, 82, 113

⁴ SShA prizyvayut RF razblokirovat' LinkedIn i peresmotret' zakon o dannykh [The United States urges Russia to unlock LinkedIn and to revise the law on data]. 2016. *BBC News*, 18.11.2016. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-38023440> (accessed 28.02.2020)

In addition, in recent decades, military art has undergone major systemic changes. In the United States, for example, modern military strategy recognizes the 'subordination' of military means to the use of other non-military means of influence in politics: 'Our military (capabilities) support diplomatic, information and economic actions designed to ensure our national interests'⁵. Military means contribute to improving the effectiveness of the use of other means of force, not vice versa.

In the 21st century information security, especially through social networks, has become the most important factor of systemic security. Today it is already difficult, and often impossible, to define the line between the state of 'peace' and 'war' – states fight using numerous means and methods, but at the same time participate in negotiations, trade and even exchange visits. A typical example is the conflict in Ukraine, where thousands of citizens are killed, and gas is traded and negotiated in parallel.

In "war without war" social networks have become an important factor not only of military success, but also of security, peace and stability. The category 'war' is displaced by the category 'operation'. The essence of the social phenomenon does not change from this. These are network-centric wars, network approaches to fighting (Rossiya v zerkale... 2012: 180). The 'Network' in a broad sense includes simultaneously different political and social components. They can be combat units, communication system, information support, formation of public opinion, diplomatic measures, social processes, intelligence and counterintelligence, ethnopsychology, religious and collective psychology, economic support, academic science, technical innovations (Aktual'nye problem... 2017).

The Network has become inextricably linked to politics and armed struggle. Especially when conditions have developed for a network-centric war, in which subjective, cognitive and even irrational factors play a huge role. At the same time, the main feature of the network-centric war, which inevitably affects the nature of the modern international situation, is that it has no beginning and end, and is carried out constantly. At the same time, existing 'cumbersome state structures and international organizations', according to experts, 'are unable to respond quickly to the challenges of time' (McConnell 2016: 138). This means that the active and uncontrolled introduction of the 'network' by the world community represents the inevitable deprivation of any independence, sovereignty and subjectivity of countries, peoples, armies and governments of the world, and their transformation into tightly managed, programmed mechanisms. In this sense, the world, according to a number of researchers, is in constant information confrontation, which is a very broad concept, deeper in content than information war (Rossiya v zerkale... 2012). This confrontation takes place at the civilizational level between local human civilizations (LHCs), when victory or defeat is seen as an uncompromising result of such a battle, expressed in the loss of sovereignty, national identity, territories and the disappearance of nations themselves (Tret'ya mirovaya...2015).

5 The National Military Strategy of the United States of America. Washington: GPO, 2015. June. *The United States Military's Contribution to National Security*. 2015. June. P. 5

Using leadership networks

The current analysis of social networks focuses on the structure of their relationships within a community or working group. Network analysis helps model structural interactions between social units: people, collectives, organizations (Strategicheskoe sderzhivanie... 2019). Among other advantages, the network approach allows data to be operated at different levels of research, from the micro to the macro level, ensuring data continuity when smaller units are combined into large ones without losing information. Social media analysis is today widely used in economics and governance to analyse markets, in sociology, in medicine, for example, in exploring the ways in which infectious diseases spread and in forensics to combat terrorist networks and the spread of drugs.

Opinion leaders are increasingly present on virtual social networks. The Internet is the reflection of the real world, it follows the same laws as the real society. Most politicians, writers, scientists, journalists have blogs.

Social media is widely used by country leaders, especially during election campaigns. In the United States, the last two presidents, Barack Obama and Donald Trump, owe much to an unprecedented online campaign, primarily through their own personal leadership networks and social networks through which they communicated with voters.

Leadership networks can be social networks formed around a personal or corporate interactive resource (Fig.1), or social networks built around several resources – attention nodes.

In the first case, the personal or corporate site functions as a network interface. Users register on it and are able to create their own blogs. They communicate with the owner of the site and with each other, participate in joint collective social actions. Such leadership networks will become a new generation of personal resources, after websites and blogs on social networks. Unlike regular websites, blogs in networks and standard blogs, a new kind of leadership resources creates a personal social network around it. This network includes members of the target audience for the resource owner. The formation of such a network ensures stable interactive communication with visitors and the ability to have a constant influence on their consumer and social behavior.

Compared to personal sites and stand-up blogs, leadership resources have higher interactivity, more effectively shape the communication environment, give visitors better opportunities for self-expression. Unlike blogs in conventional networks, they exist in a specially created favorable environment where it is impossible to get lost or be compromised by an inadequate network environment; and give their authors the opportunity to monetize the attention of visitors⁶.

⁶ Ibid.

Leadership network built around personal resource

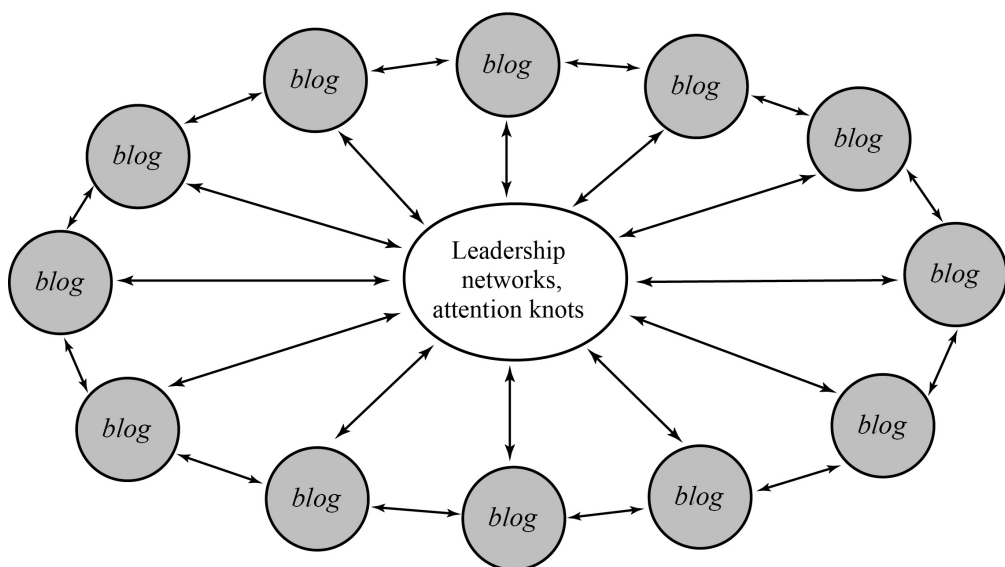

Fig. 1. Social networks formed around a personal or corporate interactive resource⁷

The organizers of leadership networks should help their agents make their own attractive resource. The company's task is to create leadership resources that support its high technological and creative level. Leaders, in order to make their resource popular, must constantly communicate online with users. Without help, this task is not feasible. To ensure its solution, continuous content support of leadership resources is provided by the organizing companies. Centralized support is much more efficient and cost-effective than individual personal assistants. Within the framework of social and network companies, teams of content managers can be created, working in close contact with owners of leadership resources. They can provide operational support for *communications of a significant number of leadership resources on the network* (*Strategicheskoe sderzhivanie... 2019*).

The development and implementation of distributed information processing systems and tools are provided by world's largest companies (IBM, Informix, Lotus, Microsoft, Oracle, etc.). The reason for this increased attention to such applications is that the rapid development of the Internet today is largely provided by means that extract useful information from already accumulated distributed databases. From this point of view, numerous large databases acquire new qualities: they become closer to the consumer and gain 'feedback'. Now many companies and shops have their own Inter-

⁷ [Белюсов В. Социальные Интернет-сети как политическое оружие и инструмент конкурентной борьбы / Эл. ресурс: «Капитал страны». 18.04.2011 / http://kapital-rus.ru/articles/article/socialnye_internet-seti_kak_politicheskoe_oruzhie_i_instrument_konkurentnoj/]

net pages, where the buyer can view the name of goods, prices, see the image of goods, make an order and immediately pay for it by credit card.

Conclusion

Social networks are formed around leaders, whose key resource is content. Social and state contradictions are in many ways expressions of more powerful, civilization-cultural, contradictions. Absolute majority of information resources are in the hands of Western civilization.

In order to effectively counter the spread of Western influence through the Internet and reduce the vulnerability of the political systems, it is necessary to develop our own leadership networks based on Russian language, Russian culture, support for pro-Russian communities and groups abroad, work with data, collect and defend it.

About the authors:

Alexey I. Podberezkin – Doctor of History, professor of world and national history chair, director of the Center for Military and Political Studies, MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Olga A. Podberezkina (corresponding author) – Researcher at the Center for Post-Soviet Studies at the Institute for International Studies MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: podberezkina.olga@yandex.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

УДК: 327

Поступила в редакцию: 10.10.2019 г.

Принята к публикации: 05.02.2020 г.

Лидерские сети как инструмент принуждения в мировой политике

А.И. Подберезкин, О.А. Подберезкина
DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-117-128

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Аннотация: Анализ социальных сетей широко применяется в экономике, социологии, в медицине, например, при изучении путей распространения инфекционных заболеваний и в криминалистике для борьбы с террористическими сетями и распростране-

нием наркотиков. Анализ социальных сетей используется и в политической сфере. Интернет – отражение реального мира, в нем действуют те же законы, что и в реальном социуме. Правящая элита контролирует СМИ и социальные сети также как она контролирует средства производства. В статье рассматривается вопрос о роли социальных сетей во внешней и военной политике государств и других акторов. Методологически статья основана на грамшианской идее о культурной гегемонии правящего класса как основе легитимности политического режима. Дж. Шарп показал, как можно подорвать легитимность авторитарного режима через ненасильственное сопротивление. Статья показывает, какую роль в этом играют социальные сети и как через них легитимность политического режима подрывают извне. Поэтому информационное, культурное, экономическое влияние следует рассматривать как форму войны.

Распространение лидерских сетей только начинается. Потенциал этого формата Интернет-ресурсов огромен. Экономический кризис делает такие ресурсы ещё более востребованными. В тяжёлых условиях кризиса люди, оставленные государством наедине со своими проблемами, в ещё большей степени мотивированы на социальную кооперацию и взаимопомощь в сети, на получение ценной информации, внимания и поддержки со стороны.

Ключевые слова: «мягкая сила», международная обстановка, информационно-когнитивные средства борьбы, социальные сети, лидерские сети, локальная человеческая цивилизация, военно-политическая обстановка, идеология.

Об авторах:

Подберёзкин Алексей Иванович – доктор исторических наук., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.
E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Подберёзкина Ольга Алексеевна – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМИ МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References:

Gompert D., Binnendijk H. 2016. The Power to Coerce. Countering Adversarie Without Going to War. RAND Corporation.

Sharp G. 1993. *From Dictatorship to Democracy. A Conceptual Framework for Liberation.* The Albert Einstein Institution.

33 strategii voyny [33 Strategies of War]. 2016. Moscow: RIPOLL. (In Russian)

Aktual'nye problemy protivodeistviya terrorizmu i ekstremizmu: tematicheskii sbornik [Actual Problems of Counteraction to Terrorism and Extremism: a Thematic Collection]. 2017. Ed. by V.V. Krasinsky. Moscow. 221 p. (In Russian)

Khrushchev S. 2019. *Nikita Hrushchyov. Rozhdenie sverhderzhavy* [Nukita Khrushchev. The Birth of a Superpower]. Moscow: Veche. 608 p. (In Russian)

McConnell B. 2016. Setevoe soobshchestvo i rol' gosudarstva [Network community and the role of the state]. *Russia in Global Politics*. No. 2. P. 138. (In Russian)

Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika [Public diplomacy: Theory and practice]. 2017. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: Aspect Press. (In Russian)

«Perekhodnyj period» razvitiya voenno-silovoj paradigmy (2019-2025 gg.) ["Transition period" of the development of the military-power paradigm (2019-2025)]. *Obozrevatel'*. 2019. No. 4. P. 5-20. (In Russian)

Rossiya v zerkale uprazhnenii NATO nad Ukrainoi [Russia in the Mirror of NATO Exercises over Ukraine]. 2012. *Diplomacy*. No. 4. (In Russian)

Russkii Put' [Russian Way]. 1998. Moscow: IA "Observer". 592 p. (In Russian)

Ryabkov S. 2019. Frank conversation about war and peace. *International affairs*. No. 1. P. 26. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21714> (In Russian) (accessed 28.02.2020)

Skazka o poteryannom vremeni. Pochemu Brezhnev ne smog stat' Putinym [A Tale of Lost Time. Why Brezhnev Could Not Become Putin]. 2011. Moscow: OLMA Media Group. (In Russian)

Sotsial'nye seti kak innovatsionnyi mekhanizm «myagkogo» vozdeistviya i upravleniya massovym soznaniem [Social networks as an innovative mechanism for "soft" influence and management of mass consciousness]. 2012. *Politics and society*. No. 1. P. 65-75. (In Russian)

Sovremennaya mezhdunarodnaya obstanovka: civilizacii, ideologii, elity [Modern International Environment: Civilizations, Ideologies, Elites]. 2015. Moscow: MGIMO-University. (In Russian)

Sovremennaya politicheskaya mysl' (XX-XXI). Politicheskaya teoriya i mezhdunarodnye otnosheniya [Modern Political Thought (20-21st century). Political Theory and International Relations]. 2016. Moscow: Aspect Press. (In Russian)

Strategicheskoe sderzhivanie: novyj trend i vybor rossijskoj politiki [Strategic Deterrence: a New Trend and the Choice of Russian Policy] 2019. Moscow: MGIMO University. 656 p. (In Russian)

Tret'ya mirovaya voina protiv Rossii: vvedenie k issledovaniyu [The third world war against Russia: an introduction to the study]. 2015. Moscow: MGIMO University. P. 13-24. (In Russian)

Влияние санкций ООН и США на политическую элиту Ирака

Р.Ш. Мамедов, В.А. Морозов

Российский совет по международным делам (РСМД)

Проблема эффективности санкций в качестве инструмента смены политического режима в стране-объекте санкционного давления является одним из ключевых вопросов для исследователей, занимающихся темой санкций как инструмента внешней политики. Опыт санкций США и ООН в отношении Ирака в этом случае является наиболее наглядным примером, с одной стороны, успешности ограничительных мер в деле сокращения возможностей для страны проводить нежелательный внешнеполитический курс, а с другой – провала попыток добиться смены режима путём введения санкций при одновременном ухудшении социальной и экономической ситуации в стране. В статье рассматривается динамика ограничительных мер в отношении Ирака времён правления С. Хусейна, вопросы адаптации как правящего режима, так и санкционной политики ООН в 1990-х гг. Для этого были проанализированы основные источники ООН по санкциям против страны, а также эволюция основных характеристик политического режима Ирака в 1990-2003 гг. на основе распределения основных государственных постов среди ключевых групп влияния. Показано, что внешние ограничительные меры, направленные не столько на изменение поведения, сколько на смену политического режима, не достигли своих результатов. Несмотря на стабильное ухудшение социальных и экономических условий и неблагоприятную внешнюю конъюнктуру, режим С. Хусейна продемонстрировал серьёзный запас прочности благодаря использованию противоречий в этнически и конфессионально сложном обществе, относительно эффективному перераспределению ограниченных ресурсов в пользу основных групп влияния, а также благодаря возможности применять репрессии в отношении несогласных. В этих условиях даже наличие внутриэлитных конфликтов служило укреплению режима, нежели ослабляло его. Другим важным фактором стала сама политика внешнего давления на элиту и страну в целом. Жёсткость ограничительных мер частично нивелировалась наличием таких программ как «Нефть в обмен на продовольствие», что в условиях слабой проработанности самих программ, а также коррупционных схем с участием её исполнителей приводило к снижению давления на режим, и, следовательно, – эффективности санкций. Тем самым показано, что политика санкций против Ирака является примером неудачного их применения в целях изменения политического режима.

Ключевые слова: санкции, Ирак, санкции ООН, санкции США, политический режим, политическая элита, Саддам Хусейн.

УДК: 323.2, 327.8, 94

Поступила в редакцию: 22.09.2019 г.

Принята к публикации: 25.01.2020 г.

Санкции США и ООН в отношении Ирака принято рассматривать в качестве наиболее наглядного примера использования ограничительных мер со стороны мирового сообщества в отношении отдельного государства. Интерес к данной теме обусловлен не только относительной свежестью кейса санкционного режима, но и тем, насколько он повлиял на траекторию дальнейшего развития санкционной политики США и ООН.

В научном дискурсе принято считать (Brzoska 2003), что санкции в отношении режима Ирака времён правления С. Хусейна стали последним примером использования т.н. «всеобъемлющих» санкций (*comprehensive sanctions*) (Drezner 2011). Санкции против страны охватили практически все секторы экономики и социальной сферы, что привело к резкому падению уровня жизни населения. Вместе с тем санкции не позволили достичь заявленных политических целей – смены политического курса и режима. Режим С. Хусейна продемонстрировал гораздо более высокую степень устойчивости (*resilience*) к внешнему давлению, не в последнюю очередь благодаря способности обеспечить контроль над силовыми структурами и минимально-приемлемый уровень жизни значительной части населения. И в 1990-1991 гг., и в 2003 г. обозначенные цели были достигнуты прямым военным вмешательством коалиции стран во главе с США.

Таким образом, санкции против Ирака парадоксальным образом продемонстрировали, с одной стороны, чрезмерность, а с другой – недостаточность механизма «всеобъемлющих» санкций. Результатом этого стал поиск новых форм санкционного давления в отношении стран и режимов, демонстрирующих, по мнению международного сообщества, «нежелательное поведение», что привело к переходу к т.н. «таргетированным» или «умным» санкциям (*targeted, smart sanctions*).

Санкции ООН и США против Ирака в 1990-1998 гг. Программа «Нефть в обмен на продовольствие»

Санкционный режим в отношении Ирака является одним из наиболее ярких примеров широкого использования ограничительных мер в отношении одной страны. Первые санкции против Ирака в связи с вторжением вооружённых сил страны на территорию Кувейта были введены США 2 августа 1990 г. в рамках указа президента США (*Executive Order*) № 12722¹. В соответствии с документом, все активы правительства Ирака, государственных учреждений, Центрального банка и прочих институтов, находящиеся на территории США или под контролем физических и юридических лиц США, были заморожены. Указ также запрещал импорт в США любой продукции, произведённой в Ираке (за исключени-

¹ U.S. Department of the Treasury. 1990. Executive Order № 12722 Blocking Iraqi Government Property and Prohibiting Transactions with Iraq. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/12722.pdf> (accessed 07.02.2020)

ем печатных и прочих информационных материалов), экспорт в Ирак любых товаров, услуг и технологий (включая техническую информацию) из США, за исключением печатных и других информационных материалов, а также пожертвований, включающих в себя продовольствие, предметы одежды, медикаменты и медицинское оборудование. Помимо этого, документ также запрещал для американских физических и юридических лиц любые виды транспортного сообщения с Ираком (за исключением тех, которые были связаны с выездом граждан США из страны), запрет на реэкспорт товаров и услуг, произведённых в Ираке американскими физическими и юридическими лицами, в третьи страны, запрет для американских лиц на заключение и выполнение любых сделок, связанных с иракскими промышленными частными и государственными предприятиями, и, наконец, запрет на кредитование и предоставление иных видов займов и финансовых услуг со стороны американских компаний и граждан.

Дальнейшие санкции в отношении Ирака были введены в рамках резолюций Совета Безопасности (СБ) ООН №661 (от 6 августа 1990 г.²) в связи с отказом выполнить положения резолюции СБ ООН №660 (от 2 августа 1990 г.³). Указанные в резолюции № 661 меры были широкими, представляя собой последний пример использования всеобъемлющих ограничительных мер со стороны ООН. Среди них наиболее чувствительными стали запрет на импорт любой продукции, произведённой в Ираке, а также эмбарго на поставку любых товаров и услуг в страну, за исключением продовольствия, гуманитарной помощи и медикаментов. В дальнейшем были также приняты резолюции №665⁴ (де-факто устанавливавшая режим морской блокады Ирака), №669⁵ (впервые поднимавшая вопрос о необходимости устранения последствий ущерба от санкций в отношении Ирака для третьих стран) и, наконец, №687⁶, обозначившая ключевые требования для возможного снятия санкций, включая уничтожение всех видов оружия массового уничтожения, допуск международных наблюдателей, возвращение военнопленных и других перемещённых лиц, а также выплату репараций в пользу Кувейта и выполнение Ираком всех обязательств по обслуживанию своего внешнего долга (в дальнейшем это положение было конкретизировано в резолюции №692⁷, рассматривавшей вопрос создания специального компенсационного фонда).

² ООН. 1990. Резолюция Совета Безопасности ООН №661. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/661\(1990\)](https://undocs.org/ru/S/RES/661(1990)) (дата обращения 07.02.2020).

³ ООН. 1990. Резолюция Совета Безопасности ООН №660. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/660\(1990\)](https://undocs.org/ru/S/RES/660(1990)) (дата обращения 07.02.2020).

⁴ ООН. 1990. Резолюция Совета Безопасности ООН №665. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/665\(1990\)](https://undocs.org/ru/S/RES/665(1990)) (дата обращения 07.02.2020).

⁵ ООН. 1990. Резолюция Совета Безопасности ООН №669. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/669\(1990\)](https://undocs.org/ru/S/RES/669(1990)) (дата обращения 07.02.2020).

⁶ ООН. 1991. Резолюция Совета Безопасности ООН №687. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/687\(1991\)](https://undocs.org/ru/S/RES/687(1991)) (дата обращения 07.02.2020).

⁷ ООН. 1991. Резолюция Совета Безопасности ООН №692. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/692\(1991\)](https://undocs.org/ru/S/RES/692(1991)) (дата обращения 07.02.2020).

Основной целью санкций Совета Безопасности ООН в отношении Ирака являлась, с одной стороны, попытка заставить правительство С. Хусейна отказаться от оккупации Кувейта и возместить все связанные с ней издержки официальному правительству страны; с другой стороны, санкции были направлены на ограничение доступа Ирака к вооружениям, военной технике и соответствующим технологиям. Как и в случае с другими санкционными режимами, ограничения официально не позиционировались и не рассматривались в качестве меры, направленной против населения Ирака (Drezner 1998). Вместе с тем резолюция СБ ООН №661 не предусматривала конкретного списка товаров, услуг и технологий, импорт которых в страну был запрещён (за исключением продовольствия, медикаментов и гуманитарной помощи). Механизм получения разрешений предполагал необходимость принятия решения Комитета по санкциям в отношении Ирака в каждом конкретном случае поставок. При этом достаточно быстро обнаружились и недостатки подобного механизма: в частности, срок получения экспортной лицензии (ввиду необходимости подачи заявки в профильные ведомства страны-члена ООН, которая затем направляла соответствующий запрос в Комитет, уведомлявший о своём решении не физическое или юридическое лицо, изначально подавшее заявку, а профильные ведомства той страны, откуда поступила заявка), непрозрачность принятия решений Комитетом, а также возможность любого члена Комитета наложить вето на заявку без объяснения причин. Наконец, режим санкций предполагал единственную возможность поставки разрешённых к ввозу товаров, а именно – морскими перевозками, и сохранял возможность изъятия товаров в случае дополнительных проверок.

Помимо сложностей, связанных с недостаточной проработанностью механизма выдачи экспортных лицензий, наиболее тяжёлые последствия для экономики и социальной сферы страны имел запрет на поставки нефти. Доходы от добычи нефти и производства нефтепродуктов покрывали до 90% импорта и составляли до 97% всего экспорта⁸ и 60% ВВП. В результате санкций в соответствии с резолюцией №661 добыча нефти снизилась с 3,5 млн барр. в день в июле 1990 г. до 350 тыс. барр. в июле 1991 г., что не покрывало даже внутренние потребности страны в энергоресурсах⁹. Уровень инфляции в экономике вырос с 18% в 1975 г. до 2000% в 1992 г. Даже к 1999-2000 гг. инфляция не опускалась ниже 120%. По оценкам исследователей, ВВП на душу населения упал с 3510 долл. США на душу населения в 1989 г. до 627 долл. США в 1991 г. и 450 долл. к 1996 г. В свою очередь безработица выросла до 50% трудоспособного населения (Ismael 2005). Иными словами, в условиях полной зависимости страны от нефтяных доходов де-факто санкции привели к полному уничтожению экономики страны.

⁸ Iraq Economic Data (1989-2003). Regime Finance and Procurement – Annex D. CIA Library, 2004. URL: https://www.cia.gov/library/reports/general-reports-1/iraq_wmd_2004/chap2_annxD.html (accessed 07.02.2020)

⁹ Ibid.

Другим немаловажным измерением последствий санкций в отношении Ирака стал полномасштабный гуманитарный кризис. Негативное влияние санкций ООН на социальную сферу Ирака было отмечено уже в марте 1991 г. в докладе миссии заместителя Генерального секретаря ООН М. Ахтисаари¹⁰. В результате конфликта и последовавших санкций снабжение населения продовольствием снизилось на 70,5%. Нехватка продовольствия в свою очередь совпала с разрушением электростанций и нехваткой топлива, перебоями в водоснабжении, в поставках сырья для сельского хозяйства (в первую очередь – семян и скота). Стоит отметить, что доклад был опубликован сразу после окончания боевых действий и многие из указанных негативных последствий были связаны в первую очередь с последствиями военной операции коалиции, а также действиями иракских военных.

Однако при рассмотрении гуманитарной ситуации не стоит недооценивать негативный фактор санкций. Учитывая высокую степень зависимости экономики от продажи нефти и нефтепродуктов, падение доходов даже в условиях ряда изъятий из санкционного режима неизбежно вело к пропорциональному падению уровня жизни населения. Кроме того, вследствие санкций многие объекты инфраструктуры оставались разрушенными, поскольку значительная часть необходимого оборудования также попадала под ограничения. При этом санкции затронули оборудование не только для транспортной, но и социальной инфраструктуры, прежде всего больниц. В частности, в результате недостаточности медицинского обеспечения детская смертность выросла почти в два раза: с 47 случаев на 1000 новорожденных в 1984-85 гг. до 108 случаев в 1994-1995 гг., в то время как смертность детей в возрасте до пяти лет выросла почти в три раза с 56 до 131 случая на 1000 человек (Ali 2000).

Другой немаловажный фактор – продовольственный. При высокой зависимости от импортного продовольствия, а также катастрофическом падении доходов от экспорта в результате санкций, правительство Ирака смогло обеспечить дневной рацион населения в объёме не более 1300 ккал на человека в день к 1996 г. (Ismael 2005). В 1994-1995 гг. дневной средний рацион составлял всего 1093 ккал (при довоенном уровне в 3120 ккал) на человека в день. Уровень цен на продовольствие к 1995 г. вырос более чем в 850 раз по сравнению с 1990 г. Это серьёзно ударило по наиболее незащищённым слоям населения, в особенности детям (общее число детей с недостатком веса выросло с 12% в 1991 г. до 23% к 1996 г.). Стоит отметить, что тема влияния санкций на уровень детской смертности впоследствии стала предметом спекуляций. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) в 1999 г. сообщал, что итогом санкций ООН против Ирака стала смерть

¹⁰ United Nations Report to the Secretary General on Humanitarian need in Kuwait and Iraq in the Immediate Post-Crisis Environment by a Mission to the Area led by Mr. Marti Ahtisaari, Under-Secretary General for Administration and Management, 1991. URL: <http://www.un.org/Depts/oip/background/reports/s22366.pdf> (accessed 07.02.2020)

более 500 тыс. детей¹¹. В дальнейшем предпринимались попытки проверки и разоблачения данной информации как недостоверной (Spagat 2010).

На фоне негативного влияния, оказываемого ограничительными мерами, осуществлялась модификация санкционного режима в отношении Ирака с целью устранения его недостатков. Резолюция СБ ООН №706¹² разрешала продажу нефти Ираком на сумму до 1,6 млрд долл. США (при условии согласования каждой сделки со стороны ООН), часть средств из которых должна была быть использована для закупки продуктов питания и медикаментов для населения Ирака, в то время как другая часть передавалась на специальный эскроу-счёт Компенсационной комиссии ООН для выплаты репараций Кувейту. Резолюция №712¹³ позволяла использовать до трети средств на счёте Компенсационной комиссии для покупки продуктов питания и медикаментов. В дальнейшем порядок использования средств специального счёта Комиссии был уточнён в рамках резолюции № 778¹⁴.

Вместе с тем эффективность подобных мер оставалась под вопросом, учитывая позицию правительства Ирака, а также отсутствие чёткого механизма продажи иракской нефти на мировом рынке. Учитывая необходимость выработки подобного механизма, а также снижения негативных эффектов от санкций для населения страны, Совет Безопасности в 1995 г. одобрил резолюцию №986¹⁵, которая впоследствии позволила начать программу «Нефть в обмен на продовольствие» (*Oil-for-Food Programme*). В отличие от предыдущих резолюций, разрешавших экспорт иракской нефти, резолюция №986 устанавливала два основных канала экспорта нефти Ираком – по трубопроводу Киркук – Юмурта-лык из Ирака на территорию Турции и с нефтяного терминала Мина-аль-Бакр. Помимо этого, разрешался экспорт в Ирак технологий и оборудования, необходимых для поддержания работы указанного трубопровода.

Программа «Нефть в обмен на продовольствие» продлилась в течение 13 так называемых «фаз» с 10 декабря 1996 г. по 3 июня 2003 г. Отмечается, что в целом, программа помогла частично сгладить негативные последствия введённых всеобъемлющих санкций в отношении Ирака, в том числе благодаря улучшению питания населения страны и поставки медикаментов (Mazaheri 2010). Тем не менее реализации программы была сопряжена как с поставкой некачественных продуктов питания и медикаментов, так и широко распространённой

¹¹ 1999 Iraq Child and Maternal Mortality Surveys. UNICEF, 1999. URL: <https://reliefweb.int/report/iraq/results-1999-iraq-child-and-maternal-mortality-surveys> (accessed 07.02.2020)

¹² Резолюция Совета Безопасности ООН №706 / ООН, 1991. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/706\(1991\)](https://undocs.org/ru/S/RES/706(1991)) (дата обращения 07.02.2020)

¹³ ООН. 1992. Резолюция Совета Безопасности ООН №712. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/712\(1991\)](https://undocs.org/ru/S/RES/712(1991)) (дата обращения 07.02.2020).

¹⁴ ООН. 1992. Резолюция Совета Безопасности ООН №778. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/778\(1992\)](https://undocs.org/ru/S/RES/778(1992)) (дата обращения 07.02.2020).

¹⁵ ООН. 1995. Резолюция Совета Безопасности ООН №986. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/986\(1995\)](https://undocs.org/ru/S/RES/986(1995)) (дата обращения 07.02.2020).

коррупцией (Heaton 2005). Проведённые исследования указывают, что в течение 8-12 фаз программы (2000-2002 гг.) 138 из 169 компаний, покупавших иракскую нефть в рамках программы ООН, выплатили до 229 млн долл. США в качестве взяток представителям правительства Ирака (Jeong 2012).

Формирование оппозиции иракским властям 1990-2003 гг. в условиях санкционного режима

Ставший в 1958 г. республикой, Ирак имел пёстрое в социальном отношении общество при в целом светском характере государственного режима. Главным вопросом, волновавшим все без исключения правительства Ирака, был не конфессиональный, а курдский. Процессы в стране конца XX в. вскрыли внутренние противоречия такого сложного государственного образования как Ирак. При этом этноконфессиональные проблемы, бывшие относительно затухшими до периода международных санкций – в Ираке он назван «периодом блокады» – усугубились.

Потерпевшая неудачу на кувейтском направлении внешняя политика президента Ирака Саддама Хусейна, как и тот факт, что страна не успела оправиться от изнурительной и опустошительной ирано-иракской войны (1980-1988 гг.), привела к общему ухудшению социально-экономической ситуации, что вылилось в восстания февраля – апреля 1991 г. в различных частях страны. Стала формироваться и политическая оппозиция режиму. В октябре 1991 г. из числа светских представителей шиитов и курдов был создан исполнительный совет Иракского национального конгресса (ИНК) во главе с проживавшим на Западе иракским банкиром Ахмадом Чалаби, который затем стал одной из ключевых фигур в свержении режима в 2003 г. (Khadduri 1997). Другой, имевшей контакты с британской МИ-6 и американским ЦРУ, организацией можно назвать образованную в 1991 г. партию «аль-Вифак» или «Иракское национальное согласие» (ИНС). Она состояла в основном из бежавших офицеров иракской армии, в то время как во главе работы структуры встал проживавший в Лондоне бывший партийный деятель Баас Ийяд Аллауи (премьер-министр Ирака после свержения С. Хусейна в 2003 г.). ИНС, получавшая поддержку США, сделала ставку на организацию военного переворота, однако её попытки осуществить подобное (самая серьёзная операция была проведена в 1996 г.) пресекались С. Хусейном.

Контекст образования оппозиционных правительству Ирака сил в 1980-е и 1990-е гг. требует некоторых уточнений по поводу религиозной элиты страны и иранского фактора.

В 1980 г. была развязана ирано-иракская война (или Первая война в Персидском заливе) (Rajaei 1993). Новое руководство Ирака, во главе которого в 1979 г. встал президент С. Хусейн, видело в произошедшей в Иране Исламской революции угрозу иракской государственности. Новые иранские лидеры даже объявили об «экспорте революции», и Ирак, безусловно, мог рассматриваться

ими в качестве одной из стран с благоприятными для этого условиями. Среди причин вступления в войну для Ирака называют и желание воспользоваться сложившейся ситуацией, захватить часть территории и нефтяных месторождений Ирана.

Стоит отметить, что исследователи разделяют шиитов Ирака на арабов-шиитов и шиитов иранского происхождения (меньшая часть). Во многом именно шииты иранского происхождения, по мнению исследователей, представляют дискриминируемую со стороны правительства Ирака 1980-х гг. часть шиитов страны. При этом такое отношение к ним руководства Ирака можно было заметить и в 1970-е гг. Например, после того, как в 1971 г. шахский Иран занял острова Большой и Малый Томб, а также Абу Муса (где проживало около сотни арабов), что стало причиной до сих пор неурегулированного территориального спора между ОАЭ и Ираном, власти Ирака приняли решение о депортации из страны около 40 тыс. иракских курдов-фейли (шииты) и 60 тыс. жителей иранского происхождения. Волны депортации в дальнейшем только нарастали и усилились во время ирано-иракской войны. Этот процесс обрёл и нормативную базу, ввиду принятия Советом революционного командования Ирака соответствующего решения №666 от 7 мая 1980 г. Фиксируется, что в тот период из страны было изгнано от 200 тыс. до 1 млн проживавших в Ираке иранцев или граждан иранского происхождения (Osman 2015).

Распространение среди шиитского населения Ирака убеждённости в дискриминации со стороны правительства привело к развитию подпольных сил шиитского политического активизма. Среди таких объединений в первую очередь стоит упомянуть созданную ещё в 1950-е гг. и затем запрещённую правительством Ирака Партию исламского призыва («Даава»). Называвшийся её идейным вдохновителем влиятельный шиитский богослов М.Б. ас-Садр открыто поддержал Исламскую революцию в Иране и призвал следовать иранскому примеру, что привело к восстаниям в священном для шиитов городе Наджаф. Власти во главе с С. Хусейном приняли решение арестовать, а затем и расстрелять как М.Б. ас-Садра, так и известную своей учёностью и поддержкой его идей его сестру – А. ас-Садр. Так оппозиционное движение обрело мучеников, до сих пор почитаемых в стране. Семья шиитских учёных Садров традиционно влияла на умы шиитского населения Ирака, а в постсаддамовский период выходец из этой семьи – Муктада ас-Садр – стал одной из ключевых фигур в иракской политике. С 1980-х гг. само иракское государство становилось всё более подозрительным к собственному шиитскому населению, но осуществлявшиеся им репрессии только расширяли базу недовольных режимом шиитоцентричных движений (Hashemi 2017).

Руководство Исламской Республики Иран в то время рассчитывало на широкую поддержку шиитов Ирака. Однако ожидания не оправдались, и арабы шииты сражались в составе иракской армии до самого завершения войны в 1988 г. Это было связано и с тем, что С. Хусейн в основном использовал ритори-

ку с подчёркиванием арабской идентичности шиитов Ирака и противопоставлял их – арабов – персам (Metz 2017). Тем не менее именно во время ирано-иракской войны были заложены основы для дальнейшей подрывной деятельности против С. Хусейна внутри самого Ирака. Так, например, уже в 1982 г. в Иране для борьбы с баасистским режимом С. Хусейна был создан Верховный совет исламской революции в Ираке (далее ВСИРИ). ВСИРИ возглавляли представители части религиозной элиты страны – известная иракская семья шиитских священнослужителей – аль-Хаким.

С 1991 г. во внутренней политике С. Хусейн всё более опирался на родной для него клан ат-Тикрити, лояльных ему людей и поощрял племенные структуры. Начались деградация и паралич принятия политических решений в стране, когда почти все механизмы управления государством оказались завязаны на одном человеке, а главным мерилом профессионализма стала лояльность лидеру.

Ирак продолжал находиться в состоянии блокады – наложенных на него со стороны ООН санкций – не позволявших извлекать выгоды из торговли на мировом финансовом рынке, ограничивших доступ к технологиям, приведших к развитию теневого сектора и контрабанды, а также массовой миграции активного населения из страны. Всё это также усугубляло репрессии и лишало часть элиты доступа к распределению и без того ограниченных ресурсов, что вело к укреплению находившихся в изгнании оппозиционных сил особенно приобретении ими внешних доноров.

США, в свою очередь, использовали не только экономические, но и военные инструменты давления на Багдад. Тактические операции американцев разрушали инфраструктуру страны и подрывали стабильное функционирование государственных структур (например, американские авианалеты на Багдад, операция «Пустынный лис» 1998 г.). Все эти события тяжело отражались на состоянии иракского общества. К 2003 г. Ирак деградировал до состояния бедного этноконфессионально разделённого общества с усилением роли племенного фактора и исламской риторики во внутренней политике, связанного при помощи забюрократизированной системы управления ПАСВ и армии.

Персональные санкции в отношении представителей элиты режима С. Хусейна. Внешний фактор и победа контрэлит

Санкции в отношении представителей политической элиты Ирака провоцировали два параллельных процесса – рекрутирование в элиту наиболее лояльных президенту личностей (в том числе из числа представителей его клана Альбу Насир, родного города Тикрита) и её консолидацию вокруг фигуры президента. Эти же процессы определили в свою очередь и то, что С. Хусейн стал опираться на население центральной, в основном суннитской, части Ирака. В то же время эффект от международных санкций в первые годы оказался менее разрушительным для страны, чем предполагали вводившие их силы и многие

американские эксперты (Clawson 1993). Так, считалось, что Ирак будет вынужден пойти на серьёзные уступки по выводу своих сил из Кувейта в 1991 г. Однако оказалось, что Ирак был подготовлен к развитию различных сценариев и возникшим в результате применения санкций проблемам и рискам, заранее приняв меры, в том числе и по вопросу продовольственной безопасности населения.

Сами санкции могли бы сработать, если бы они были введены против системы, в которой публичное недовольство от снижения уровня жизни вносило бы вклад в создание угроз дальнейшему пребыванию у власти правящей элиты. В свою очередь, – в теории – это могло бы, как в частности и хотели США, изменить «поведение режима». Однако в иракских реалиях правящая элита взяла курс на удовлетворение запросов и нужд суннитского населения, которое стало опорой режима, и в то же время оказалась способна не допустить достижения критического уровня недовольства через предоставление простейших услуг. В период кризисов иракские власти снижали вмешательство в экономику, что приводило к фактическому выживанию населения, но относительному накоплению капитала. Однако как только С. Хусейн был убеждён, что угрозы миновали, государство снова переходило к жёсткому контролю экономики (Clawson 1993).

Это касалось и кадровой политики. После завершения боевых действий и последовавшего подавления шиитских восстаний в марте 1991 г. С. Хусейн назначил премьер-министром политика шиитского происхождения С. Хаммади, бывшего его соратником по партии «Баас» ещё с 1940-х гг., который учился в Дамасском университете, окончил магистратуру в Американском университете Бейрута и получил докторскую степень по экономике университета Висконсин-Мэдисон (США) в 1956 г. Этим назначением он стремился продемонстрировать политическую гибкость после Кувейтского кризиса. Однако через шесть месяцев после того, как приверженный либерализации Хаммади стал высказываться о реформах и демократии, он был отстранён (по другой версии – ушёл с поста из-за проблем со здоровьем)¹⁶. На его место С. Хусейн назначил другого шиита, высокопоставленного политического деятеля М.Х. аз-Зубейди (премьер-министр Ирака с 1991 по 1993 г.). Аз-Зубейди также принимал участие в подавлении восстания на шиитском юге страны после того, как коалиция во главе с США разгромила иракскую армию в 1991 г. При этом основную роль в этом деле играл наиболее лояльный С. Хусейну человек, ответственный за внутренние репрессии и депортации – А.Х. аль-Маджид из родственного президенту племени Альбу Насир. В те годы аль-Маджид находился на позициях министра внутренних дел (1991 г.) и министра обороны (1991-1995 гг.). Таким образом,

¹⁶ Saddam's Ally, Former Iraqi Baath Party Leader and Prime Minister, Dies. 2007. *International Herald Tribune*. URL: <https://web.archive.org/web/20070320031800/http://www.ihf.com/articles/ap/2007/03/16/africa/ME-GEN-Iraq-Obit-Hammadi.php> (accessed 07.02.2020)

если в социально-экономической сфере С. Хусейн мог привлекать к управлению технократов, то вопросы безопасности находились в руках его тикритского клана и приближённых ему по партии лиц.

Список лиц, попавших под персональные санкции Управления по контролю за иностранными активами США (*Specially Designated Nationals and Blocked Persons List OFAC, SDN*), проясняет американское видение ключевых деятелей и организаций режима. Опустим семейные связи клана Т. Хайруллы, поскольку к 1990-м гг. их значимость в определении повестки сильно снизилась. В списке *SDN* клану ат-Тикрити уделено особое внимание¹⁷. Стоит отметить, однако, что ат-Тикрити была не единственной подсанкционной фамилией. Скорее, такой список позволяет заключить, что С. Хусейн видел выживаемость режима за теми структурами, которые возглавили представители его клана. Посты в руководстве министерств и ведомств в сферах, не относящихся непосредственно к безопасности, могли занимать не связанные исключительно родственными узами с кланом Тикрити персоналии¹⁸.

Формирование списка *SDN* показывает, что связанные с «тикритским» кланом персоналии занимали в основном позиции в сфере безопасности. Американцы стремились не допустить возможность реализации финансовых схем через этих лиц. Это частично ограничивало ресурсы элиты, но всё же ключевым ударом были санкции в отношении нефтяной отрасли, банковской сферы и запрет на морские перевозки (Нуреев 2017). Значимым показателем влияния санкций

¹⁷ В списке помимо самого С. Хусейна ат-Тикрити, также находились: Рукам Разуки Абдель Гафар ат-Тикрити (глава президентского офиса (администрации) по делам племён); В.И. аль-Хассан ат-Тикрити, советник президента и его сводный брат (был и министром внутренних дел); генерал А.Х. аль-Маджид ат-Тикрити, советник президента и член Совета революционного командования (СРК) Ирака; В. ан-Насири ат-Тикрити, губернатор Басры; С. ат-Тикрити, советник президента и его сводный брат; Б. ат-Тикрити, командующий Специальной Республиканской гвардией, сводный брат С. Хусейна; Х. ат-Тикрити, командующий ВВС Ирака; Х. Тильфах, второй человек в специальной организации безопасности; И. Саттар ат-Тикрити, начальник генерального штаба вооружённых сил Ирака; Д. Султан ат-Тикрити, заместитель главы президентского офиса по делам племен; К. Султан ат-Тикрити, секретарь Республиканской гвардии, командовал обоими корпусами Республиканской гвардии; М. Хасан ат-Тикрити, возглавлял силы ПВО Ирака, заместитель директора Организации военной промышленности; К. Хусейн ат-Тикрити, второй сын С. Хусейна, в его наблюдении находились Специальная Республиканская гвардия, специальная организация безопасности и Республиканская гвардия; Р. Тильфах ат-Тикрити, директор Управления общей безопасности; Т. Хаббуш ат-Тикрити, директор иракской разведывательной службы; У. Саддам Хусейн, старший сын С. Хусейна, возглавлял военизированную организацию «Федаины Саддама»; А. Махмуд ат-Тикрити, секретарь президента, ключевой советник и др.

¹⁸ Так в списке *SDN* от 1995 г. находились следующие лица: Хумам Абдель Халик Абдель Гафур, министр высшего образования и научных исследований; Махмуд Дияб аль-Ахмад, министр жилищного строительства и реконструкции; Абдель Вахаб аль-Атраш, государственный министр; Хикмат Абдулла аль-Баззаз, министр образования; Сафа аль-Хабуби, министр нефти; Хамид Юсеф аль-Хаммади, министр культуры и информации; Иссам Рашид аль-Хувейш, глава Центрального банка; Сади Тума Аббас аль-Джубури, советник президента по военным делам; Ахмад Хусейн аль-Худайр, министр финансов; Шабиб Лазим аль-Малики, министр юстиции; Низар Джума Али аль-Касер, министр ирригации; Карим Хасан ар-Рида, министр сельского хозяйства; Мухаммад Саид ас-Сахаф, министр иностранных дел; Мухаммад Махди ас-Салих, министр торговли; Аршад аз-Зибари, государственный министр; Мухаммад аз-Зубейди, заместитель премьер-министра; Тарик Азиз, заместитель премьер-министра; Самаль Маджид Фарадж, министр планирования; Ахмад Муртада Халил, министр транспорта и коммуникаций; Таха Маруф, вице-президент; Умит Мидхат Мубарак, министр здравоохранения; Таха Ясин Рамадан, вице-президент и заместитель премьер-министра; Абдель Мунир Ахмад Салим, министр вакфов и религиозных дел. Отдельно в этом списке присутствовали и банки: *Agricultural Co-Operative Bank; Al-Rasheed Bank; Industrial Bank of Iraq; Real Estate Bank*.

можно обозначить не только состояние иракского населения (гуманитарная ситуация ухудшалась год от года), но и сокращение ресурсов и раскол в элите. Примером раскола можно назвать скандал 1995 г., когда два зятя президента Саддама Камиль и Хусейн Камиль бежали с семьями в Иорданию (были женаты на дочерях Саддама – Ране и Рагад соответственно). Они одновременно были племянниками министра обороны Али Хасана аль-Маджида¹⁹. Находясь в Иордании, Хусейн Камиль заявил о своей готовности сотрудничать с Иранским национальным конгрессом, однако оппозиция в изгнании не стала вести с ним переговоры.

Этот раскол произошёл после восстания суннитских племён начала 1995 г. и с серьёзными проблемами в экономике страны. Особенно важным показателем шаткости режима стоит назвать восстания на традиционно лояльных Саддаму территориях, населённых суннитами. Так, с апреля по июль 1995 г. восстали представители мощной племенной конфедерации Дулайм. Позднее к ним присоединились племена Шаммар и Албу Нимр (Wurmser 1999). Движение расширилось и стало называться «Союз иракских племён», которое 19 июня 1995 г. публично призвало к объединению усилий с находившимся в изгнании Иракским национальным конгрессом. Ввиду разразившихся ранее боевых действий между ДПК и ПСК в США отстранились от принципиальной поддержки курдов и Иракского национального конгресса. Таким образом, С. Хусейну не было необходимости передислоцировать силы на контролируемый курдами и ИНК север страны. Он смог сконцентрироваться на зонах проживания суннитских племён. Поскольку представители племен Дулайм и Шаммар составляли костяк Республиканской гвардии и других сил безопасности режима, Саддаму пришлось избирательно отнестись к подбору верных частей для подавления восстания. К концу июня ему удалось справиться с этой задачей, в т.ч. и при помощи верных его сыновьям частей добровольческой милиции «Федайин Саддам».

Ввиду экономических и внутривластных проблем президент С. Хусейн, заняв ещё и пост премьер-министра, инициировал изменения в правительстве. Ситуация для некогда всемогущего министра обороны Али Хасана аль-Маджида ухудшилась ещё до побега его племянников. В июле 1995 г. С. Хусейн отстранил его от должности (Cordesman 1997), а ранее, в мае того же года, Хусейн снял с поста министра внутренних дел своего родного брата Ватбана Ибрахима ат-Тикрити, назначив его на символический пост советника президента (Baram 1995). Тем не менее другой брат Саддама Сабави Ибрахим ат-Тикрити ещё сохранял свой пост во главе Управления общей разведки Ирака (Cordesman 1997). Сам Хусейн в том же году провёл прямые выборы президента Ирака, очевидно считая необходимым после череды провальных событий консолидировать таким образом свою власть. Он победил с результатом в 99%, которые не были признаны мировым сообществом.

¹⁹ General Ali Hassan al-Majid. 2003. *Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/news/obituaries/general-ali-hassan-al-majid-36418.html> (accessed 07.02.2020)

Несмотря на консолидацию ключевых позиций в структурах безопасности в руках представителей «тикритского» клана, С. Хусейн всё же не отказывался от своих соратников по партии «Баас». Так, архитектором внешней политики Ирака был христианин-халдей из Мосула вице-премьер Т. Азиз. На протяжении долгих лет вице-премьер курдского происхождения Т. Ясин Рамадан назывался экономическим «царём» Ирака²⁰. Двумя другими созидателями экономической политики были министр нефти К. Тахер аль-Урайби и министр торговли Х. Али²¹. Технократы были инструментально полезны президенту в его диалоге с международным сообществом и привлекались в качестве показательного жеста. Особенно это проявилось во время необходимости подготовки к соглашению и реализации программы «Нефть в обмен на продовольствие» в 1996 г.

Во время начала реализации программы происходили изменения как в раскладе иракской элиты, так и в международных отношениях. Иракцы, включая главного переговорщика Ирака в ООН А. Амира аль-Анбари, надеялись, что начало программы станет первым шагом к постепенному снятию эмбарго. Хотя это и было маловероятным, присутствовало общее понимание того, что соглашение обозначало новый этап в отношениях между Ираком и международным сообществом. То, что ситуация претерпевает изменения, показывают назначения на высокие посты в период 1995-1996-х гг. Именно в 1996 г. в иракскую политику возвращается бывший премьером с марта по сентябрь 1991 г. С. Хаммади. Он становится спикером иракского парламента, обладая богатым политическим опытом, служа в различных министерствах, включая Министерство нефти и иностранных дел (ранее Хаммади уже состоял на позиции спикера парламента с 1983 по 1990 гг.). С 1996 г. и до свержения С. Хусейна он оставался спикером иракского парламента и назывался среди основных претендентов на президентство, хотя и ввиду своих реформистских взглядов был «отодвинут» сыновьями Саддама.

События, разворачивавшиеся в конце 1990-х и начале 2000-х гг. в шиитской среде, совсем не укрепляли устойчивость и авторитет властей. Трения между шиитскими религиозными элитами Ирака и режимом С. Хусейна продолжались и дальше. В 1999 г. после убийства авторитетного шиитского религиозного деятеля М. Садика ас-Садра (которое многие считают заказом С. Хусейна) в районе Ирака Саддам-сити развернулись серьёзные демонстрации, названные «Иракским восстанием». Оно запомнилось также как «интифада Садра» и шиитское восстание 1999 г. Столкновение между восставшими шиитами, среди которых были замечен отряд военизированной организации «Бадр», и армией продолжались с 18 февраля до конца апреля, успев распространиться и на юг страны. Тем не менее восстание было подавлено (Raphaeli 2004).

²⁰ Iraq's Tikritis: Power Base of Saddam Hussein. 1987. *CIA Directorate of Intelligence*. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP88T00096R000400540002-8.pdf> (accessed 07.02.2020)

²¹ Ibid.

В 2001 г. внезапно скончался аятолла С. Хусейн Бахр аль-Улум. Его поспешное погребение вызвало подозрения в его неестественной смерти. Трое других ключевых шиитских религиозных лидеров – аятоллы аль-Буруджирди, аль-Гарави и ас-Садр – были убиты в 1998-1999 гг. Начиная с 1980-х гг. и усиливаясь в 1990-е гг. оппозиция в изгнании (или контрэлита) испытывала всё большее влияние со стороны курдских этноцентричных и шиитских конфессиональноцентричных политических сил. Лица в оппозиции, которые считали необходимым сохранение гомогенизованности и централизованности иракского национализма, чем далее, тем более уступали позиции этноконфессионально ориентированным политическим силам (Hashemi 2017).

Р.М. Нуреев и Е.Г. Бусыгин справедливо замечают, что, несмотря на эффективность экономических санкций, которые были введены против Ирака и Гаити, нельзя не упомянуть, что цели, преследуемые введением этих санкций, были достигнуты не без силового вмешательства (Нуреев, Бусыгин 2017). Действительно, санкции привели к ограничению финансовых возможностей Ирака и его элиты, а в купе с точечными и растянутыми во времени бомбардировками, перманентными подрывными действиями ослабили боеспособность вооружённых сил страны, поскольку их модернизация и новые поставки были невозможны. Стратегические интересы США в 1990-е и 2000-е гг. оставались неизменными – безопасность логистики и инфраструктуры в важном в ресурсном отношении для США регионе Персидского залива и безопасность Израиля как ключевого регионального партнёра. Это одновременно означало перманентное ослабление государств, угрожавших этим интересам США в Персидском заливе и в Восточном Средиземноморье, среди которых особое место занимал Ирак.

В октябре 1998 г. Палата представителей и Сенат США приняли Закон об освобождении Ирака (*Iraq Liberation Act, ILA*)²². Этот документ стал основополагающим в определении американской политики. Закон предписывал, что политикой США должна стать поддержка усилий по отстранению режима во главе с С. Хусейном от власти в Ираке и содействие появлению демократического правительства для замены этого режима (U.S. Congress 1998). Акт был подписан президентом США Биллом Клинтоном, и подразумевал также поддержку оппозиционных властям Ирака сил. Согласно Закону, президент мог предоставить помощь «иракским демократическим оппозиционным организациям» в размере до 97 млн долл. Уже 16 декабря 1998 г. Б. Клинтон авторизовал операцию «Пустынный лис» – четырёхдневные бомбардировки Ирака. В феврале 1999 г. президент США обозначил следующие оппозиционные группы для оказания помощи согласно Закону: Иракское национальное согласие, Иракский национальный конгресс, Исламское движение Иракского Курдистана, Демократическая партия Курдистана, Движение за конституционную монархию,

²² Iraq Liberation Act of 1998. U.S. Congress, 1998. URL: <https://www.congress.gov/105/plaws/publ338/PLAW-105publ338.pdf> (accessed 07.02.2020)

Патриотический союз Курдистана и Исламский Верховный совет Ирака. После событий 11 сентября 2001 г. эскалация вокруг Ирака продолжала нарастать. В 2002 г. в Конгрессе США был одобрен Закон, названный «Иракская резолюция 2002 г.» или «Резолюция по разрешению на применение военной силы против Ирака 2002 г.» (The Authorization for Use of Military Force Against Iraq Resolution of 2002²³), которая уполномочила президента США Дж. Буша-мл. использовать Вооружённые силы США «так, как он считает необходимым и уместным», для того, чтобы «защитить национальную безопасность Соединённых Штатов от постоянной угрозы, исходящей от Ирака, и обеспечить соблюдение всех соответствующих требований Организации Объединённых Наций».

Несмотря на ухудшающееся внутривластное положение, к 2003 г. внутренняя оппозиция режиму так и не была способна выступить против него самостоятельно: власть всё ещё обладала возможностью реагировать на внутренние вызовы, несмотря на внешние угрозы и удушающие санкции. Только силовое вмешательство извне – накопившийся к 2003 г. комплекс юридической базы США, направленный против Ирака – и насильственное прерывание суверенитета Ирака через 13 лет после вступления в силу санкций ООН и США позволило внутренней и внешней оппозиции режиму прийти к власти. Победа контрэлита и суд над старыми элитами Ирака проходил в условиях оккупации со стороны США и их коалиции. Ограниченная легитимность новых властей объясняет начавшийся после 2003 г. всплеск террористической деятельности. Новая элита стала симбиозом ранее дискриминировавшихся шиитских исламистских сил, в основном находивших поддержку в Иране (как партия «Даава» или ВСИРИ), и Иракского национального конгресса (представители которого проживали в странах Запада и лоббировали вторжение в Ирак и его оккупацию с дальнейшей передачей власти в их руки).

Санкционный режим США и ООН постепенно эволюционировал, примером чему служит начатая в 1996 г. программа «Нефть в обмен на продовольствие». Это позволяло режиму С. Хусейна адаптироваться к санкциям при сохранении своей власти. Тем не менее политически активные иракцы в условиях маргинализации целых групп населения в 1990-х гг. покидали страну, чем усиливали внешнюю оппозицию режиму. Сохранение у власти самого С. Хусейна объяснялось способностью предоставлять, хоть и ограниченно, услуги населению, а также жёстким подавлением любых выступлений. Таким образом, внутренняя оппозиция оказалась слаба, в то время как внешняя к 2003 г. так и не оказалась способной организовать единую структуру и оставалась раздробленной, что объяснялось разницей во взглядах между её спонсорами (Ираном, странами Залива, США, Великобританией и др.). Совпадение интересов оппозиции режиму С. Хусейна с политикой США, обусловленное не только израиль-

²³ The Authorization for Use of Military Force Against Iraq Resolution of 2002. US Congress, 2002. URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-joint-resolution/114> (accessed 07.02.2020)

ским лобби, но и внутривластными причинами, привели к американскому вторжению в Ирак в нарушение международного права. Дальнейшая оккупация открыла путь к необходимости снятия санкций и передачи подсанкционных активов в специально созданные США фонды. Вместе с тем вопрос механизмов снятия санкций США и ООН, как и переход средств Фонду развития Ирака (*Iraq Development Fund*), требует отдельного исследования.

Об авторах:

Руслан Шакирович Мамедов – программный координатор Российского совета по международным делам (РСМД). Российская Федерация, 119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, д. 8.
E-mail: rmamedov@russiancouncil.ru.

Владимир Анатольевич Морозов – программный менеджер Российского совета по международным делам (РСМД). Российская Федерация, 119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, д. 8.
E-mail: vmorozov@russiancouncil.ru.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: September 22, 2019
Accepted: January 25, 2020

The Impact of U.S. and UN Sanctions on Iraqi Political Elite

R.Sh. Mamedov, V.A. Morozov
DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-129-146

Russian International Affairs Council (RIAC)

Abstract: The problem of sanctions effectiveness as a means of a regime change is one of the key issues for researchers in the field of sanctions policy. The case of U.S. and UN sanctions against Iraq is one of the most vivid examples of how sanctions can be effective in terms of limiting the undesirable international behavior of a country, while failing to instigate a regime change and severely hampering the social and economic conditions for general population. The article discusses the dynamics of restrictive measures against Iraq during Saddam Hussein regime, the problems of regimes adaptation to international sanctions as well as the evolution of U.S. and UN sanctions against the country. For this purpose the authors reviewed the key UN sanctions documents, as well as the evolution of the main aspects of Iraqi political regime with regards to the power distribution between different groups. The research shows that sanctions aimed at regime change failed to fulfill this task. Despite constantly degrading social and economic conditions, the Saddam Hussein regime demonstrated considerable resilience. This can be attributed primarily to the use of contradictions of complex tribal and religious composition of the country, as well as to oppression

and a relatively effective re-distribution of the scarce resources between different power groups. Under these conditions, even the presence of intra-elite conflicts strengthened the regime, rather than weaken it. Another important factor was the very policy of external pressure on the elite and the country as a whole. The severity of restrictive measures was partially offset by the presence of programs such as "Oil-for-Food", which, given the poor development of the programs themselves, as well as corruption schemes involving its executors, reduced pressure on the regime and, consequently, the effectiveness of sanctions. Thus these factors contributed to the ultimate failure of the sanctions policy towards Iraq in 1990-2003.

Key words: sanctions, Iraq, UN sanctions, U.S. sanctions, political regime, political elite, Saddam Hussein.

About the authors:

Ruslan Sh. Mamedov – Program Coordinator, Russian International Affairs Council (RIAC); 4th Dobryninsky lane, 8, Moscow, Russian Federation, 119049.
E-mail: rmamedov@russiancouncil.ru.

Vladimir A. Morozov – Program Manager, Russian International Affairs Council (RIAC); 4th Dobryninsky lane, 8, Moscow, Russian Federation, 119049; E-mail: rmamedov@russiancouncil.ru.

Conflict of interests:

Authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Ali M.M. 2000. Sanctions and Childhood Mortality in Iraq. *The Lancet*. 355(9218). P. 1851-1857. DOI: 10.1016/S0140-6736(00)02289-3
- Baram A. 1995. Turmoil in Iraq: The Regimes #2 Defects. *Middle East Quarterly*. December. P. 15-21.
- Brzoska M. 2003. From Dumb to Smart? Recent Reforms of UN Sanctions. *Global Governance*. Vol. 9. P. 519-535.
- Clawson P. 1993. *How Has Saddam Hussein Survived? Economic Sanctions, 1990-93*. National Defense University. 97 p.
- Cordesman A.H. 1997. *Iraq: Sanctions And Beyond*. New York, Routledge. 416 p. DOI: 10.4324/9780429499630
- Drezner D. 2011. Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice. *International Studies Review*. 13(1). P. 96-108. DOI: j.1468-2486.2010.01001.x
- Drezner D. 1998. Serious about Sanctions. *National Interest*. Fall. P. 66-74.
- Hashemi N., Postel D. 2017. *Sectarianization: Mapping the New Politics of the Middle East*. Oxford University Press. 320 p.
- Heaton P. 2005. Oil for What? Illicit Iraqi Oil Contracts and the U.N. Security Council. *Journal of Economic Perspectives*. 19(4). P. 193-206.
- Ismael T.Y., Ismael J. S. 2005. Whither Iraq? Beyond Saddam, Sanctions and Occupation. *Third World Quarterly*. 26(4-5). P. 609-629. DOI: 10.1080/01436590500128303
- Jeong Y., Weiner R.J. 2012. Who Bribes? Evidence from the United Nations' Oil-for-Food Program. *Strategic Management Journal*. Vol. 33. P. 1363-1383. DOI: 10.1002/smj.1986
- Khadduri M., Ghareeb, E. 1997. *War in the Gulf, 1990-91: The Iraq-Kuwait Conflict and Its Implications*. Oxford University Press. 190 p.

Luomi M. 2008. *Secterian Identities or Geopolitics? The Regional Shia-Sunni Divide in The Middle East*. The Finnish Institute of International Affairs. 60 p.

Mazaheri N. 2010. Iraq and the Domestic Political Effects of Economic Sanctions. *Middle East Journal*. 64(2). P. 254-268. DOI: 10.3751/64.2.15

Metz H.C. 1990. *Iraq: A Country Study*. Federal Research Division. Library of the U.S. Congress. 302 p.

Osman O. 2015. *Sectarianism in Iraq: The Making of State and Nation since 1920*. Routledge. 358 p.

Rajae F. 1993. *The Iran-Iraq War: The Politics of Aggression*. University Press of Florida. 259 p.

Raphaeli N. 2004. Understanding Muqtada al-Sadr. *Middle East Quarterly*. 11(4). P. 33-42

Spagat M. 2010. *Truth and Death In Iraq Under Sanctions. Significance*. The Royal Statistical Society. P. 106-120.

Wurmser D. 1999. *Tyranny's Ally: America's Failure to Defeat Saddam Hussein*. Aei Press. 150 p.

Nureev R.M., Busygin E.G. 2017. Ekonomicheskiye sanktsii: izderzhki i vygody konfrontatsii [Economic Sanctions: Costs and Benefits of Confrontation]. *Terra Economicus*. 15(3). P. 56-72. (In Russian)

Valetsky O.V., Girin A.V., Markin A.V., Neelov V.M. 2015. *Uroki Iraka. Taktika, strategiya i tekhnika v Irakskikh voynakh SSHA* [Iraq Lessons. Tactics, Strategy and Techniques in U.S. Iraqi Wars]. Moscow: Izdatel' Vorob'yev A.V. 212 p. (in Russian)

Литература на русском языке:

Валецкий О.В., Гирин А.В., Маркин А.В., Неелов В.М. 2015. *Уроки Ирака. Тактика, стратегия и техника в Иракских войнах США*. Москва: Издатель Воробьев А.В. 212 с.

Нуреев Р.М., Бусыгин Е.Г. 2017. Экономические санкции: издержки и выгоды конфронтации. *Terra Economicus*. 15(3). С. 56-72.

Роль социально-гуманитарного фактора во внешней деятельности Южной Кореи в контексте корейского урегулирования

О.С. Пугачева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В условиях развития социально-гуманитарного измерения мировой политики возникают возможности для усиления роли и влияния «средних держав» в международных отношениях, в связи с чем анализ подходов и политики этих стран по использованию социально-гуманитарного фактора с целью балансирования в условиях существующего мирополитического баланса сил и обеспечения их внешнеполитических интересов является необходимым для понимания и оценки политических возможностей подобных стран на мировой арене. Целью данной статьи является выявление особенностей деятельности Южной Кореи в социально-гуманитарной сфере мировой политики с точки зрения южнокорейских внешнеполитических интересов. Исследовательский вопрос состоит в определении роли социально-гуманитарного фактора и, в частности, публичной дипломатии во внешней деятельности Южной Кореи в контексте корейского урегулирования. В результате исследования выявлено, что, используя публичную дипломатию и национальный брендинг в качестве инструментов конструирования роли Южной Кореи как «средней державы», южнокорейское руководство стремится обеспечить стране участие в создании норм и правил в различных областях глобального управления. Южная Корея продвигает дискурс, который способствует конструированию и укреплению её статуса «средней державы», а также формированию соответствующей национальной идентичности. Ключевой задачей публичной дипломатии Южной Кореи является продвижение южнокорейской позиции по корейскому урегулированию. В частности, Южная Корея активно вовлечена в публично-дипломатическую деятельность по корейскому вопросу в отношении США, позиция которых является одной из ключевых для его решения. В ходе анализа роли социально-гуманитарного измерения в межкорейских отношениях продемонстрировано, что различные южнокорейские администрации приоритизировали различные функции социально-гуманитарного фактора. При консервативных администрациях акцент делался на информационном давлении на КНДР, при этом развитие межкорейских отношений ставилось в зависимость от денуклеаризации Северной Кореи. Прогрессивные администрации предпочитали использовать подход вовлечения КНДР в социально-гуманитарные и экономические связи. В первом случае итогом становились откат в межкорейских отношениях и дальнейшее наращивание военной ядерной программы КНДР. Во втором случае социально-гуманитарная область была и остаётся измерением, в котором

УДК 327

Поступила в редакцию: 05.11.2019 г.

Принята к публикации: 03.02.2020 г.

существуют перспективные возможности взаимодействия, выгодного обеим сторонам. Кроме того, можно сделать вывод, что социально-гуманитарный фактор в межкорейских отношениях служит подушкой безопасности и трамплином в периоды обострения межкорейского конфликта и возникновения необходимости найти выход из тупика.

Ключевые слова: Южная Корея, КНДР, Корейский полуостров, социально-гуманитарное сотрудничество, публичная дипломатия, межкорейский конфликт, корейский вопрос, «средняя держава».

С 1980-х гг. начался резкий экономический рост Республики Корея, который позволил ей стать одним из экономических лидеров Азиатско-Тихоокеанского региона и мира. Необходимость продвижения интересов бизнеса в мировой экономике ставила перед южнокорейским руководством задачу по поиску способов укрепления имиджа и бренда Республики Корея. В политической плоскости и области безопасности главной проблемой для Республики Корея остался неурегулированный корейский вопрос, в частности до сих пор отсутствует мирный договор, который бы официально положил конец Корейской войне 1950-1953 гг.

Корейский вопрос охватывает ряд переплетающихся между собой проблем, в числе которых сам межкорейский конфликт, а также неурегулированность отношений Северной Кореи с США и Японией. К концу 80-х гг. XX в. корейский вопрос дополнился ядерным фактором, в результате чего на первый план в комплексе проблем Корейского полуострова вышло решение ядерной проблемы.

Поиск путей решения ядерной проблемы Корейского полуострова осуществлялся главным образом по линии классической дипломатии путём политических переговоров, в том числе осуществлявшихся через многосторонний формат, – шестисторонние переговоры с участием Республики Корея, КНДР, США, Китая, России и Японии. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия по политической линии и жёсткий режим санкций в отношении КНДР, северокорейская ядерная и ракетная программы продолжали развиваться. В политическом плане северокорейское руководство также принимало меры, направленные на легитимизацию ядерного оружия, свидетельствующие в том числе о решимости КНДР сохранить имеющийся ядерный потенциал в качестве сдерживающего фактора. В частности, в 2016 г. в Конституцию КНДР была добавлена статья, указывающая на достижение Северной Кореей статуса ядерной державы. По состоянию на июнь 2019 г. американо-северокорейский политический диалог по денуклеаризации КНДР вновь оказался в тупике, несмотря на состоявшиеся в июне 2018 г. и феврале 2019 г. встречи между президентом США Дональдом Трампом и главой КНДР Ким Ченыном. Провал американо-северокорейского

саммита продемонстрировал, что позиции сторон по решению ядерной проблемы Корейского полуострова по-прежнему расходятся, и ни Вашингтон, ни Пхеньян не готовы идти на компромиссы.

Отсутствие прогресса в деле нормализации отношений между КНДР и США и денуклеаризации Северной Кореи препятствует политическому урегулированию непосредственно межкорейских отношений. Несмотря на переговоры на высшем политическом уровне, ряд саммитов между лидерами двух Корей в 2000 г. и 2007 г. и подписание двусторонних документов, направленных на установление мира в межкорейских отношениях, периоды снижения напряжённости на Корейском полуострове в скором времени сменялись возобновлением конфронтации, периодически выливавшейся в вооружённые инциденты.

В этой связи возникает вопрос: существуют ли какие-то дополнительные средства для того, чтобы ускорить решение северокорейской проблемы, способствовать включенности Северной Кореи в процесс нормализации межкорейских отношений?

Согласно оценкам исследователей, в мировой политике возросло значение социально-гуманитарной компоненты, что связано, прежде всего, с переосмыслением и повышением роли человека в мировой политике и других сферах, его вовлечением в транснациональные отношения (Лебедева 2018: 8). При этом социально-гуманитарная сфера мировой политики выступает не только в качестве собственно социально-гуманитарных связей и отношений, служа средством развития и сотрудничества, но и в качестве ресурса оказания воздействия на другие страны (Лебедева 2018: 8). Воздействие оказывается главным образом посредством различных инструментов публичной дипломатии. В условиях транснационализации отношений открываются новые возможности, каналы и площадки как для публичной дипломатии, которая осуществляется в социальной-гуманитарном поле мировой политики, так и для политической активности негосударственных участников мировой политики.

Южная Корея не осталась в стороне от данной тенденции, начав использовать социально-гуманитарный фактор в своих интересах ещё с конца 1980-х гг. В частности, Летние Олимпийские игры в Сеуле (1988 г.) явились примером использования социально-гуманитарного ресурса для того, чтобы заявить о себе как об экономически успешном и динамически развивающемся государстве. Будучи экспортоориентированной экономикой, Южная Корея активно действовала в социально-гуманитарной области, проводя культурную дипломатию, носившую преимущественно коммерциализированный характер (Cull 2012; Oh 2012; Melissen, Kim 2018) и была направлена, в первую очередь, на оказание поддержки деятельности южнокорейских компаний за рубежом¹. При этом для продвижения экономических интересов государства и бизнеса использовалось такое явление

¹ Diplomatic White Paper 2007. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5684/list.do?page=3&srchFr=&srchTo=&srchWrd=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm (accessed 08.02.2020)

как «корейская волна», которое нашло выражение в росте популярности массовой культуры Южной Кореи – музыки, киноиндустрии, кулинарии, тхэквондо – сначала в Восточной и Юго-Восточной Азии, а затем в других регионах мира.

В последнее время Республика Корея ориентирована также и на политическое использование гуманитарной составляющей, анализу которого и посвящена настоящая статья. С 2010 г. Республика Корея официально включила публичную дипломатию в свой внешнеполитический инструментарий, объявив её одной из трёх опор своей внешней политики наряду с традиционной и экономической дипломатией². В 2016 г. в Южной Корее был принят «Акт о публичной дипломатии», а затем разработан «План по публичной дипломатии на 2017–2021 гг.», в которых социально-гуманитарная активность официально рассматривалась с точки зрения содействия реализации политических интересов страны³. В этом контексте исследовательский вопрос данной статьи звучит следующим образом: какова роль социально-гуманитарного фактора и, в частности, публичной дипломатии во внешней деятельности Южной Кореи, связанной с корейским урегулированием? Целью статьи является выявление особенностей деятельности Южной Кореи в социально-гуманитарной сфере мировой политики в контексте южнокорейских внешнеполитических интересов. В первой части статьи анализируются инициативы Южной Кореи в области брендинга и публичной дипломатии, направленные на поиск и конструирование её роли в мировых делах и глобальном управлении. Затем автор рассматривает публичную дипломатию Южной Кореи по корейскому вопросу в отношении США, позиция которых имеет ключевое значение в корейском урегулировании. В завершение автором будет произведена оценка подходов консервативных и прогрессивных южнокорейских администраций к использованию социально-гуманитарного фактора в отношениях с Северной Кореей, а также дискурса, продвигаемого публичной дипломатией Южной Кореи в период президентства Ли Мёнбака, Пак Кынхе и действующего президента Мун Чжэина.

Публичная дипломатии Южной Кореи как «средней державы»

К так называемым «средним державам» относятся государства, которые обладают мощным экономическим и военным потенциалом, однако не способны действовать на международной арене в одиночку, в силу чего привержены международному праву и многосторонним институтам, а также используют «мягкую силу» и сети для того, чтобы оказывать влияние на мировую политику⁴.

² Public Diplomacy of Korea. URL: <http://www.publicdiplomacy.go.kr/english/index.jsp> (accessed: 08.02.2020)

³ 제1차 대한민국 공공외교 기본계획 (2017-2021) [Plan on Public Diplomacy (2017-2021)] (In Korean). URL: http://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4075/view.do?seq=366226&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=5 (accessed 08.02.2020)

⁴ Sohn Yul. 2015. Searching for a New Identity: South Korea's Middle Power Diplomacy – Analysis. *Eurasiareview.com*. URL: <https://www.eurasiareview.com/18122015-searching-for-a-new-identity-south-koreas-middle-power-diplomacy-analysis/> (accessed 08.02.2020)

Положение страны в иерархии мировой политики, имеющиеся у неё ресурсы определяют цели и задачи её публичной дипломатии. Великие державы стремятся с помощью реализации стратегии «мягкой силы» распространить и закрепить своё доминирование в мире и/или приоритетных регионах. Задачами их публичной дипломатии могут быть отстаивание своего видения глобального мирового порядка и правил поведения в нем, объяснение своей позиции и внешнеполитической деятельности, а также ребрендинг (Bátora 2005). Для «средних держав» публичная дипломатия служит средством для привлечения внимания к себе, отстаивания и объяснения более узких вопросов, непосредственно касающихся их либо представляющих для них особый интерес (Bátora 2005). «Средние державы» имеют ограниченные ресурсы, и поэтому могут эффективно реализовать свой потенциал в мировой политике, ограничившись несколькими нишами, в которых они имеют конкурентные преимущества (Cooper 1997; Henrikson 2005). При этом публичная дипломатия может стать эффективным инструментом внешней политики средних держав, позволяющим им успешно продвигать и реализовывать свои инициативы в отдельных областях политического, экономического и социально-гуманитарного сотрудничества.

Социально-гуманитарная сфера стала рассматриваться как возможность усиления влияния Южной Кореи на международной арене в качестве «средней державы». Стремление южнокорейских администраций повысить роль Южной Кореи в мировой политике было связано с несколькими факторами. Во-первых, сохранялись экономические мотивы, связанные с обеспечением доступа к зарубежным рынкам сбыта и ресурсам. Во-вторых, Южная Корея стремилась участвовать в формировании глобальной повестки дня мировой экономики и политики. При администрации Ли Мёнбака (2008-2013 гг.) Республика Корея наиболее активно позиционировала себя как держава среднего уровня, используя при этом маркетинговые стратегии по продвижению бренда Южной Кореи. Деятельность Южной Кореи по продвижению своего бренда опиралась на получившую популярность концепцию «национального бренда» С. Анхольта. Согласно ему и другим специалистам в области национального бренда, в современном мире глобальной конкуренции странам необходимо заниматься своей репутацией, чтобы оставаться конкурентоспособными на мировом рынке (экспорт, образование, туризм, инвестиции)⁵ (Anholt 2013) и иметь возможность участвовать в принятии решений по вопросам глобального управления (Aronczyk 2013: 16).

Стремление Республики Корея к повышению международного статуса имело под собой основания: увеличение веса страны в мировой экономике, её глубокая интеграция и зависимость от мировой торговли, а также изменения в иерархии глобального мирового порядка, которые обнажил мировой эконо-

⁵ Anholt S. 2008. Anything Wrong with Korea's Image Today? URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/issues/2013/08/260_32443.html (accessed 08.02.2020)

мический кризис 2008-2009 гг. Создание «Большой двадцатки» свидетельствовало о трансформации глобального управления и повышении в нём структурного веса ряда «средних держав». Для Южной Кореи «Группа двадцати» стала платформой для реализации потенциала, которая расширила её возможности по позиционированию себя в качестве моста между развитыми и развивающимися странами (Melissen, Sohn 2015: 41). Обоснованием роли связующего звена между развитыми и развивающимися государствами служит модель экономического развития Южной Кореи, позволившая ей за два поколения перейти из разряда страны-реципиента иностранной помощи в разряд страны-донора.

Вместе с тем в начале 2000-х гг. Южная Корея столкнулась с несоответствием между тем, какой страна стала благодаря экономическим успехам, и её международным имиджем: большинство населения в зарубежных странах считало, что Республика Корея – это бедная развивающаяся страна, и многие зачастую путали её с Северной Кореей⁶. Поэтому президент Южной Кореи Ли Мёнбака в качестве приоритетной задачи своей внешней политики выдвинул улучшение имиджа и репутации Южной Кореи, чтобы она воспринималась в мире как развитая страна⁷.

Некоторые исследователи склонны видеть в политике администрации Ли Мёнбака по продвижению бренда Южной Кореи не просто пиар-компанию, а продолжение стратегий предыдущих правительств, идущих от генерала Пак Чонхи, при котором Южная Корея встала на путь капиталистического развития, нацеленная на превращение в модернизированное развитое государство (Schwak 2016: 428). Согласно Дж. Швак, перед Ли Мёнбаком стояла цель с помощью национального брендинга подвести черту под усилиями предыдущих администраций и добиться признания международным сообществом Республики Корея в качестве одного из ведущих игроков международной системы. При этом, стоит отметить, что стратегия национального брендинга Ли Мёнбака была ориентирована не только вовне, но и вовнутрь. В частности, она предполагала формирование в Южной Кореи мультикультурного и открытого общества и вовлечение граждан Южной Кореи в процесс создания коллективной конкурентоспособной идентичности (Schwak 2016).

Главным драйвером усилий Южной Кореи по продвижению своего бренда теперь уже не только в коммерческих, но и политических целях стала «корейская волна», которая была в центре маркетинговой кампании *Global Korea*, проводившейся Советом по брендингу совместно с бизнесом, представленным южнокорейскими финансово-промышленными конгломератами – чэболями – (*Samsung, LG, Hyundai*) и компаниями развлекательной отрасли (*SM, YG, JYP*) (Schwak 2016: 437). Благодаря «корейской волне» в корне изменились восприя-

⁶ Anholt S. 2008. Anything Wrong with Korea's Image Today? URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/issues/2013/08/260_32443.html (accessed 08.02.2020)

⁷ Branding Korea. 2008. URL: <http://nation-branding.info/2008/08/16/branding-korea/> (accessed 08.02.2020)

тие и образ Южной Кореи в мире. Кроме того, вместе с продвижением южнокорейской культуры и южнокорейского развлекательного контента осуществляется популяризация корейского языка и привлекаются иностранные студенты в университеты Южной Кореи. Корейский язык преподаётся в корейских культурных центрах (ККЦ), подведомственных Министерству культуры, спорта и туризма. С 2007 г. при иностранных университетах, культурных центрах РК в зарубежных странах стали открываться образовательные центры имени Короля Сэчжона Великого, в которых также обучают корейскому языку и проводят различные культурные мероприятия. По данным на 2017 г., в 54 странах открыт 171 образовательный центр⁸. Об успешности действий Кореи по распространению корейского языка свидетельствует рост числа иностранцев, сдающих международный экзамен на знание корейского языка – TOPIС. За 20 лет – с начала проведения экзамена в 1997 г. по 2017 г. – их число увеличилось в 107 раз, составив 2120168 человек⁹.

Помимо использования активов «корейской волны», в рамках плана по продвижению политического бренда Кореи было активизировано взаимодействие на уровне гражданского общества в социально-гуманитарной сфере путём создания ряда механизмов сотрудничества. К таким механизмам следует отнести запуск волонтерской программы *World Friends Korea*, которая интегрировала программы в этой сфере, ранее осуществлявшиеся различными министерствами. Данная программа предполагает ежегодное отправление за границу 3 000 волонтеров для работы в разных сферах, включая образование, здравоохранение, сельское хозяйство, защиту окружающей среды, информационный сектор. Программа *Korean Wave* предполагала передачу южнокорейского опыта развития развивающимся странам, оказание им технической помощи и одновременно продвижение южнокорейской массовой культуры и товаров. Также следует упомянуть реализацию программы *Campus Asia (Collective Action for Mobility Program of University Students in Asia)*, направленную на развитие студенческой мобильности между университетами Южной Кореи, Китая и Японии, аналог европейской образовательной программы *Erasmus*¹⁰.

Ещё одним измерением публичной дипломатии Южной Кореи стали попытки южнокорейского руководства нащупать ниши, в которых Республика Корея могла бы эффективно реализовать свой потенциал «средней державы», используя конкурентные преимущества. Данный феномен получил название нишевой дипломатии, т.е. дипломатии в конкретной сфере, в которой страна способна внести вклад в «глобальное общественное благо» и тем самым повы-

⁸ Первому Образовательному центру имени короля Сэчжона Великого 10 лет. Korean Broadcasting System. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Cu_detail.htm?lang=r&id=Cu&No=50566¤t_page=4 (дата обращения 08.02.2020)

⁹ Более 2 млн иностранцев сдали экзамен по корейскому языку. Korean Broadcasting System. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Cu_detail.htm?lang=r&id=Cu&No=51000¤t_page=2 (дата обращения 08.02.2020)

¹⁰ "CAMPUS Asia" and Quality Assurance. URL: <https://www.niad.ac.jp/english/campusasia/> (accessed 08.02.2020)

сить свою роль в глобальном управлении (Henrikson 2005). При этом некоторые исследователи в традиции реалистской школы международных отношений видят задачу публичной дипломатии в том, чтобы представить национальную политику как служащую интересам глобального блага (т.е. всего человечества), несмотря на то, что страна действует исходя из собственных интересов (Henrikson 2005: 75). На такой тезис представители неолиберализма, вероятно, возразили бы, что подобная позиция контрпродуктивна для наращивания «мягкой силы» государства, а также его имиджа и репутации. Так, отмечавшееся критиками явное прослеживание стратегических интересов за тем, кому и каким образом Южная Корея оказывает помощь развитию (преобладание кредитов над грантами, двусторонних форматов оказания помощи над многосторонними механизмами и приоритет Азии над другими регионами)¹¹, накладывает негативный отпечаток на её усилия по наращиванию «мягкой силы». Более того, открытое использование термина «мягкая сила» в официальных документах и на правительственных сайтах, посвящённых реализации южнокорейской политики содействия в области развития развивающимся странам, имело обратный эффект для репутации Южной Кореи (Howe 2015).

Республика Корея обладает потенциалом для проведения нишевой дипломатии. На официальном уровне выражается готовность принимать активное участие в решении различных проблем международного сообщества¹². Однако исследователи отмечают наличие риска непоследовательности южнокорейских усилий в определенных областях ввиду того, что новые южнокорейские администрации зачастую меняли внешнеполитический курс своих предшественников¹³ (Snyder 2015). Вместе с тем некоторые исследователи считают, что среди политических кругов Южной Кореи в целом сложился консенсус относительно областей глобальной политики, в которых она может и должна стать лидером, формирующим повестку дня и правила игры. Рэмон Пачеко Пардо к таким нишам относит помощь развитию, зелёную экономику и многостороннюю дипломатию¹⁴. Помимо этого, Корея участвует в операциях по поддержанию мира, ликвидации последствий стихийных бедствий, выступает за защиту и продвижение прав человека, позиционирует себя как один из лидеров ИТ-технологий, стремится укрепить свои позиции в области ядерного нераспространения, а также выступать организатором крупных многосторонних международных мероприятий в тех областях, в которых она стремится играть одну из ключевых ролей. В период президентства Ли Мёнбака (2009-2013 гг.) в Южной Корее со-

¹¹ South Korea: Rejuvenating the Traditional Aid, 2014. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/south-korea-rejuvenating-traditional-aid-10211> (accessed 08.02.2020)

¹² Keynote Speech from South Korea's Ambassador for Public Diplomacy, October 2017. URL: <https://www.uscpublicdiplomacy.org/story/keynote-speech-south-koreas-ambassador-public-diplomacy> (accessed 08.02.2020)

¹³ Robertson J. 2018. Is South Korea Really a Middle Power? *Eastasiaforum.org*. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/05/02/is-south-korea-really-a-middle-power/> (accessed 08.02.2020)

¹⁴ Pardo R.P. 2018. Moon and South Korea's Global Role: Evolution Not Revolution. 2018. URL: https://www.korea-chair.eu/wp-content/uploads/2018/11/KFVUB_Policy_Brief_2018-10.pdf (accessed 08.02.2020)

стоялся Саммит G-20 (Сеул, 2010 г.), Саммит по ядерной безопасности (Сеул, 2012 г.), Четвёртый форум высокого уровня по повышению эффективности внешней помощи (Пусан, 2011 г.). Также в 2012 г. было принято решение о размещении в Инчхоне штаб-квартиры Зелёного климатического фонда, призванного помогать развивающимся странам в смягчении последствий глобального потепления и в развитии низкоуглеродных технологий.

Южная Корея прилагает усилия в выбранных областях так, чтобы они ассоциировались с её ведущей ролью и активным вкладом в глобальное благо. Ответ на вопрос, насколько успешны эти усилия, неоднозначен, но предпринимаемых южнокорейским руководством действий недостаточно. Дж. Робертсон отмечает, политический курс Республики не соответствует политике «средней державы», поскольку отсутствуют последовательные и креативные инициативы в области глобального управления¹⁵. Причин тому несколько. Во-первых, в Южной Корее ещё не сформировалась идентичность «средней державы». Во-вторых, сохраняется высокая конкуренция среди стран, претендующих на этот статус и рассчитывающих реализовать себя в тех же нишах, что и Южная Корея. В-третьих, остаются неурегулированными проблемы Корейского полуострова (что означает отвлечение ресурсов и зависимость от США) (Мо 2017). В-четвёртых, ограничивающим фактором для публичной дипломатии, равно как и внешней политики в целом, является политически поляризованное население (Melissen, Kim 2018). В-пятых, концепциям «средней державы», выдвинутым разными южнокорейскими администрациями, не хватает чётко сформулированного долгосрочного стратегического видения, обеспечивающего последовательность внешнеполитической деятельности¹⁶. Основной причиной этого служат действующая конституция и партийная система Южной Кореи, в частности и то, что президент избирается всего на один срок¹⁷.

Несмотря на данные ограничения, руководство Южной Кореи продолжает конструировать роль Республики Корея на международной арене. Международные роли – это конструкторы (Henrikson 2005), поэтому задача публичной дипломатии страны состоит в формировании дискурса, продвигающего её статус «средней державы» за рубежом и способствующего созданию соответствующей национальной идентичности, обеспечивающей поддержку внешней политики и публичной дипломатии страны со стороны собственных граждан. Население Южной Кореи, в том числе в силу его политической расколотости, является важным объектом южнокорейской публично-дипломатической стратегии. При Мун Чжэине население стало главным приоритетом публичной дипломатии Ре-

¹⁵ Robertson J. 2018. Is South Korea Really a Middle Power? *Eastasiaforum.org*. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/05/02/is-south-korea-really-a-middle-power/> (accessed 08.02.2020)

¹⁶ Kim Sung-mi. 2016. South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/south-koreas-middle-power-diplomacy-changes-and-challenges> (accessed 08.02.2020)

¹⁷ Robertson J. 2018. Is South Korea Really a Middle Power? *Eastasiaforum.org*. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/05/02/is-south-korea-really-a-middle-power/> (accessed 08.02.2020)

спублики Корея, что связано как с необходимостью подготовки собственных граждан в качестве инструмента/партнёра государства по проведению публичной дипломатии, так и, как отмечает Дж. Мелиссен, отражает общий глобальный тренд смещения внимания публичной дипломатии государств в пользу собственного населения (Mellissen, Kim 2018). Данная тенденция обусловлена стремлением государств не потерять своё собственное население в том плане, чтобы сохранить возможности осуществления контроля над общественным мнением и обеспечением лояльности граждан государственным институтам в условиях прозрачности границ между государствами как территориальных, так и информационных. Кроме того, «внутренняя» южнокорейская публичная дипломатия ориентирована на иностранцев, проживающих в Южной Корее, формирующих своё представление о стране изнутри и способных стать проводниками культуры и влияния Южной Кореи за рубежом.

Публичная дипломатия Южной Кореи по корейскому вопросу

Корейский вопрос имеет первостепенное значение для южнокорейской внешней политики, так как напрямую затрагивает проблему обеспечения национальной безопасности страны, а также оказывает влияние на роль и идентичность Республики Корея на международной арене. Обладая недостаточным политическим весом и влиянием, чтобы определять ситуацию на Корейском полуострове, Южная Корея использует публичную дипломатию для обеспечения своих интересов по корейскому вопросу. Продвижение южнокорейской позиции по корейскому урегулированию является одной из ключевых составляющих её публичной дипломатии¹⁸. При этом активность в области публичной дипломатии по корейскому урегулированию направлена, прежде всего, на те страны, позиция которых способна повлиять на положение дел на Корейском полуострове: США, Китай, Россия, Япония, а также ЕС¹⁹. В данной статье рассматривается публичная дипломатия Южной Кореи по корейскому вопросу в отношении США, позиция которых имеет ключевое значение в процессе корейского урегулирования.

Программы публичной дипломатии по корейской проблеме нацелены в первую очередь на американских политиков, исследовательские центры и университеты. Широкое распространение получили мероприятия с привлечением негосударственных участников по линии дипломатии полуторного трека, в рамках которого происходит взаимодействие между представителями правительственных структур в личном качестве и представителями негосударственных организаций, и второго трека дипломатии, в котором осуществляется диалог

¹⁸ Joel Lee. Herald Interview. "Public Diplomacy Critical for Peace in Perilous Times". URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180409000750> (accessed 08.02.2020)

¹⁹ Shin Hyon-hee. New Law to Boost Public Diplomacy. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20160804000679> (accessed 08.02.2020)

на уровне негосударственных участников международной коммуникации. Так, вскоре после инаугурации Дональда Трампа в США направились южнокорейская делегация по публичной дипломатии, которая провела встречи с представителями научного сообщества и Конгресса, чтобы углубить своё понимание внешней политики новой администрации и разработать эффективную стратегию публичной дипломатии в отношении США. Представители Министерства иностранных дел Республики Корея провели презентации в крупных городах США с целью разъяснения южнокорейской внешней политики²⁰. Публичная дипломатия выступает в качестве подхода, дополняющего классическую дипломатию. Так, важной задачей публичной дипломатии накануне саммитов Ким Ченына с Мун Чжэином и Дональдом Трампом было информирование и склонение Конгресса США к позиции, выгодной для Южной Кореи²¹.

Главная роль в налаживании связей с научным сообществом и политическими кругами США принадлежит Корейскому фонду, который был создан в 1991 г., а в 2017 г. назначен органом, ответственным за проведение публичной дипломатии Южной Кореи. При поддержке Корейского фонда совместно с исследовательскими центрами, университетами и НПО США проходят различные конференции и семинары по вопросам, касающимся Корейского полуострова. Корейский фонд запустил такой проект как Корейские отделы при исследовательских центрах: три из четырёх были созданы в США: в Центре стратегических и международных отношений (ЦСМО) (2009), в Брукинском университете (2014) и в «РЭНД Корпорейшн» (2018)²².

Корейские отделы при исследовательских центрах возглавляются авторитетными американскими исследователями по Корее. Они призваны продвигать исследовательскую повестку дня по корейской проблематике и осуществлять функцию наставничества молодых специалистов-корееведов. Кроме того, задача руководителя Корейского отдела состоит в установлении партнёрских отношений с исследовательскими институтами в Южной Корее и проведении симпозиумов, конференций, осуществлении научных обменов и совместных исследовательских проектов²³. С 2011 г. ежегодно Центр стратегических и международных исследований совместно с *JoongAng Media Group* проводят конференции, посвящённые актуальным вопросам американско-южнокорейских отношений, а также политике и безопасности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии²⁴. С 2016 г. Корейский Фонд и ЦСМО ежегодно организуют Корейско-американский стратегический форум, который объединяет

²⁰ Diplomatic White 2018 Paper. P. 224-225. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5684/list.do (accessed 08.02.2020)

²¹ Joel Lee. Herald Interview "Public Diplomacy Critical for Peace in Perilous Times". URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180409000750> (accessed 08.02.2020)

²² Public Diplomacy Critical for Multicultural Korea [Interview]. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/12/176_260478.html (accessed 08.02.2020)

²³ Gift from the Korea Foundation Establishes Chair in Korea Policy Studies at RAND Corporation. URL: <https://www.rand.org/news/press/2018/01/09/index1.html> (accessed 08.02.2020)

²⁴ CSIS in Seoul. URL: <https://www.csis.org/programs/korea-chair/csis-seoul> (accessed 08.02.2020)

представителей экспертно-научного сообщества, СМИ и бывших и действующих дипломатов и государственных служащих.

ЦСМО и Институт корейских исследований Университета Южной Каролины инициировали при поддержке Корейского фонда программу *U.S. – Korea NextGen Scholars Program*, нацеленную на будущее поколение американских специалистов по Корее. Кроме того, Корейский фонд приглашает в Южную Корею будущих лидеров в рамках программ *Next Generation Leaders Program*, *U.S. – Korea NextGen Scholars Program*, *Next Generation Policy Experts Program*. С 2015 г. Корейский фонд организует Диалог выпускников программ подготовки будущего поколения политических экспертов²⁵. Данные форматы позволяют установить и поддерживать сеть профессиональных контактов с будущими и действующими исследователями и политиками, получать информацию и принимать участие в формировании дискурса исследований, проводимых участниками данной сети.

Южнокорейские исследовательские центры активно вовлечены в публичную дипломатию, при этом большая часть их активности тематически касается проблем Корейского полуострова. Проводятся различные конференции совместно с американскими исследовательскими центрами, университетами и НПО²⁶. Наибольшую активность в проведении южнокорейской публичной дипломатии в США проявляет Институт Сэчжона. В качестве примера проводимых им мероприятий можно привести Форум Сеул-Вашингтон 2018, который прошёл в Совете по международным делам в Вашингтоне.

Южнокорейские компании вносят свой вклад в развитие и проведение публичной дипломатии в США путём спонсирования различных проектов²⁷, а также финансирования американских НПО, занимающихся укреплением отношений между США и Южной Кореей²⁸. Интересы бизнеса связаны с развитием «мягкой силы» Южной Кореи, продвижением её государственного бренда в целях повышения собственной прибыли и укрепления своих позиций на рынке США.

Оригинальный подход к публичной дипломатии, как отмечает Кент Колдер, применяет Корейский экономический институт (КЭИ) в США²⁹. Это, прежде

²⁵ В 2016 г. проходили презентации и дискуссии по таким темам как «Северокорейская ядерная проблема: санкции и перспективы», «Мир и стабильность на Корейском полуострове и в Восточной Азии». См.: KF Next Generation Policy Experts Alumni Dialogue 2016 Held in Seoul. URL: http://en.kf.or.kr/?menuuno=3767&type=view&evnt_no=2204&pageInd ex=75&searchevnt=0 (accessed 08.02.2020)

²⁶ В частности, южнокорейский мозговой центр АСАН и американский Фонд Карнеги за международный мир организовали в марте 2019 г. конференцию, посвящённую оценке результатов второго саммита между Ким Ченыном и Дональдом Трампом. В 2017 г. Корейский институт национального объединения и Внешнеполитическая ассоциация провели конференцию на тему «Текущие вызовы для Корейского полуострова и перспективы объединения».

²⁷ При поддержке Hyundai Motor Company и Корейского фонда в 2015 г. в Центре Вудро Вильсона был создан Центр корейской истории и публичной политики. См.: Hyundai Motor-Korea Foundation Center for Korean History and Public Policy. URL: <https://www.wilsoncenter.org/program/hyundai-motor-korea-foundation-center-for-korean-history-and-public-policy> (accessed 08.02.2020)

²⁸ Самые крупные суммы (100 тыс. Долл. США и выше) были получены НПО Korea Society от семи южнокорейских предприятий (GS Caltex, Hyundai Motor Group, LG Electronics, Poongsan Corporation, POSCO, Samsung Electronics и SK Group) и Корейского фонда. См.: The Korea Society 2017 Annual Report. P.18.

²⁹ Calder K. Public Diplomacy: Why It Matters and How It Works. 2014. URL: <https://www.nippon.com/en/features/c00718/public-diplomacy-why-it-matters-and-how-it-works.html> (accessed 08.02.2020)

всего, «форумы по формированию программы действий дипломатии второго уровня» (Calder 2014). Офис КЭИ находится в Вашингтоне. В нём проводятся лекции, нетворкинг-сессии, применяется подкастинг – *Korean Kontext*, посвящённый отношениям между Южной Кореей и США. Местоположение в Вашингтоне обеспечивает исследовательскому центру стратегическое присутствие, позволяющее заработать сетевой и политический капитал, который необходим для лоббирования через сеть и распространения идей (Вајенова 2018). Отметим, что аналогичные цели преследуют корейские отделы при американских исследовательских центрах, а также отделение южнокорейского мозгового центра АСАН, находящееся в Вашингтоне.

Американские аналитические центры используются высшим руководством Южной Кореи в качестве площадок публичной дипломатии. В ходе своих визитов в США президенты Южной Кореи Пак Кынхе и Мун Чжэин выступали с речью в Центре стратегических и международных исследований в 2015 г. и 2017 г. соответственно. Во время своего визита в США в сентябре 2018 г. Мун Чжэин посетил Совет по международным делам, где он рассказал о развитии событий на Корейском полуострове и состоянии союза между Южной Кореей и США³⁰.

Ещё один аспект публичной дипломатии Южной Кореи в США связан с политикой по консолидации корейской диаспоры за рубежом, которая насчитывает 7,4 млн человек³¹. В США проживает 1,9 млн зарубежных корейцев³². Инструментом по налаживанию связей с зарубежными корейцами выступает Фонд зарубежных корейцев, деятельность которого направлена на создание устойчивых сетей с ними, укрепление корейской идентичности и связей соотечественников с исторической родиной. Фонд зарубежных корейцев является агентством Министерства иностранных дел Южной Кореи, а его бюджет на четверть финансируется правительством (Melissen, Kim 2018). Корейский экономический институт также работает с корейской диаспорой в США³³. Несмотря на предпринимаемые в последние годы усилия южнокорейского руководства в диаспоральной дипломатии, исследователи отмечают, что потенциал созданной сети отношений с корейской диаспорой за границей используется недостаточно (Melissen, Kim 2018).

Налаживание связей с корейской диаспорой в США имеет важное значение, так как существующие в США организации этнических корейцев достаточно политически активны, и их позиция и деятельность могут либо благоприятствовать, либо создавать препятствия усилиям южнокорейского правительства по корейскому вопросу. Кроме того, корейская диаспора в США является одно-

³⁰ Our Greater Alliance, Making Peace: A Conversation with President Moon Jae-in. URL: <https://www.cfr.org/event/our-greater-alliance-making-peace-conversation-president-moon-jae> (accessed 08.02.2020)

³¹ Remarks by President Moon Jae-in on the 12th World Korean Day. URL: <http://english1.president.go.kr/BriefingSpeeches/Speeches/77> (accessed 08.02.2020)

³² Zong J., Batalova J. 2019. Korean Immigrants in the United States. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/korean-immigrants-united-states> (accessed 08.02.2020)

³³ NetKAL Programs. URL: <http://keia.org/page/netkal-programs> (accessed 08.02.2020)

временно целевой аудиторией американской публичной дипломатии, направленной на оказание воздействия на Южную Корею.

Пока рано делать выводы о том, насколько успешна публичная дипломатия по корейскому вопросу Южной Кореи в США. Вместе с тем работы в этом направлении Южной Кореи предстоит много. Об этом свидетельствует и тот факт, что – как показала поездка в США делегации южнокорейских бизнесменов, инвестировавших в Кэсонский комплекс, совместный межкорейский экономический проект, с целью заручиться американской поддержкой для его возобновления, – большинство американских официальных лиц не знали, где находится этот комплекс, каковы его масштабы и какое значение он имеет для межкорейских отношений³⁴. Кроме того, стоит отметить, что американские негосударственные организации и институты, выступающие целевой аудиторией публичной дипломатии Южной Кореи в США, в свою очередь, являются активными и располагающими несравнимо большими возможностями и ресурсами акторами публичной дипломатии Соединённых Штатов. Отдельного исследования требует вопрос взаимовлияния акторов публичной дипломатии обеих стран на позиции друг друга.

Дискурс южнокорейской публичной дипломатии и межкорейские отношения

Публичная дипломатия Южной Кореи сосредоточена на мобилизации международной поддержки южнокорейских инициатив по денуклеаризации КНДР и объединению двух Корей³⁵. С этой целью на правительственном уровне формируется и проецируется во внешнее информационное пространство южнокорейский дискурс по корейскому вопросу.

В 2008-2016 гг. южнокорейское руководство продвигало среди мировой общественности повестку объединения Кореи. Широкое освещение в прессе получила «дрезденская речь» президента Пак Кынхе, произнесённая ею в марте 2014 г., хотя по существу ничего нового сказано не было. В данной речи Пак Кынхе представила «Инициативу по мирному воссоединению Корейского полуострова», которая включала предложения, не раз выдвигаемые обеими сторонами: возобновление встреч разлученных семей, развитие контактов и обменов, создание совместных предприятий (Денисов 2015: 185). На службу продвижению объединительного дискурса были поставлены как официальная публичная дипломатия, осуществляемая правительственными структурами, так и индустрия массовой культуры. Так, в качестве примера можно привести показ в

³⁴ Seoul Fails to Win Sympathy for Need to Resume Inter-Korean Factory Park. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/06/113_270848.html (accessed 08.02.2020)

³⁵ (LEAD) New Law Set to Take Force to Harness S. Korea's Public Diplomacy. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/news/-2016/08/03/0200000000AEN20160803006251315.html?m> (accessed 08.02.2020)

2017 г. в корейском культурном центре в Москве фильма «Мальчик встречает девочку», в котором поднималась тема разделённой Кореи. После показа фильма представитель отдела Объединения Кореи посольства РК в России Ви Мён-дже прочитала лекцию о политике южнокорейского правительства по объединению Кореи и об отношении южнокорейской молодежи к объединению³⁶.

«Корейская волна» – растущая популярность корейской массовой культуры, моды и кухни за рубежом – использовалась руководством Южной Кореи для того, чтобы донести идею мирного объединения Кореи до максимально возможного количества иностранных граждан. В 2015 г. Министерство объединения, Комитет по подготовке к объединению при Президенте Республики Корея, Комитет по 70-летию освобождения Кореи выступили спонсорами кампании по популяризации идеи объединения, в рамках которой была написана песня «Одна мечта, одна Корея» и снят видеоклип с участием известных исполнителей корейской поп-музыки, а также министра Объединения Хон Ёнпхё, лидеров партии «Сэнури» Ким Мусона и партии Движение «Новый политический альянс за демократию» Мун Чжэина³⁷.

Вместе с тем данная кампания также была направлена на формирование консенсуса по вопросу объединения Кореи внутри южнокорейского общества и среди корейской диаспоры за рубежом. Причиной обращения к теме объединения скорее стало безразличие и даже отрицание воссоединения среди южнокорейской молодежи. Пиар-кампания, как и созданный в 2014 г. Комитет по подготовке к объединению, были призваны способствовать росту заинтересованности в объединении среди молодёжи. Южнокорейское правительство прилагало усилия по убеждению молодых людей в преимуществах объединения, в частности акцент делался на том, что Корея станет влиятельной восточноазиатской державой, а соединение дешевой рабочей силы Севера с технологиями Юга будет способствовать активизации экономики Кореи³⁸.

При Пак Кынхе (2013-2017 гг.) публичная дипломатия, нацеленная на объединение, носила наступательный характер, чуть ли не доходящий до открытой пропаганды (Толорая, Торкунов 2016). При этом развитие межкорейских отношений обуславливалось денуклеаризацией Северной Кореи, вследствие чего отношения между двумя Кореями стремительно регрессировали, что негативно отражалось на межкорейских контактах в социально-гуманитарной и экономической сферах. Подобный подход был связан в том числе с не исключавшимся администрацией

³⁶ КЦ Показ фильма «Мальчик встречает девочку» и беседа со зрителями, 19 апреля 19:00 [KC Screening of the Film "Boy Meets Girl" and a Conversation with the Audience April 19, 19:00] (In Russian). URL: <https://korean-culture-moscow.timepad.ru/event/475264/> (accessed 08.02.2020)

³⁷ Кампания была организована гражданским движением, включающим свыше 1100 корейских и зарубежных гражданских организаций, выступающих за мирное объединение Корейского полуострова, при лидирующей роли американской НПО Global Peace Foundation. См.: The New Unification Song, «One Dream One Korea» will be available for free download on the 15th. URL: <https://www.globalpeace.org/node/3691> (accessed 08.02.2020).

³⁸ Liston E. North and South Korea: Can Seoul's Plans for Reunification Work? URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jul/18/south-north-korea-unification-seoul> (accessed 08.02.2020).

Пак Кынхе крахом режима в КНДР и подготовкой к поглощению Севера, необходимость которой утверждалась американскими исследователями. В частности, в докладе РЭНД Корпорэйшн за 2013 г. обращается внимание на необходимость подготовки северокорейской элиты к возможному объединению, в связи с тем, что даже в случае краха режима в КНДР объединение может не произойти из-за организованного сопротивления населения Северной Кореи принять объединение под руководством южного соседа (Bennett 2013). Суть подготовки заключается в том, чтобы развеять страхи представителей элиты относительно потери жизни, статусов, привилегий, собственности, работы, а также уголовного преследования. Также предлагается формировать положительный образ Южной Кореи как богатой и прогрессивной страны, убеждать северокорейцев в том, что объединение соответствует их интересам, что качество их жизни улучшится. На практике доносить эти идеи предполагается посредством радиовещания, рекламы на южнокорейских DVD, культурных и образовательных обменов, программ лечения больных северокорейских детей в больницах Южной Кореи. Данный подход представляется контрпродуктивным, так как он вызывает подозрение к южнокорейским инициативам в области социально-гуманитарного сотрудничества со стороны Северной Кореи и не способствует росту доверия между сторонами.

При прогрессивной администрации Мун Чжэина (с 2017 г.) изменилось содержательное наполнение дискурса, продвигаемого публичной дипломатией Южной Кореи. Хотя вопрос объединения не исчез из повестки южнокорейской публичной дипломатии, приоритетом политики Республики Корея по корейскому вопросу стало установление мира, сосуществование и процветание на Корейском полуострове³⁹. Смещение акцентов информационного сопровождения внешней политики Республики Корея было связано с устойчивостью северокорейского режима, внутренними сложностями в Южной Корее, вызванными возрождением протекционизма в международной торговле и торговой войной между США и Китаем. Кроме того, Мун Чжэин отказался от наступательной политики объединения, вызывавшей неприятие в Северной Корее, так как стремился снизить напряжённость на Корейском полуострове и не допустить провокаций со стороны Севера в преддверии Олимпийских игр в Пхёнчхане, а также рассчитывал на нормализацию межкорейских отношений и реализацию проектов между Севером и Югом.

При этом Мун Чжэин в отличие от двух предыдущих администраций выступает за отделение политических и военных вопросов от социально-гуманитарного взаимодействия, считая возможным параллельное развитие межкорейских отношений и проведение диалога по решению северокорейской ядерной проблемы между США и КНДР⁴⁰.

³⁹ Moon Jae-in's Policy on the Korean Peninsula. URL: https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/policy/issues/koreanpeninsula/goals/ (accessed 08.02.2020)

⁴⁰ Lee Sang-sook. 2018. South Korea Back in the "Driver's Seat" to Achieve Denuclearization of the Korean Peninsula: Assessment of President Moon's Special Delegation's Visit to Pyongyang. URL: <https://www.ifans.go.kr/knda/ifans/eng/act/ActivityView.do> (accessed 08.02.2020)

Зимние Олимпийские игры в Пхёнчхане предоставили возможность разрядить обстановку на Корейском полуострове, а также послужили площадкой для возобновления межкорейского политического диалога, который открыл дорогу для американо-северокорейских переговоров. На фоне нормализации межкорейских отношений были организованы межкорейские культурные мероприятия, которые способствовали поддержанию дружественной атмосферы, благоприятной для продолжения политических переговоров.

В течение 2018 г. было проведено три межкорейских саммита, которые открыли различные каналы коммуникации, в том числе переговоры между Обществами Красного Креста, в ходе которых были согласованы встречи разлученных родственников, и спортивные переговоры об участии совместных команд на Азиатских играх в 2019 г. В соответствии с Пханмунджомской декларацией было открыто совместное бюро связей в Кэсоне, призванное наладить регулярное сотрудничество двух Корей в социально-гуманитарной области⁴¹. В условиях разрядки обстановки на Корейском полуострове южнокорейские эксперты провели оценку состояния железнодорожного полотна в КНДР, с тем чтобы приступить к соединению железных и автомобильных дорог Севера и Юга, а также к их модернизации на территории КНДР. Специалисты из двух Корей обследовали водный бассейн реки Хан, чтобы актуализировать навигационные карты. Кроме того, планируется сотрудничество в области лесного, сельского хозяйства и здравоохранения. Южнокорейские компании заинтересованы в возобновлении работы Кэсонского промышленного парка и туристических туров в горы Кымгансан, однако реализация экономических проектов затрудняется действием международных, американских и южнокорейских санкций против КНДР.

Таким образом, разные администрации приоритизировали различные функции социально-гуманитарного фактора. При консервативных администрациях акцент делался на информационном давлении на КНДР, при этом развитие межкорейских отношений ставилось в зависимость от денуклеаризации Северной Кореи. Прогрессивные администрации предпочитали использовать подход вовлечения КНДР в социально-гуманитарные и экономические связи. В первом случае итогом стал откат в межкорейских отношениях, при этом северокорейское руководство получило дополнительные основания для развития военной ядерной программы. Во втором случае социально-гуманитарная область была и остаётся измерением, в котором существуют перспективные возможности взаимодействия, выгодного обеим сторонам, поскольку оно нацелено на решение конкретных практических проблем, представляющих предмет совместного интереса.

⁴¹ Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&%3BsrchTo=&%3BsrchWord=&%3BsrchTp=&%3Bmulti_itm_seq=0&%3Bitm_seq_1=0&%3Bitm_seq_2=0&%3Bcompany_cd=&%3Bcompany_nm=&page=1&titleNm= (accessed 08.02.2020)

Республика Корея активно стремится использовать социально-гуманитарную сферу и как фактор сотрудничества и развития, и как инструмент продвижения своих внешнеполитических интересов. При этом публичная дипломатия рассматривается в качестве средства решения проблемы нехватки дипломатических ресурсов⁴². Задачи публичной дипломатии и национального брендинга состоят в конструировании дискурса, продвигающего статус Южной Кореи как «средней державы» и информационном сопровождении предпринимаемых действий в области глобального управления. Кроме того, публичная дипломатия принимает формы различных механизмов создания и поддержания отношений с гражданским обществом других стран.

Путём участия в формировании повестки и правил в конкурентоспособных для неё сферах международного сотрудничества, Южная Корея использует социально-гуманитарное измерение мировой политики для того, чтобы укрепить свою роль и усилить своё влияние в международных делах. Вовлечение широких масс населения различных стран в международно-экономическую сферу и перспективы формирования в XXI в. новой повестки дня между государствами, в центре которой будет обеспечение условий развития человека⁴³ (Лебедева 2018), предоставляют огромные возможности для повышения статуса и роли Южной Кореи в мировой политике. В результате социализации международных отношений способность выступать с инициативами, предлагать решения конкретных проблем, стоящих перед международным сообществом, вовлечённость в сети и участие в различных институтах, позволяющих реализовывать эти инициативы, а также генерировать доверие могут позволить Южной Кореи обеспечить себе значимое место на международной арене. При этом «мягкая сила», аккумулируемая за счёт активности в международных делах и внесения вклада в глобальное благо, в будущем могла бы обеспечить поддержку южнокорейской позиции и инициатив по вопросам внешней политики, представляющим для нее особый интерес. В частности, публичная дипломатия могла бы служить средством обеспечения того, чтобы в случае возможного объединения под руководством Юга единая Корея не воспринималась в качестве угрозы другими странами, что позволило бы снизить противодействие её объединительной политике.

В целом, политика по укреплению роли Южной Кореи в глобальном управлении, а также формированию конструктивного объединительного дискурса (как возможной перспективы когда-нибудь в будущем) во внешнем и внутреннем информационном пространствах рассчитаны на то, чтобы расширить возможности маневрирования в региональной политике и обеспечить поддержку южнокорейских инициатив по корейскому урегулированию.

⁴² Keynote Speech from South Korea's Ambassador for Public Diplomacy (October 2017). URL: <https://www.uscpublicdiplomacy.org/story/keynote-speech-south-koreas-ambassador-public-diplomacy> (accessed 08.02.2020)

⁴³ Подберёзкин А. Будущие проблемы международной безопасности: «Безопасность через развитие». URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=633563&soch=1> (дата обращения 08.02.2020)

Вместе с тем в качестве приоритета южнокорейской политики в отношении КНДР целесообразнее ставить содействие вовлечению последней в транснациональные связи, продвигать дискурс сотрудничества и развития, мирного сосуществования и равноправного диалога, так как объединение – это сложный процесс выстраивания и поддержания отношений в социально-гуманитарной, экономической и политической областях. Как показывает практика, навязывание своего видения единой Кореи как единственно возможного и неизбежного и обусловливание социально-гуманитарного взаимодействия решением северокорейской ядерной проблемы контрпродуктивно, вызывает лишь недоверие и враждебность со стороны Северной Кореи к соответствующим инициативам и внешнему миру в целом.

Социально-гуманитарная сфера предоставляет возможности вовлечения Северной Кореи в международные связи, что может стимулировать позитивные изменения в подходах северокорейского руководства к внешнему миру; именно поэтому необходимо поддерживать всевозможные каналы коммуникации в независимости от состояния политических переговоров по денуклеаризации КНДР. При этом социально-гуманитарные механизмы корейского урегулирования не являются альтернативой политическим переговорам по решению комплекса проблем Корейского полуострова. Они скорее призваны выступать необходимым дополнением и систематическим сопровождением классической дипломатии. Роль социально-гуманитарного фактора также состоит в том, чтобы служить подушкой безопасности и трамплином в периоды обострения межкорейского конфликта, развитие которого происходит по спирали, и возникновения необходимости найти выход из тупика.

Об авторе:

Оксана Сергеевна Пугачева – менеджер департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 119017, Россия, г. Москва, ул. Малая Ордынка, 17/1. E-mail: ksusha2739@bk.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: November 5, 2019
Accepted: February 3, 2020

Social and Humanitarian Factor in South Korea's External Relations and The Korean Question

O.S. Pugacheva
DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-147-168

National Research University Higher School of Economics

Abstract: The development of the socio-humanitarian dimension of world politics provides new opportunities for enhancing the role and influence of the middle powers in the global affairs. That is why for understanding and assessment of their political opportunities on the international arena, it is necessary to analyze the approaches and policies of such countries on using socio-humanitarian factor to balance in the existing world balance power and ensure their foreign policy interests. The aim of the article is to analyze South Korea's activities in the social and humanitarian sphere of world politics in the context of its foreign policy interests. The research question is: what is the role of the socio-humanitarian factor, in particular public diplomacy, in the external activities of South Korea with regard to the settlement of the Korean question? The author argues that South Korea sees social and humanitarian sphere as a possibility to strengthen its role and influence on the international arena. While developing the discourse of South Korea as a middle power, the South Korean leadership seeks to take part in creating norms and rules in different fields of global governance. Despite controversies concerning its status and policy as that of a middle power, South Korea advances through public diplomacy the discourse that constructs and enhance its middle power status and can contribute in forming the corresponding national identity. South Korea uses national branding as well to strengthen its political image. Further, the article points out that promoting South Korea's stance and defending its interests on the Korean Peninsula represent a key task of South Korea's public diplomacy. In particular, the article examines South Korea's public diplomacy mechanisms on the Korean track towards the United States and emphasizes that although South Korea has actively engaged in public diplomacy in the USA, it still has a lot to do to explain South Korea's concerns to American political elites and U.S. publics and ensure that the relationship with the United States fully serves South Korean interests. Moreover, it is noted that enhancing South Korea's role in global governance as well as forming constructive unification discourse (unification as a process now and as a result someday in the future) within the country and abroad are supposed to expand its opportunities to maneuver in the regional politics of East Asia and provide support for the South Korean initiatives on the Korean settlement. In the end, the author turns to the inter-Korean relations. The author states that different South Korean administrations have prioritized different functions of the socio-humanitarian factor. Conservative administrations put an emphasis on information pressure on the DPRK while the development of inter-Korean relations was conditioned by the denuclearization of North Korea. Progressive administrations prefer engaging the DPRK in social, humanitarian and economic interactions. In the first case the result was a rollback in inter-Korean relations with the North Korean leadership receiving additional grounds for the development of its military nuclear program. In the second case the social and humanitarian area was and remains a dimension providing promising opportunities for cooperation that is beneficial to the both parties as it is aimed at solving specific and practical problems of common interest. In that sense, the author argues

that social and humanitarian factor in inter-Korean relations could serve as a safety cushion during intensification of the inter-Korean conflict and provide a launch pad for finding a way out of the impasses.

Key words: South Korea, social and humanitarian cooperation, public diplomacy, North Korea, Korean Peninsula, inter-Korean conflict, middle power.

About the author:

Oksana S. Pugacheva – manager of the Department of International Relations, National Research University Higher School of Economics, 17/1, Malaya Ordynka, Moscow, Russia, 119017. E-mail: ksusha2739@bk.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Anholt S. 2013. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations. *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*. 2(1). P. 6-12.
- Aronczyk M. 2013. *Branding the Nation: The Global Business of National Identity*. London: Oxford University Press. 256 p.
- Bajenova T. 2018. Rescaling Expertise in EU Policy-Making: European Think Tanks and their Reliance on Symbolic, Political and Network Capital. *Globalisation, Societies and Education*. 17(1). P. 61-77. DOI: 10.1080/14767724.2018.1540926
- Bátora J. 2005. Public Diplomacy in Small and Medium-Sized States: Norway and Canada. *Cligendael Discussion Papers in Diplomacy*. Vol. 97. 24 p.
- Bennett Bruce W. 2013. *Preparing for the Possibility of a North Korean Collapse*. RAND Corporation.
- Cull N. 2012. 'Bulging Ideas': Making Korea's Public Diplomacy Work. *Issue Brief of Asan Institute for Policy Studies*. No. 37.
- Henrikson A.K. 2005. Niche Diplomacy in the World Public Arena: the Global 'Corners' of Canada and Norway. In *The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations*. New York: Palgrave Macmillan. P. 67-87.
- Howe B. 2015. Development Effectiveness: Charting South Korea's Role and Contributions. In *Middle-Power Korea. Contributions to the Global Agenda*. Washington: Council on Foreign Relations Press. P. 21-43.
- Melissen J., Kim Hwa-Jung. 2018. South Korean Diplomacy between Domestic Challenges and Soft Power. *World Economy Brief*. 8(23). DOI: 10.2139/ssrn.3299389
- Melissen J., Sohn Yul. 2015. *Understanding Public Diplomacy in East Asia: Middle Powers in a Troubled Region*. New York: Palgrave Macmillan. 283 p.
- Mo Jongryn. 2017. South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles. *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 1(4). P. 587-607. DOI: 10.1177/0020702016686380
- Oh Chong Jin. 2012. Security Conditions and Regional Competition in East Asia after the New Millennium: A South Korean Perspective. *Perceptions: Journal of International Affairs*. 17(4). P. 105-128.
- Schwak J. 2016. Branding South Korea in a Competitive World Order: Discourses and Dispositives in Neoliberal Governmentality. *Asian Studies Review*. 40(3). P. 427-444. DOI: 10.1080/10357823.2016.1193474

Snyder S.A. 2015. Introduction. In *Middle-Power Korea. Contributions to the Global Agenda*. Washington: Council on Foreign Relations Press. P. 1-7.

Denisov V.I. 2015. Yadernaya problema Korejskogo poluostrova: est' li vyhod iz tupika? [The Nuclear Problem of the Korean Peninsula: Is There a Way of Ending the Deadlock?]. *International Analytics*. No. 1. P. 182-193. (In Russian)

Lebedeva M.M. 2018. Razvitiye sotsialnoy i gumanitarnoy problematiki v mezhdunarodnykh issledovaniyakh: rossiyskiy rakurs [Social and Humanitarian Issues in International Studies: the Russian Perspective]. *MGIMO Review of International Relations*. 58(1). P. 7-25. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-7-25

Toloraya G.D., Torkunov A.V. 2016. Raketno-yadernaya ugroza na Korejskom poluos-trove: prichiny i mery reagirovaniya [Nuclear and Missile Threat on the Korean Peninsula: Origins and Response Measures]. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 131-146. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.04.11

Литература на русском языке:

Денисов В.И. 2015. Ядерная проблема Корейского полуострова: есть ли выход из тупика? *Международная аналитика*. № 1. С. 182-193.

Лебедева М.М. 2018. Развитие социальной и гуманитарной проблематики в международных исследованиях: российский ракурс. *Вестник МГИМО-Университета*. 58(1). С. 7-25. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-7-25

Толорая Г.Д., Торкунов А.В. 2016. Ракетно-ядерная угроза на Корейском полуострове: причины и меры реагирования. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 131-146. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.11

Политическая наука в эпоху ресентимента

Д.Б. Казаринова

Российский университет дружбы народов (РУДН)

Рецензия на книгу «Современная политическая наука: Методология» под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и А.И. Никитина, Москва, Аспект Пресс, 2019.

В статье рассматриваются проблемы современной политики, общим знаменателем которых является ресентимент как ключевая черта современной политики (по мнению Ф. Фукуямы), сквозь призму ряда методологических подходов (*идентитарный подход, конструктивистский институционализм, культурологический и цивилизационный подходы, психолого-политический и элитологический, а также гендерный подходы*), нашедших отражение в коллективном труде классиков отечественной политологии «Современная политическая наука: Методология». Среди этих проблем ряд системных противоречий, порождённых глобализацией, проходящих по таким линиям как: традиционная политика vs. пост-политика (переход от политики путём консолидации широких слоёв к сосредоточенной на самой себе, эксклюзивной, ориентированной на всё более дифференцирующиеся и закрытые группы псевдополитике), конвенциональное политическое лидерство vs. популизм и антиэлитизм (бурный рост популистских сил в глобальном масштабе, распространение антиистеблишментских настроений, «популизм власти» и кризис ответственного лидерства), формальные и неформальные институты vs. персонификация политики (снижение роли институтов и рост значения человеческого фактора), социально-экономическая основа политики vs. социокультурная основа (акцентирование этнических, религиозных и гендерных факторов). Ресентимент как одновременно причина и следствие политики идентичности, результат несправедливого распределения положительных и отрицательных эффектов глобализации, как проявление накопленных отрицательных эмоций и неоправданных ожиданий, обобщает эти тренды в сфере политического и требует новых подходов, т.к. традиционные рационалистические подходы, базирующиеся на теории рационального выбора, оказываются неэффективны. Актуальное политическое знание о политических процессах эпохи ресентимента развивается на базе баланса рационализма и рефлексивизма, который был найден авторами книги «Современная политическая наука: Методология» и который выступает в качестве единой эпистемологической основы изучения актуальной политической реальности. Книга базируется на идее принципиальной несводимости методологии к сумме методов политического познания (в чём её существенное отличие от аналогичных работ со сходным названием). Выстроенная в логике изложения от подходов, описывающих общую динамику развития общества к человеческому измерению и общемировому контексту, книга демонстрирует разнообразие подходов в их взаимосвязи, отказ от идей универсализма, принципиальной плюральности

УДК: 327

Поступила в редакцию: 19.12.2019 г.

Принята к публикации: 17.02.2019 г.

подходов, что адекватно характеризует отечественную политическую науку. Работа является знаковой ещё и в силу того, что интегрирует и структурирует исследовательское поле и академическое сообщество российской политической науки.

Ключевые слова: политическая наука, методология, мировой порядок, ресентимент, популизм, идентичность, запрос на достоинство, популизм.

О кризисе наук об обществе заговорили в 2008 г., когда мировой финансовый кризис накрыл глобальную экономику вопреки мнению ведущих экономистов и Нобелевских лауреатов о невозможности его, а также после никем по-настоящему не предсказанных масштабных сдвигов мировой политики – решения о Брексите, избрания Д. Трампа президентом США и дальнейшего разворачивания популистской волны. В обществе создаётся ощущение, что «серьёзные рациональные профи – специалисты по международным отношениям, политической науке и пр. – утратили нить того, что происходит»¹. Это в равной степени справедливо в отношении западных и российских учёных.

Действительно, анализ мировой политики при рассыпающихся глобальных институтах, ещё недавно представлявших едва ли не мировым правительством скорого будущего, поруганных правилах и нормах международного права, хаотизации структурно-функциональных связей, то есть всё том, что называется кризисом миропорядка, крайне затруднен. Текущий порядок, *Interregnum*, автор этого термина З. Бауман иллюстрировал метафорой о полёте в самолёте, аэропорт назначения которого «ещё не только не построен, но даже заявка на его строительство застряла в офисе какого-то учреждения» (Бауман 2012). К этому можно добавить, что отправная точка этой динамики, то есть состояние мирового порядка до кризиса, тоже не вполне ясна, консенсуса по этому вопросу не могут достичь даже в кругу адептов либеральной парадигмы. Так, Н. Фергюссон, перефразировал в этом контексте высказывание Вольтера о Священной Римской империи: «либеральный мировой порядок не был ни либеральным, ни мировым, ни упорядоченным. Он столкнулся с фатальным кризисом легитимности и стал “нелиберальным межэлитным мировым беспорядком”» (Fergusson 2017: 33). Соответственно, в такой ситуации делать релевантные прогнозы и рисовать широкое полотно динамики общественно-политического развития достаточно сложно.

В этих условиях современная мировая политическая наука предпочитает не давать широкого интерпретативного контекста, а скорее углубляться в частности: в научных журналах и на форумах преобладает скорее количественный

¹ Лукьянов Ф. *Власть комикса, или Время «Груза-200»* <https://www.globalaffairs.ru/number/Vlast-komiksa-ili-Vremya-Gruza-200-19836> (accessed 20.02.2020)

анализ частных проблем, а авторы фокусируются на анализе политических единиц локального и субрегионального, реже национального и макрорегионального уровня. Мейнстрим сегодняшней мировой политической науки, таким образом, – это количественные исследования, неолиберализм и конструктивизм как преобладающие методологические подходы. Ввиду этого неудивительно, что научное сообщество испытывает ностальгию по большим нарративам, целостным теориям, парадигмам и методологии, позволявшим представить рациональную картину прошлого, настоящего и будущего мира, национальных государств и обществ.

Сегодня же ввиду скорости протекания социально-политических процессов, лавинообразного потока событий, молниеносного появления и исчезновения в поле политического новых трендов, явлений и акторов, во множестве исследований наблюдается перекосящий в описательный характер. Наука едва успевает фиксировать реальность, особенно в тех сферах, которые являют многообразие субъектов и феноменов. Так, отмечается «доминирование описательности» (Современная... 2019: 439). Зачастую описание текущих политических событий и быстро сменяющих друг друга тенденций занимает всё исследовательское внимание. Понимая, что «экстенсивное развитие – естественный этап, который должен получить развитие в генерировании новых идей, концепций» (Современная... 2019: 439), мы, тем не менее, отмечаем, скорость социально-политических трансформаций даёт всё меньше времени учёным на их осмысление.

Задачи работы: 1. Зафиксировать ряд системных противоречий современной мировой политики и проследить логику преломления этих противоречий с точки зрения различных методологических подходов, 2. Обосновать то, что понятие ресентимента является для них общим основанием. 3. На основании этого дать характеристику труда «Современная политическая наука: Методология».

1. Системные противоречия современной мировой политики

Современная сфера политики в результате процессов глобализации представляет собой совокупность противоречивых и разноречивых социальных процессов. Исследователи представляют широкую палитру этих противоречий по различным основаниям (Дуткевич 2017). Остановимся на тех, что кажутся наиболее характерными для современного этапа и органически связанными с понятием ресентимента – ключевого для настоящей работы.

Первое из противоречий, которые будут рассмотрены – **традиционная политика vs. пост- и псевдополитика**. Политический процесс, его основные движущие силы меняют свой характер от социально-экономических к социокультурным. В странах Запада в условиях относительно решённых проблем социально-экономического характера и потери в связи с этим идентичности социал-демократического движения, акцент был перенесён на политику иден-

тичности и ресентимента, апелляции к меньшинствам. Левые силы всё меньше занимаются классовыми социально-экономическими проблемами, и всё больше проблемами разного рода маргинализированных меньшинств. Расколы здесь даже более чувствительные, чем порождённые классовым антагонизмом. Актуальнейшим примером является социокультурный и ценностный раскол, порожденный Брекситом. Состояние британского общества характеризуется некоторыми как «холодная гражданская война». Нетерпимость к оппонентам по вопросу о судьбе страны значительно превышает любой другой вид предубеждений, существующих в британском обществе, в том числе расовых². И эта ситуация уже меняет облик британского общества и британской политической системы, до недавнего времени одной из самых стабильных. Похожие крайне острые расколы идентичности наблюдаются в США между сторонниками и противниками президентства Д. Трампа, а также в ходе испанско-каталонского политического кризиса, далёкого от завершения.

В этих условиях сложившийся инструментарий анализа право-левой политики устаревает. Традиционная политика уходит в прошлое, а с ней и традиционные конвенциональные политические лидеры. Распространение «популистского интернационала» отвечает на массовый общественный запрос. Даже в странах с самыми устойчивыми политическими системами растёт число тех, кто считает, что в новых условиях системе нужна «перезагрузка», а политический лидер должен быть готов нарушить сложившиеся правила игры³. В силу этой неопределённости и непредопределённости важнейшее направление политической науки, изучающее партии, лидерство и иные политические институты – институционализм – получает новое измерение – *конструктивистский институционализм* (Современная... 2019: 763).

Партийная система складывалась на основе социальных классов. Но затем связь между принадлежностью к определённому классу и партии стала стираться. По мере сглаживания социально-экономических противоречий усилилось влияние культурной составляющей. Экономические успехи сняли острые социальные разногласия, и экономика перестала играть роль монополиста в этих отношениях. С ростом же миграционных потоков ситуация обострилась. Как убедительно доказывает И. Крастев в книге «После Европы» (Крастев 2018), иммиграция стала главным катализатором идейных трансформаций в Европе. И водораздел ныне проходит не между экономическими, а между культурными либералами и консерваторами, к которым равно относятся и правые, и левые. Казалось бы, при таком раскладе главным подходом политической науки должен стать культурологический. Но, как указывают авторы «Методологии», «культурологический подход к политологии часто ограничен существующими противоречиями обществ в понимании своей идентичности и сущности сво-

² Казаринова Д. *Борис, борись!* <https://globalaffairs.ru/global-processes/Boris-boris-20108> (accessed 20.02.2020)

³ The New Tribes. 2019. *The Economist*. June 22nd 2019. P. 18.

ей культуры» (Современная... 2019: 339), и «недостаточная разработанность общей концепции влияния культуры на политику» (Современная... 2019: 403) требует иной оптики. *Идентитарный подход*, изучение политики идентичности оказывается в центре общественно-научного инструментария.

Перенесение объекта политической борьбы с социально-экономической на социокультурную сферу М. Лилла называет «великим отречением либералов» (*The Abdication*) (Lilla 2018). Они углубились в развитие политики идентичностей, постепенно утрачивая понимание общих основ гражданства и нации. Изначально левая политика идентичности апеллировала к наиболее широким классам американского общества, афроамериканцам или женщинам, мобилизуя через ресентимент их политическую поддержку под лозунгом борьбы за права. Это открыло путь к псевдополитике (*pseudopolitics*), сосредоточенной на самой себе, эксклюзивной, ориентированной на всё более дифференцирующиеся и закрытые группы. Г. Киссинджер утверждает, что это характерно для современной политики вообще в связи с развитием интернет-технологий: «Возможность влиять на конкретные микрогруппы разрушила существовавший консенсус по поводу приоритетов – теперь акцент делается на определённых целях или претензиях. Политические лидеры заняты нишевым давлением, у них нет времени, чтобы задуматься о контексте» (Киссинджер 2018). В связи с таким процессом замыкания политических и информационных «пузырей фильтров» (Pariser 2011) подрывается возможность общегражданского диалога и консенсуса, что делает общество более подверженным манипуляциям, а линии разделения более значимыми. Соответственно, традиционные предметы изучения политической науки: партии, представительство интересов, гражданское общество, функционирование демократических механизмов, – существенным образом трансформируются, что требует новой исследовательской оптики.

С проблемой трансформации политики связана и трансформация политического лидерства, что порождает противоречие **конвенциональное политическое лидерство vs. популизм и антиэлитизм**. Важной проблемой для элитологических исследований представляется наличие такой заметной черты современной политики, которая входит в популистский мейнстрим, как антиэлитизм. Новая прозрачность социальной жизни, привнесённая распространением информационных технологий, существенно изменила восприятие массами общественной стратификации. Элиты, их институты, источники властного ресурса и его инструментарий (в первую очередь, партии и традиционные СМИ) повсеместно вызывают разочарование, усталость и отторжение широких масс. Антиэлитистский дискурс позволяет выигрывать выборы повсюду от Украины до США. Очевидно, что в отношении элиты и контрэлиты примешивается новый мощный драйвер – антиэлитные силы. Их взаимодействие, взаимовлияние и взаимопроникновение – сложная и тонкая тема. Представления о том, что антиэлитные лидеры-популисты, придя к власти на волне усталости широких масс от привычных лидеров, сразу же превращаются в нормальную для данно-

го общества элиту, не состоятельный и упрощенный взгляд на проблему, что подтверждается существованием такого феномена как «популизм власти». Этот вызов ставит новые проблемы перед элитологами всего мира.

В связи с трансформациями, затрагивающими политическое лидерство, мы видим расширение проблемы до противоречия **формальные и неформальные институты vs. персонификация политики**. Особенно турбулентной сферой представляется межгосударственное взаимодействие. Отмечаемый авторами «дефицит работ в области психологии международных отношений» (Современная... 2019: 379) объясняется именно этим. Глобальный мир оказывается в ситуации «холодного мира» или «новой холодной войны», причём агенты противостояния – это не только и не столько Россия и Запад, сколько США и Китай. С точки зрения неореализма – это обострение борьбы за интересы, которые в условиях глобального мира не могут быть настолько противоположны. С точки зрения неолиберализма – это столкновение ценностей, вернее, различных трактовок общего набора ценностей. «Холодный мир» сдвигает поле противостояния из идеологического в цивилизационное и аксиологическое. Но не стоит упускать из внимания роль межличностных отношений и восприятие друг друга политическими лидерами. Акцент на институты, ценности и интересы в исследованиях межгосударственных отношений часто не оставляет места проблеме личных симпатий и антипатий политиков. Однако в мировой политике есть место и им, как и ресентименту не только на групповом, но и на личностном уровне лидеров государств. Эта тематика сложна в изучении, так как опираться приходится на косвенные свидетельства, источники мемуарного характера, поступающие постфактум. Тем не менее, *элитология* как направление политической науки справляется с этими проблемами.

Выше уже упоминалось о разворачивающемся кризисе традиционных формальных и неформальных институтов межгосударственного взаимодействия (последний по времени пример – саммит G7 в Биаррице). В ситуации такого рода неопределённости большую роль играют персоны, которые выходят на историческую сцену. Безусловно, «многообразие способов легитимации власти определяет множественность форм её реализации» (Современная... 2019: 414), а также разнообразие способов рекрутирования и реализации властного потенциала на различных уровнях от локального до транснационального делает анализ сложным и многоаспектным.

В связи с этим личностное, психологическое измерение политики обретает всё большую значимость. В уже процитированной работе Ф. Фукуяма вновь возвращается к поведенческим проблемам, обращается к проблемам человеческой души, как её понимали авторы Античности и Нового времени. Вновь обретает актуальность *политико-психологическая парадигма и бихевиоризм*. Действительно, «в современной политике появились вызовы и проблемы, которые потребовали развития более прицельного профессионального анализа психологических компонентов политического процесса» (Современная... 2019:

367). Исследования национализма, политического лидерства, проблемы авторитаризма и насилия, которые обозначаются как ключевые для политико-психологического подхода (Современная... 2019: 368-369), меняют свой характер и актуализируются. И здесь мы вновь вынуждены обратиться персонифицированности, адресности современной политики – политики идентичности (в понимании Ф. Фукуямы).

В связи с этим актуализируется противоречие **социально-экономическая основа политики vs. социокультурная основа: акцентирование этнических, религиозных и гендерных факторов**. Коль скоро «под влиянием широкомаштабных изменений на политическую арену вышли не объединительные моменты, а различия, акцентирование этнических и религиозных факторов» (Современная... 2019: 13), для анализа политики ключевых игроков мировой политики важную роль играет *цивилизационный анализ*, для которого характерно работа с такими категориями как «идентичность, устойчивость, культурная самобытность, менталитет, входящие в пул цивилизационного подхода, во многом становятся каркасом изучения современной социально-политической и исторической реальности» (Современная... 2019: 16). В фокусе его внимания специфика ценностно-политических особенностей и поведенческих реакций, свойственных тому или иному обществу. Цивилизационный подход, таким образом, соприкасается и дополняется фокусом на психологических особенностях общества и составляющих его индивидов.

Одним из оснований идентичности, наиболее мощно проявляющихся в современном политическом процессе, является *гендер*. Ф. Фукуяма приводит в качестве примера запроса на достоинство (*demand for dignity*) требование признания гомосексуальных браков или движение #MeToo (Fukuyama 2018: 19) как наиболее наглядный пример поведения людей, требующих равного, а то и повышенного уважения их достоинства, для чего он делает большой экскурс в платоновское объяснение трёхчастной человеческой души и понятия изотимии (желание получить признание в качестве равного другим людям) и мегалотимии (жажда признания превосходства над другими). Именно это происходит с прежде маргинализированными меньшинствами, поднимается на флаг левыми силами и переформатирует социальное пространство.

Феминистский политический дискурс, во многом определивший гендерную политологию как сферу науки, изучающую отношения власти и подчинения в обществе под влиянием социальных и культурных норм и ролей полов, ставит перед собой задачу борьбы с гендерной асимметрией. (Современная... 2019: 760). С точки зрения концепции «множественной мускулинности», появляются «различные типы мужественности, определяемые такими социальными идентификаторами, как этничность, раса, класс, профессия, сексуальная ориентация, конкурируют друг с другом» (Современная... 2019: 510). Соответственно, группы, испытывающие ресентимент и выражающие «запрос на достоинство» делают это по всему спектру социальных отношений.

Надо заметить, что международное научное сообщество, в том числе политологическое, чрезвычайно волнует гендерная проблематика, а работа профессиональных общественных организаций происходит под эгидой поощрения многообразия. Так, неформальная программа научных мероприятий конференции посвящается проблемам женщин-учёных, учёных-представителей LGBTQ-сообщества и т.п. Тема гендерного равноправия в академическом сообществе, в том числе, в публичной активности, рассматривается через призму академической этики, которая весьма заботит научное сообщество. Таким образом, гендерная проблематика присутствует повсеместно в социальной и политической сфере.

Однако мы видим, что сегодня маятник начинает движение назад. Преобладающий в дискурсе левых гендерный пафос начинает вызывать утомление большинства. Правые партии начинают всё больше эксплуатировать образы маскулинности, противопоставляя свою позицию агрессивной общественно-политической позиции «феминации». Это наглядно отразилось, например, в избирательной кампании испанской партии *Vox*, которая в качестве группы поддержки политических лидеров привлекала спасателей, сотрудников спецслужб и медиаперсонажей из испанской версии телепроекта «Остаться в живых», а также тореадоров и охотников. Последние, будучи гонимы в течение последних лет, выражают свой «запрос на достоинство» под знаменами ультраправых.

Если линии противостояния в современном мире проходят по социокультурным основаниям, то главным трендом политической науки с неизбежностью становятся идентитарные исследования, которые решают «задачу теоретико-методологического синтеза» (Современная... 2019: 447) всей вышеперечисленной проблематики. Благодаря концепту идентичности «появилась возможность преодолеть системные ограничения политико-институционального анализа..., стимулировать политическое воображение» (Современная... 2019: 449).

Дискурсы идентичности отличаются «смысловой неопределённостью либо создают... благодатную почву для политического манипулирования» (Современная... 2019: 450) Это утверждение можно отнести к пониманию политики идентичности у Ф. Фукуямы. Согласно широко распространённому представлению, политика идентичности направлена на разобщение общества и государства, замыканию в собственном кругу и на собственной повестке. Противоположный по сути подход у авторов «*Методологии*», которые упоминают эту трактовку, но дают совершенно иное базовое определение: под политикой идентичности ими «понимается деятельность по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности... формированию общих ценностей, ...развитию групповых солидарностей...» (Современная... 2019: 454). Таким образом, политика идентичности становится «механизмом самоорганизации новых субъектов политики в рамках их борьбы за политико-правовое признание права на инаковость, за новые альтернативы развития в разных сферах социальной жизни» (Современная... 2019: 457), в качестве мобилизационного инструмента которого выступает ресентимент.

2. Ресентимент как общий знаменатель

Современный этап политического развития отличается характерной чертой, которую Ф. Фукуяма в своей последней по времени книге выделяет как системообразующую. Он говорит о «политике ресентимента» (*politics of resentment*) (Fukuyama 2018: 7). Повсеместно в мире растёт число людей, социальных групп, больших сообществ и даже целых народов, недовольных несправедливыми результатами глобализации и имеющих возможность наблюдать эту несправедливость благодаря повсеместному распространению информационных технологий. Наиболее наглядно попытки преодолеть этот разрыв проявляются в малоправляемых миграционных потоках в страны Европы и в США. Но это касается далеко не только неблагополучных стран развивающегося мира, общества развитого мира также подвержены ресентименту.

Ресентимент в психологии и философии определяется как тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе, неприятные чувства, враждебность к субъектам, которые воспринимаются как виновники несправедливости. Понятие ресентимента восходит в философии Ф. Ницше в связи с христианской религией, которая трактуется как «восстание в морали» через механизм ресентимента (Ницше 2018). Сегодня, в век постсекулярности, в качестве ответа на эффекты глобализации происходит новый ресентимент как в странах ядра миросистемы, так и её периферии. Растёт запрос на справедливость. И в свою очередь «идея справедливости становится своеобразным синонимом ресентимента» (Козлов 2017: 92).

Ресентимент рассматривается как групповой феномен, имеющий большой мобилизационный и объединительный потенциал. Значимой представляется мысль П. Слотердейка о том, что «капитализм как никакой другой социальный режим производит ресентимент через поощрение таких чувств, как ревность, надежда, ностальгия» (Козлов 2017: 90). Ресентимент – это проявление накопленной, подавленной обиды. Долгое время неолиберальная доминирующая рациональность подавляла это недовольство. В русле неолиберального дискурса с его политической корректностью многие социальные проблемы оставались в зоне умолчания. В рамках конвенциональной политики крайним мнениям не было места. Но когда популистская волна открыла фонтан всякого рода антинастроений (антилиберальных, антимигрантских, антиевропейских, антиистеблишментских), его уже было не заткнуть. Поэтому ресентимент «напоминает мину замедленного действия; его реактивность до поры до времени поддаётся контролю, может быть растянута во времени, отложена на будущее, до появления условий, более подходящих для выброса вовне накопившейся темной, деструктивной энергии» (Козлов 2017: 89). Эта энергия канализируется политическими силами, лидерами и партиями, набирающими популярность во всём мире.

Ресентимент способен влиять на всех участников социального взаимодействия, на их мировоззрение, мотивационные структуры, ценностные ориента-

ции и, конечно же, практическое поведение. Надо заметить, что разрастание ресентимента – это не только спонтанный процесс, но и результат политики идентичности, проводимой левыми силами в течение последних двух десятилетий. В условиях относительно решённых проблем социально-экономического характера и потери в связи с этим идентичности социал-демократического движения, в развитых странах акцент был перенесён на политику ресентимента и апелляции к меньшинствам.

3. Актуальность научного издания «Современная политическая наука. Методология» в этом контексте приобретает особый характер. Методологически противоречия, проходящие по таким линиям как: традиционная политика vs. постполитика, конвенциональное политическое лидерство vs. популизм и антиэлитизм, формальные и неформальные институты vs. персонификация политики, социально-экономическая основа политики vs. социокультурная основа: акцентирование этнических, религиозных и гендерных факторов, отражаются в споре рационализма и рефлексивизма (Цыганков 2003): первые проблемные блоки в этих дихотомиях последние обычно осмысляются посредством рациональных парадигм, то вторые – через конструктивизм, постмодернизм, постконструктивизм, критические теории. То, что мейнстримом политической науки остается рационализм – «синтез нео-нео», неолиберализма и неореализма, говорит о том, что потенциал его в освещении проблем, объединяемых под эгидой ресентимента, не исчерпан. И взаимодополнение методологий четвёртого «большого спора» (П. Цыганков) или «великих дебатов» (О. Гаман-Голутвина) плодотворно.

В связи с этим примечательно, что авторы работы *«Современная политическая наука. Методология»* структурировали издание не по принципу противопоставления методологий-участниц «больших споров», а по иным основаниям. Три раздела «Цивилизации. Институты. Структуры. Факторы», «Культура. Личность. Ценности» и «Мировое сообщество. Мировая политика» выстроены в логике от подходов, описывающих общую динамику развития общества (Раздел I) к человеческому измерению (Раздел II) и общемировому контексту (Раздел III), столь востребованному сегодня, когда национальные, региональные и даже локальные аспекты политики невозможно изучать вне глобальных взаимосвязей.

Задача авторов книги была в том, чтобы «представить широкую панораму классических и современных интеллектуальных политико-теоретических парадигм, выполняющих функцию методологических оснований политологических исследований» (Современная... 2019: 10). Исходный посыл издания – необходимость ревизии методологических подходов, представление максимально широкой палитры парадигмальных установок именно сейчас, когда налицо «отсутствие на протяжении нескольких десятилетий значимых новационных идей и эвристически эффективных теорий/парадигм, способных стать ответом на критические эндогенные и экзогенные политико-интеллектуальные вызовы, и/

или искажение её методического инструментария» (Гаман-Голутвина 2019: 20). Авторы подчёркивают: каждая глава — это самостоятельный и особый взгляд на мир политического, на политические процессы и явления сквозь призму тех или иных взаимосвязанных методологических принципов и теорий. И, может быть, главное содержание этого труда – не собственно описание походов, а демонстрация их взаимосвязи.

Понимание, что есть методология политической науки, базируется на позициях одного из ответственных редакторов издания О.В. Гаман-Голутвиной, которая отмечает: «Методология никак не может быть сведена к методам – это интерпретативный контекст, определяющий систему координат, исходные установки, принципы и способ рассмотрения предмета. Разница между теорией предмета и методологией его изучения состоит в том, что теория объясняет структуру/действие явления/процесса, а методология задаёт модус/ракурс/способ его рассмотрения посредством помещения в контексте более общих парадигмальных конструкций, близких по статусу метатеориям...; политическая методология задаёт принципы и способ рассмотрения политического мира, тогда как философия фокусируется на рассмотрении отношений человека и политического мира» (Гаман-Голутвина 2019: 26).

В этом ключевое отличие от подобного рода изданий. Авторы этого труда, который собрал около сорока самых признанных учёных-политологов России, представляющих лицо отечественной политической науки, стоят на позициях принципиальной множественности методологий в отличие от подхода большинства авторов западной учебной литературы, для которых характерно понимание методологии политической науки как единой. Так, например, *Oxford Handbook of Political Methodology*, а также ряд других учебников, построены на принципиально ином подходе – рассмотрении совокупности методов и методик социального и политического познания, и из российских изданий по содержанию напоминает учебное пособие А.С. Ахременко «*Политический анализ и прогнозирование*». Речь здесь не идёт о преимуществах и недостатках подходов к тому, что есть методология политической науки, а в их принципиальной разности. В «*Методологии*» представлены как альтернативные, так и солидаризирующие подходы. Авторы подчёркивают, что ни один из подходов не может претендовать на универсализм, а ценен своим дополняющим потенциалом для приращения научного знания.

Собственно, способ отражения состояния политической науки, представленного в «*Методологии*», характеризует отечественную политическую науку, наследующую континентальной традиции, отдающей приоритет политической теории в отличие от англо-саксонской традиции, где доминирует эмпирика.

В современной политической науке ключевые позиции сохраняет рационализм, который, однако, имеет ограничения для анализа политики в эпоху ресентимента. Рефлексивизм и рационализм равно необходимы исследователю в условиях, когда меняется сама онтология политики. Отличительной особен-

ностью «Методологии» является отсутствие перевеса в сторону того или иного эпистемологического подхода. А структура изложения материала сознательно уходит от оппозиций «больших споров» в сторону иной логики изложения – от парадигм, описывающих общую динамику развития общества, к человеческому измерению и общемировому контексту.

Совершив обзор основных методологических подходов, описанных в «Методологии» в связи с мало устоявшимся в политической науке концепту рессентимента, мы пришли к выводу об особой роли таких подходов, как конструктивистский институционализм, культурологический и цивилизационный подходы, психолого-политический и элитологический, гендерный подходы, а также концепта идентичности как синтезирующего для этой проблематики. Реалии современной политики (популизм, антиэлитизм, гендер, психолого-поведенческие проблемы политических лидеров нового типа) ставят перед политической наукой новые задачи на стыке разных субдисциплин политической науки. Это расширяет список предметных областей, в которых задействовано знание о предмете политического. Концепт же рессентимента нуждается в дальнейшей операционализации с точки зрения уже не мобилизации новых политических акторов, а как фактора, определяющего специфику и характер их участия в политической деятельности, если таковые имеются. Таким образом, научное издание «Современная политическая наука. Методология» имеет серьёзный эвристический потенциал для изучения современного мира политического эпохи рессентимента, в том числе за счёт баланса рационализма и рефлексивизма. Выделенные автором противоречия мировой политики представлены как актуальные тренды, подчёркивающие специфику современности, что безусловно не может претендовать на универсальность. В связи с этим взвешенный подход авторов и составителей «Методологии» представляется тем более оправданным.

Об авторе:

Дарья Борисовна Казаринова – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10 к.2, каб.208, kazarinova-db@rudn.ru.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-011-31713 «Религия в современной России: от социальной роли к политическим смыслам».

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: December 19, 2019

Accepted for publication: February 17, 2020

Political Science in The Age of Resentment

D.B. Kazarinova

DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-169-183

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Review of the book «Modern political science: Methodology» ed. by O. V. Gaman-Gol'tvina and A. I. Nikitin, Moscow, Aspect Press, 2019.

Abstract: The article examines some of the resentment related issues of modern politics, using a number of methodological approaches (identitarian approach, constructivist institutionalism, cultural and civilizational approaches, psychological-political and elitist, as well as gender approaches), described in the collective work of the Russian renowned academics "Modern political science: Methodology". These are the cleavages between traditional politics vs post- and pseudo-politics (shift from the normal politics made by consolidating broad strata to self-centered, exclusive, and increasingly differentiated and closed groups of pseudo-policies), conventional political leadership vs populism and anti-elitism (the rapid growth of populists on a global scale, the spread of anti-establishment sentiment, "populism of power" and the crisis of responsible leadership), formal and informal institutions vs personification of politics (reducing the role of institutions and increasing the importance of the human factor), socio-economic basis of policy vs socio-cultural basis (emphasis on ethnic, religious and gender factors). The resentment as both the cause and effect of identity politics, is a result of an unfair distribution of goods and evils of globalization, or the manifestation of accumulated negative emotions and unjustified expectations. It generalizes these trends and issues and requires new research approaches, since traditional rationalistic approaches based on the theory of rational choice become less effective. To meet the challenges of resentment era, political science should keep balance between rationalism and reflexivity. This balance provides a single epistemological basis for the study of current political reality. It has been successfully reached by the authors of the book "Modern political science: Methodology". The book posits the idea of the fundamental irreducibility of methodology to the sum of the methods. In this regard the volume differs from similar publications aiming to present a wide scope of political methodology. The logic of the representation used by the editors is moving from general to particular, from societal to human, from global to local. The book demonstrates the wide diversity of methodological approaches and the rejection of the ideas of universalism, which adequately characterizes the state of Russian political science. The work is remarkable because it not only reflects, but also structures the Russian political science.

Key words: political science, methodology, world order, resentment, populism, identity, demand for dignity, populism.

About the author:

Daria B. Kazarinova – PhD in political science, associate professor, of the department of comparative politics, RUDN University, Address: 117198 Moscow, Miklukho-Maklaya str., 10-2-208. E-mail: kazarinova-db@rudn.ru.

Acknowledgements:

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project 19-011-31713 "Religion in modern Russia: from social role to political meanings».

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Bauman Z. 2012. *Liquid modernity and liquid fear: the view from 2011* [http://www.gazetaprotestant.ru/2012/01/tekuchaya-modernost-i-tekuchij-strax-vzglyad-iz-2011-goda/\(08.01.2012\)](http://www.gazetaprotestant.ru/2012/01/tekuchaya-modernost-i-tekuchij-strax-vzglyad-iz-2011-goda/(08.01.2012)) DOI: 10.17976/jpps/2017.01.08
- Fukuyama F. 2018. *Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition*. London: Profile Books.
- Ferguson N., Zakaria F., Griffiths R. 2017. *Is This the End of the Liberal International Order? Niall Ferguson vs. Fareed Zakaria*. Ed. by R.Griffiths (The Munk Debate). London.
- Lilla M. 2018. *The Once and Future Liberal: after Identity Politics*. London: Hurst&Co.
- Pariser E. 2011. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press.
- Dutkiewicz P., Kazarinova D.B. 2017. Konets epokhi globalizatsii: prichiny i posledstviya. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov [The End of Globalization: Reasons and Consequences]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. №1. P. 7-14. (In Russian) DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-1-7-14
- Gaman-Golutvina O.V. 2019. Preodolevaya metodologicheskie razlichiya: spory o poznanii politiki v epokhu neopredelennosti [Overcoming Methodological Differences: The Debate about Knowledge Politics in an Age of Uncertainty]. Polis. Political Studies. No. 5. P. 19-42. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.05.03
- Kazarinova D.B. 2018. Kholodnaya voina i mir: «Rossiya protiv vseh» i chetyre mirovykh poryadka R. Sakvy [Cold War and Peace: "Russia against the Rest" and Four World Orders of R. Sakwa]. Polis. Political Studies. No. 4. P. 177-184. (In Russian) DOI: 10.17976/jpps/2018.04.14
- Kissinger H.A. 2018. Kak zavershaetsya epokha Prosveshcheniya [How the Enlightenment Ends]. Russia in global politics. №4. <https://www.globalaffairs.ru/number/Kak-zavershaetsya-epokha-Prosveshcheniya-19658> (accessed 20.02.2020) (In Russian).
- Kozlov D.V. 2017. Massovoe politicheskoe povedenie v sovremennoi Rossii v svete kontseptsii ressentimenta [Political Behavior in Modern Russia in the Light of the Ressentiment Concept]. Polis. Political Studies. No. 1. P. 85-98. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2017.01.08
- Krastev I. 2018. *Posle Evropy* [After Europe]. Moscow: Delo. (In Russian)
- Nietzsche F. 2018. *Genealogiya morali* [Genealogy of Morals]. Moscow: Azbuka. (In Russian)
- Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya [Modern political science: Methodology]. 2019. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin. 2nd ed. Moscow: Aspect Press. (In Russian)
- Tsygankov P. 2003. Spor ratsionalizma i reflektivizma v zapadnoi teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [The Dispute between Rationalism and Reflexivism in the Western Theory of International Relations]. Vestnik Mosk. Un-ta. Ser. 18. Sociology and political science. No. 4. P. 47-65. (In Russian)

Литература на русском языке:

Гаман-Голутвина О.В. 2019. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности. *Полис. Политические исследования*. №5. С. 19-42. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.03

Дуткевич П. Казаринова Д. 2017. Конец эпохи глобализации: причины и последствия. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия Политология. №1. С. 7-14. DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-1-7-14

Казаринова Д.Б. 2018. Холодная война и мир: «Россия против всех» и четыре мировых порядка Р. Саквы. *Полис. Политические исследования*. № 4. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.14

Киссинджер Г. 2018. Как завершается эпоха Просвещения. *Россия в глобальной политике*. №4, <https://www.globalaffairs.ru/number/Kak-zavershaetsya-epokha-Prosvescheniya-19658> (accessed 20.02.2020)

Козлов Д.В. 2017. Массовое политическое поведение в современной России в свете концепции ресентимента. *Полис. Политические исследования*. № 1. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.08

Крастев И. 2018. *После Европы*. Москва: Дело.

Ницше Ф. 2018. *Генеалогия морали*. Москва: Азбука.

Современная политическая наука: Методология. 2019. Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство «Аспект Пресс».

Цыганков П. 2003. Спор рационализма и рефлексивизма в западной теории международных отношений. *Вестник Моск. ун-та*. Сер. 18. Социология и политология. №4. С. 47-65.

Культурно-религиозное измерение истории России и православного мира в XVII веке в осмыслении славянофилов

А.В. Скиженок

Центр святителя Василия Великого

Данная статья является рецензией на недавно вышедший русский перевод монографии Анджея Валицкого «В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства». Издание на русском языке монографии польского историка и философа пришлось на минувший год и сопровождалось значительным интересом как к выводам самого автора, так и к теме, затронутой им в книге. Целью данной рецензии является не столько передать содержание книги Анджея Валицкого, сколько проанализировать справедливость его отдельных выводов и степень объективности предложенного им взгляда на историю славянофильства и степень его обусловленности событиями русской истории.

Ключевые слова: славянофилы, западники, раскол русской православной церкви, староверы, никониане, русская философия, русская идея, философия истории России.

Минувший год отмечен изданием русского перевода книги Анджея Валицкого, посвящённой истории славянофильских идей в России. Выход в свет объёмного труда, посвящённого истории развития русской философской мысли, отражает наличие большого интереса в Европе и в мире к русской философии. При прочтении работы А. Валицкого становится заметным подспудное стремление автора обратить внимание читателя не только на исторический срез эпохи, но и на интеллектуальное наследие славянофильства как на предмет, актуальный по сей день. Эта связь выражается в желании достичь понимания идеи славянофилов и их самосознания так, чтобы это понимание способствовало осмыслению положения России в интеллектуальном и духовном пространстве мира. И эта несформулированная задача исследования делает

УДК: 261.7

Поступила в редакцию: 12.01.2020 г.

Принята к публикации: 05.02.2020 г.

его наиболее актуальным, особенно если учесть, что автор работы – польский историк, демонстрирующий очевидную заинтересованность.

Отсылки к истории польской философской мысли аналогичного исторического периода – отдельное достоинство монографии, редкое в России. Однако фокус зрения А. Валицкого всё-таки не на русско-польском межкультурном диалоге, а на специфике славянофильского движения как такового, в его собственном-русском изводе. Поэтому, анализируя работу, мы должны сделать акцент не только на актуальности книги для современного читателя, но и на том, насколько глубок уровень понимания собственно русской идеи, составившей нерв и стержень развития русской мысли XIX и во многом XX вв.

Сам А. Валицкий ставит перед собой цель соотнести историю славянофильского течения с предшествующим и последующим контекстом русской консервативной мысли, не сильно заботясь при этом, насколько мысль совпадала с исторической реальностью, на которую славянофилами проектировалась. Поэтому работа А. Валицкого отличается хрестоматийностью. Как положено скрупулезному исследователю, он начинает свой анализ с рассмотрения трудов предшественников славянофилов: М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, а также противоположных им А.Н. Радищева, П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена. В работах этих мыслителей автор видит истоки славянофильства и его расхождения с западничеством. Затем в центральной части работы последовательно излагаются идеи «главных» славянофилов – Ивана Киреевского, Алексея Хомякова и Константина Аксакова. Третья часть монографии посвящена кризису славянофильства и превращению философии в идеологию и политическую мысль панславизма, характерную для второй половины XIX в.

К чести А. Валицкого стоит сказать, что читателя его монографии приятно удивит степень положительно необходимой отрешённости автора от сущности философских идей, историю развития которых он излагает. При этом положительная отрешённость не переходит в синкретизм или формализм. Автор поддерживает трудное стояние на грани понимания, когда доподлинное видение излагаемого предмета не переходит ни в апологию идей, ни в их опровержение. Это делает взгляд А. Валицкого на славянофилов и их философию полноценным и состоявшимся. Но состоятельность взгляда ещё не предполагает его исчерпывающего характера. Возможно, в вопросах истории идей исчерпывающий взгляд в принципе невозможен. Однако он может быть достаточно глубок для того, чтобы стать на один уровень глубины с самим предметом изложения, а может никогда этой глубины не достигнуть. В отношении монографии А. Валицкого более справедливым кажется последнее. Ибо изложение сути консервативной утопии, которая формировалась на фундаменте славянофильства, носит в монографии эпистемологический характер. Автор не верит в реальность того спора, который составлял основу славянофильского круга философских вопросов. А именно: подлинно ли роль России в мире есть роль мессианская, роль Третьего Рима, удерживающего мир от скатывания в бездну апостасии, или это не так на

самом деле? Объективность или субъективность русского мессианства, Москвы как Третьего Рима был стержнем философских споров славянофильства и западничества в XIX в. Историческая подоплёка или трансцендентная сущность стоит за формулой монаха Филофея? Есть ли на самом деле взаимосвязь между судьбами человечества и чистотой русского православия? Что будет с миром, если Москва падёт, а Четвертого Рима по пророчеству уже не будет? От внутренней интуиции, насыщавшей ответы на эти вопросы, зависела принадлежность мыслителя к славянофилам или к западникам в истории русской мысли XIX в. Общий эпистемологический фон здесь мало что значил, так как эти идеи носили практический характер, были руководством к действию, а не предметом отвлечённой философии.

Поэтому ссылка на В.Ф. Одоевского и на кружок Любомудров в первой части работы, сколь бы ни был он популярен в 20-х гг. XIX в., кажется излишней тем более, когда автор пытается представить себе философский романтизм поклонников Фихте и Конта в качестве альтернативы дальнейшему развитию эпистемологической парадигмы русской философии. Для внутреннего стержня и логики развития русской философской мысли такая эпистема была бы всегда безжизненной, чуждой и казалась бы нелепой. Поэтому нет ничего удивительного, что и Н.М. Карамзин, и М.П. Погодин, и противоположный им П.Я. Чаадаев с одинаковым равнодушием обходили стороной философские категории, в которых складывался дискурс «любомудров», и сталкивались в спорах об одном и том же: есть ли метафизическое оправдание того блуждающего статуса, которым обладает Россия в европейской истории, и если есть, то в чём он состоит. Вопрос подлинности русского мессианства и реалистичности его экспликации в истории является здесь центральным, и это объясняет ту особую привязанность к истории, к анализу исторических сюжетов, которой отличалась русская философская мысль XIX в. А. Валицкий справедливо отмечает историографические и историософские корни славянофильства, возводя его идеи к историзму в работах М.М. Щербатова, М.Г. Погодина и Н.М. Карамзина. Но в то же время упоминание историков как предшественников славянофилов снова-таки носит эпистемологический характер. В монографии они не более чем часть гуманитарного дискурса, суммы текстов, повлиявших на дальнейшую историю идей. Взаимосвязь же идей и исторических процессов А. Валицким осознанно игнорируется. Однако, исходя из сказанного выше, игнорирование реальной историчности славянофильства и западничества, отождествление славянофильства и западничества с текстами, а не с процессами истории не может породить по-настоящему глубокое понимание русской философской мысли XIX в., поскольку в основаниях своих она не была эпистемой, а была самой историей, застывшей в мыслях.

Характерно, что органическая связь славянофильства и западничества с русской историей XVII в., и особенно с её культурно-религиозным контекстом, находит отражение в работе А. Валицкого: «Сравнение славянофилов со староведами недаром приходило на ум современников» (Валицкий 2019: 185). Рассуждая

о причинах подобного сходства, автор отмечает: «Церковная реформа предшествовала реформе государства и подготовила её» (Валицкий 2019: 185). Однако роль церковного раскола, породившего собой катастрофические явления духовной жизни России, отмеченные великими мыслителями и поэтами, затронут А. Валицким лишь заодно со всеми остальными.

Например, описывая интеллектуальное становление Ивана Киреевского, основоположника славянофильства, он пишет: «...симпатия к староверам была для Киреевского эпизодом. В более поздние годы жизни его православие становилось всё более ортодоксальным, а отношение к раскольникам изменялось» (См.: Зеньковский 1997; Флоровский 2006; Бердяев 2008). Далее авторский взгляд переходит от темы старообрядчества к совершенно иным предметам, и создаётся впечатление, что никакой иной связи, кроме ассоциативной, между событиями XVII в. и явлением славянофильства и западничества не существует.

В то же время нельзя не отметить, что именно культурно-религиозный надлом, произошедший в русском сознании в XVII в., последующие события петровских преобразований, которые не сводятся к сумме новшеств и не заключаются в «европеизации» России, стали отправной точкой тех противоречий, которые привели к формированию не только узкого круга противоречий западников и славянофилов. Фундаментом идеологического расхождения славянофильства и западничества стала совокупность духовных противоречий, которые были накоплены прошлым русской истории, и прежде всего истории XVII в., причем расхождений не теоретических, а непосредственно жизненных, разделивших Россию на тех, кто прятался в лесах и сжигал себя в срубах и тех, кто стремился подавить это протестное движение. Это разделение XVII в. привело к столкновению славянофильства и западничества в веке XIX, и породило еще много примеров неразрешимых противоречий в истории русской философии, вплоть до развития революционных идей, породивших революцию и крах самодержавия.

В работе А. Валицкого подвергнуто подробному разбору философское мировоззрение Ивана Киреевского. Этому посвящена четвёртая глава монографии. Основоположная идея Киреевского, которая заключалась в том, что путь к обновлению социально-политического и духовного устройства русского общества лежит через обновление индивидуального мышления, в рамках которого индивидуализм каждого, основанный на рассудочном, рациональном отношении к окружающему миру, должен быть преобразован соборным мышлением и соборным началом в истории. Эти рассуждения, формирующие собой корпус «философии истории» и «философии человека», по Киреевскому, излагается А. Валицким преимущественно в категориальном ключе. Примеры из истории петровских преобразований здесь выступают как изобразительный материал для передачи идеи о сущности перехода от соборного начала народной жизни к индивидуализму эпохи модерна. На этом основании в работах Киреевского проводится мысль о решительном разделении русской истории на допетровскую и послепетровскую эпохи, на существенный разрыв между двумя историческими

феноменами прошлого одной страны. Цитаты из Ивана Киреевского здесь бесспорны. Однако современному автору, коим является А. Валицкий, необходимо понимать, что противопоставление Руси допетровской и России после Петра не было в восприятии современников Ивана Киреевского столь радикальным. Сегодня средостение между эпохами русской истории легко преувеличить, поскольку катастрофа 1917 г. уничтожила связь исторического времени в русском историософском дискурсе, и линии противопоставления эпох, которые до революции выглядели пунктиром, сегодня кажутся сплошными. Не случайно В.О. Ключевский отмечал, что реформы Петра I были не столь новыми в истории России, как могли показаться, и не носили революционного характера: «Мы видели частичные нововведения и среди них заимствованные с Запада при деде, отце, старшем брате и сестре Петра. Ещё важнее, что уже до Петра начертана была довольно цельная преобразовательная программа, во многом совпадавшая с реформой Петра, в ином шедшая даже дальше её. Правда, эту программу нельзя вполне усвоить древней Руси. Над ней думали умы нового склада, во многом успевшие вырваться из древнерусского круга понятий. Подготавливалось преобразование вообще, а не реформа Петра»¹. Поэтому противопоставление России допетровской послепетровской в работах славянофилов должно быть заново осмыслено современными авторами так, чтобы казавшееся очевидным тогда единство русской истории сохранялось при современном прочтении.

Для осмысления этого ментального перехода необходим углублённый взгляд в предпосылки петровских преобразований. Во времена споров славянофилов и западников это понимание могло быть естественным и не осознаваться отдельно. Сегодня от уровня осмысления культурно-религиозных, ментальных и нравственных предпосылок петровских преобразований зависит возможность верного понимания тех категорий, которые служили базовыми понятиями их дискурса.

Соборность русского народа, путь к которому Киреевский видел в возвращении от рационализма к духовной цельности человека, заключалась не в формулировке абстрактных понятий, а в преодолении того разделения, которое произошло во время событий раскола русской православной церкви XVII века и отчуждения друг от друга огромного количества людей в годы противостояния раскольников и никониан. Сама природа этого раскола порождала необходимость самоопределения, а момент самоопределения сопровождался рациональным обоснованием своего выбора.

Ни у кого не вызывает сомнения, что староверы были ревнителями русской старины, носителями древнерусского благочестия и русской православной идентичности. В то же время идеология и историософия Патриарха Никона, лидеров кружка «любителей благочестия», Алексея Михайловича и оказывавших на

¹ Ключевский В.О. *Курс русской истории*. Лекция LXVIII. Электронный доступ по ссылке: <http://www.kulichki.com/inwell/text/special/history/kluch/kluch68.htm> (дата обращения 27.02.2020)

него влияние ближневосточных иерархов не возникли в культурно-религиозной истории России случайно. Идеи Иерусалимского Патриарха Паисия, посетившего Москву в 1648-1649 гг., сводившиеся к утверждению российского мессианства и возрождению мировой парадигмы православной империи как культурно-религиозной и политической силы в противовес османам, католикам и протестантам Европы, очень хорошо ложились на всю предшествующую историю русской государственной мысли, сформированную идеями монаха Филофея, периодом правления Ивана III и символизмом, стоявшим за женитьбой на племяннице последнего византийского императора Софии Палеолог, увенчанной мессианскими и эсхатологическими символами эпохи Ивана Грозного и прошедшей через опыт глубокого кризиса и всенародного ополчения, возродившего суверенную государственность из руин полного разрушения. Всё это естественным образом подготовило русскую культурно-религиозную и интеллектуальную элиту времен Алексея Михайловича к тому, чтобы принятие идеи вселенского мессианства, сформулированную ближневосточными иерархами церкви, стало единственно возможной перспективой закономерного развития политического и историко-софского самосознания русского народа. Отказ епископата и политической элиты России от вселенского предназначения русской Церкви и русского государства означал бы утрату идеологии и внешнеполитического самосознания.

Поэтому Патриарх Паисий, находясь в Москве, не мог не встретить самого тёплого приёма со стороны архимандрита Никона, а предложение сделать последнего митрополитом Новгородским с перспективой последующего избрания Никона Патриархом не могло не быть поддержанным Алексеем Михайловичем в общем контексте того воодушевления, с которым был встречен ближневосточный иерарх в Москве в 1648-1649 гг. Но начавшиеся через несколько лет реформы Патриарха Никона вместе с присоединением Малороссии неизбежно влекло утрату герметичности русской церковной традиции и русского этнического самосознания, в то время как русское этническое самосознание со времён поместного собора 1448 г. было неразрывно связано с чистотой православной веры. В течение двух веков этническое начало веры было неразрывно связано с её святостью, а соборный характер православия отождествлялся с соборным устройством Руси.

В XVII в. развитие внешних связей с православным миром и надежды, которые связывали с Россией православные за её пределами, заставили осознать соборность православия как экстраполяцию соборного начала русской народной жизни на окружающий мир. Святость веры вошла в противоречие с кафоличностью, чистота предания – с вселенским характером благовестия. Раскол между этими категориями был сутью раскола церкви, а последовавшие за этим социальные потрясения, включая противостояние никониан и старообрядцев – внешними проявлениями внутреннего процесса.

Эпоха Петра I – лишь отголосок трагических событий XVII в., если рассматривать их не с социально-организационной, а с культурно-религиозной

точки зрения. Спор славянофилов и западников, разгоревшийся столетие спустя, не эпистемологическое, а историческое явление, потребность осмысления и идеологической конкретизации того явления, которое произошло в два предшествующих столетия. Раскол России на «святую»-самодостаточную и «соборную»-отзывчивую всему миру – содержательное основание диспута между славянофилами и западниками. Дихотомия двух начал духовной жизни русского духа – источник взаимного притяжения и терпимости в отношениях славянофильства и западничества.

Без этого понимания конспективная фиксация идей и мнений крупнейших мыслителей-славянофилов не может достичь необходимой глубины понимания природы их диалога. К сожалению, монография А. Валицкого содержит слишком мало указаний на достижение автором понимания внутреннего содержания историософии славянофилов и западников.

Отдельного внимания заслуживает третья часть книги, в которой исследуется вклад славянофильства в дальнейшее развитие отечественной философии, историософии и идеологии. В третьей части монографии рассматривается кризис славянофильского движения, его вклад в появление других направлений философской мысли. Прежде всего, философско-идеологической концепции панславизма, которая приобрела вполне осязаемые в исторической перспективе черты после успехов русской армии в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Разгром Османской империи российской армией и освобождение славянских государств Южной Европы породили мощное интеллектуальное движение в России, направленное на оправдание идеи объединения славян в едином политическом пространстве России.

А. Валицкий стремится проследить взаимосвязь между классическим славянофильством и панславизмом, и преемственность последнего от первого в его изложении прослеживается вполне четко, что обусловлено как подлинным родством двух историософских течений, так и тем восприятием славянофильства, которое широко бытует на Западе и которая продемонстрирована во второй части книги. Славянофильство как теоретическая традиция, появившаяся внутри оторванного от реального исторического процесса кабинетного дискурса, не могла не походить на формально родственную ему идею панславизма. В то же время, на наш взгляд, самоотверженная симпатия и альтруизм, которые пропагандировали славянофилы в отношении прочих славянских народов, призывы к безвозмездной помощи и защите их от притеснений иноверных на самом деле отмечены не славянским национализмом или геополитической идеологией, а продолжением той «мировой отзывчивости», при помощи которой Ф.М. Достоевский выражал идею русского вселенского мессианства, неразрывно связанную с культурно-религиозным наследием русской истории. В этой связи помощь славянам на Балканах – такой же святой долг русского народа, как помощь любому другому невинно притесняемому народу, как само хранение и поддержание неповрежденного православия – милосердие ко всем народам мира. Нетрудно

догадаться, что монография А. Валицкого не содержит указаний на эти свойства славянофильской философии, поскольку не учитывает дихотомической природы русской философской мысли.

Также третья часть книги содержит главу, посвящённую культурно-философской традиции западничества, которое воспринимается как обратный полюс русской историософской мысли, противоположный славянофильству. Несмотря на то, что А. Валицкий последовательно и логично прослеживает линию развития западничества и приводит множество отдельных примеров, формально подтверждающих противопоставление их традиции славянофильству, хочется отметить, что, на наш взгляд, это противопоставление не выдерживает глубокой критики, так как не учитывает внутреннего единства славянофильства и западничества в истории русской мысли, не отдаёт должного тому, что спор славянофилов и западников – это не спор Востока и Запада, не спор старины и модерна, не спор чувства и разума, а спор тех, кто воспринимает культурно-религиозное мессианство России как объективную историческую данность (славянофилы) и тех, для кого оно – исторически сложившийся идеологический конструкт, воспринимаемый субъективно и отражающий объективную реальность через призму атрибутивных установок. Во всём остальном между утверждениями славянофилов и западников можно смело ставить знак тождества без боязни сильно ошибиться. Взгляд А. Валицкого демонстрирует другой подход к пониманию противоречий между ними, с которым мы не торопимся согласиться.

И в конце кажется важным отметить достаточно противоречивый взгляд автора на славянофильство как на консервативную утопию. «Утопия» по смыслу слова есть идеальный образ будущего. Желанная реальность, которой нет в режиме реального времени, но которая воспринимается справедливой и служит ориентиром даже тогда, когда её заведомо невозможно осуществить. Славянофильская традиция носила характер сугубо историографический и историософский. Целью и задачами её формирования было не создание образа будущего, а верное понимание уже произошедшего, культурно-религиозной и морально-нравственной глубины тех исторических процессов, которые сопровождали русскую историю и к моменту их осмысления были давно состоявшимися. В этой связи утопией славянофильство не являлось. А было ли оно консерватизмом? Если воспринимать осмысление как способ сохранения традиции, то определённо да, и в этом смысле тема работы А. Валицкого, вынесенная автором в заголовок исследования, оказывается справедливой и вполне оправдавшей себя.

Об авторе:

Алексей Владимирович Скиженок – аналитик Аналитического Центра святителя Василия Великого.
E-mail: logos@stbasil.center.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: January 12, 2020
Accepted: February 5, 2020

The Cultural and Religious Dimension of Russia and the Orthodox World in the 17th Century in the Interpretation of Slavophiles

A.V. Skizhenok
DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-184-193

Analytical Center of St. Basil the Great

Abstract: This article is a review of the recently published Russian translation of Andrzej Valitsky's monograph "In the circle of conservative utopia. The structure and metamorphoses of Russian Slavophilism". The publication of the monograph of the Polish historian and philosopher in Russian last year was accompanied by considerable interest both in the conclusions of the author himself and in the topic that he touched on in the book. The purpose of this review is not so much to convey the contents of Andrzej Valitsky's book, but to analyze the validity of his individual conclusions and the degree of objectivity of the proposed view on the history of Slavophilism and the degree to which it is conditioned by the events of Russian history.

Key words: Slavophiles, Westerners, schism of the Russian Orthodox Church, Old Believers, Nikonians, Russian philosophy, Russian idea, philosophy of Russian history.

About the author:

Alexey Vladimirovich Skizhenok – analyst at the Analytical Center of St. Basil the Great.
E-mail: logos@stbasil.center

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Berdyaev N.A. 2008. *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. St. Petersburg: ABC classic. (In Russian)
- Valitsky A. 2019. *V krugu konservativnoj utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In a Circle of Conservative Utopia. The Structure and Metamorphoses of Russian Slavophilism]. Moscow: New Literary Review. (In Russian)
- Zenkovsky V.V. 1997. *Russkie mysliteli i Evropa* [Russian Thinkers and Europe]. Moscow: Republic. (In Russian)
- Florovsky G. 2006. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Бердяев Н.А. 2008. *Русская идея*. Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Валицкий А. 2019. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. Москва: Новое литературное обозрение.
- Зеньковский В.В. 1997. Русские мыслители и Европа. Москва: Республика.
- Флоровский Г. 2006. Пути русского богословия. Минск: Изд-во Белорусского экзархата.